

Александр Дёмышев

ВИТЬКИНЫ НЕБЕСА

Жить ради Победы

16+

Александр Васильевич Дёмышев

Витькины небеса.

Жить ради Победы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24159326

SelfPub; 2021

Аннотация

Витька – обычный мальчишка, которому ещё рано воевать. Его батя – на передовой – бьёт фашистов, а Витькина линия фронта пролегла в Кирове, в холодных цехах эвакуированного завода. Выживание в тылу – каторжная работа круглые сутки; голодные обмороки у станка; трупы рабочих, складированные штабелями. Возможно ли в этих условиях остаться человеком, сохранить надежду, любить и верить в Победу? Книга, рассчитанная на современную молодёжную аудиторию, несомненно, заинтересует и людей старшего поколения, всех кому дорога историческая правда, какой бы страшной она ни была.

Александр Дёмышев

Витькины небеса.

Жить ради Победы

1. ПЯТЬ МИНУТ ДО ПОБЕДЫ (ПРОЛОГ)

Долгий протяжный звук мешает пятнадцатилетнему Витьке спать. Так хочется оставаться в сладком забытии... И тут до него доходит: это же заводской гудок!

В ужасе откидывает Витька тёплое лоскутное одеяло, вскакивает с постели, разложенной на полу, начинает судорожно накидывать одежонку на худое тело. Мелькают тревожные мысли: «Бабушка не разбудила. Как она там, жива ли?» Но тут же слышатся хрипловатые причитания из-за печки:

– Витюша, прости, проспала я, расхворалась совсем. Боже, помоги...

Но Витьке некогда объяснять старушке, что «Бога нет»: он уже вылетает из дому и мчится к проходной.

И почему же на нашем 32-м заводе гудок такой слабый? В избе – почти не слышно! Вот на КУТШО гудок что надо, мёртвого разбудит! А мамка, как назло, в эту неделю в ночную смену работает, уж она ни в жизнь не проспала бы! А так пока отработает, да с Шинного пешком до Филейки

доберётся – так ещё часа два пройдёт.

Он бежит что есть мочи, стараясь огибать дорожную грязь, прыгает через лужи. Спотыкается о кочку и чуть не плачет от боли, ударившись ногой, на которую вчера упала тяжёлая заготовка детали для авиационной лебёдки.

«Сегодня самый неудачный день!» – думает Витька. Третий год он на заводе – и ни разу не опоздал. Идёт война, и, как все трудоспособные кировчане, он «пашет» по двенадцать часов без выходных. Не раз бывало, что по нескольку дней не выходил из цеха, когда сменщик болел. Просто ложился у станка поспать часика три – и дальше работал. И план всегда давал – а тут!

Бегут драгоценные минутки, а в памяти мелькают обрывки грозных статей из многотиражки «Заводский большевик» с суровыми приговорами врагам народа.

Конечно, за небольшое опоздание судить не станут, но выговор объявят точно. Да зарплату урежут на полгода процентов на двадцать. А в семье ещё два брата да две сестры, и все младшие, не работают ещё, да бабушка больная. На батю ещё в сорок втором похоронку получили. Вот и выходит, что они с мамой вдвоём семью тянут; каждая копейка дорога.

Всё большее ступать, да и «дыхалка» кончилась. Витька ковыляет быстренько мимо стройбатовской столовки и барака военно-учебного пункта. Глаза слезятся от обиды.

«А вдруг есть Он, Бог-то?» – проносится в Витькиной голове. И тут же, словно боясь передумать, он шепчет: «Бо-

же, помоги!». И снова пытается бежать.

Цель близка. У маленькой деревянной проходной многолюдно, не протолкнуться. Все стоят, слушают оратора. До запыхавшегося Витьки, наконец, начинают доходить обрывки фраз: «благодаря героическим усилиям нашего народа...», «фашистская Германия полностью разгромлена...», «подписан акт о безоговорочной капитуляции...»

Витька всё ещё как в тумане, нога болит, сердце колотится. Он слышит слова, но не совсем понимает смысл. Мысли по-прежнему крутятся: «Быстрее в цех, к станку!» Как вдруг где-то на краю сознания проносится: «Победа!» И тут до него по-настоящему доходит: «Войне конец, мы победили! Победа!!!»

Он слушает ораторов, видит улыбающиеся возбуждённые лица, хлопает в ладоши, кричит со всеми громко: «Ура!!!». А в голове радостно пульсирует: «Победа! Победа!! Победа!!!»

По такому случаю объявляют выходной. Люди начинают расходиться. Где-то уже играет гармошка. А Витька всё стоит и смотрит в небо. Порхают неизвестно откуда взявшиеся в начале мая снежинки; наверное, из-за них глаза опять чуть мокрые.

Как хорошо, кажется, впервые за эти годы, никуда не спешить. Просто стоять и смотреть в небо...

2. ЗА КРУТЫМ ПОВОРОТОМ

Погожий летний вечер. Редкие барашки-облака мирно пасутся на синем поле небосклона. А небесный пастух Солнце, кажется, совсем позабыл о них.

Несёт вдаль тёмные воды река Вятка, делая на извилистом пути один поворот за другим. Разные они; в основном – плавные, но изредка случается и крутой. Течёт себе река мимо старинного города, который когда-то носил её имя, течёт к Филейке – северной окраине Кирова. Вот и жизнь людская иногда похожа своими поворотами на течение реки. Никто не знает, что ждёт его за очередным поворотом...

Трое ребят отправляются на рыбалку «с ночевой». Ничто не предвещает беды.

Закатав повыше штанины, пацаны перебираются по отмели через неширокую Курью. Ещё чуток, и они выходят на пустынный берег Вятки напротив Симоновского острова. Тут-то и ожидает их загадочная находка. Огромный, из брёвен в два ряда, почерневший от времени плот. Половина его покоится на песчаном берегу. Рядом торчит воткнутый длинный шест.

– А поплыли на ту сторону рыбачить, там же лучше! – сходу кидает идею бесшабашный Кузя.

– Ага, а когда хозяин поймает, так уши надерёт! – останавливает порыв друга Мирон. Из них троих он самый старший, целых тринадцать годков!

Мнение малого одиннадцатилетнего Витьки остаётся неизвестным, так как его никто не спрашивает. Чуток по-

спорив, старшие ребята распутывают удочки и принимаются дёргать пескарей. Присоединяется к ним и Витёк.

Когда на берег опускаются короткие летние сумерки, ребята разводят костерок. Жарят ржаной хлеб, пекут в золе припасённую картошку. Хозяин чёрного плота так ещё и не объявился. Мирон с Кузей по очереди рассказывают разные страшилки, какие-то истории про Филейское кладбище. Витька слушает, раскрыв рот, храбрится.

Вскоре светает. Начинается утренний клёв. Ребятам удаётся добыть несколько крупных плотвичек. Но вот уже жаркий июньский день полностью вступает в свои права. Клёв слабеет. Ребята всё чаще посматривают на таинственный плот: он так и манит мальчишек. Разве можно устоять?

Отважная троица решается плыть на противоположный берег, порыбачить там, а после вернуть плот на прежнее место. Но не тут-то было!

Неожиданно сильное течение подхватывает плот с ребятами, не дав им добраться даже до середины реки. Мирон во всю орудует шестом, но достать дно никак не может. Кузя тянется помочь, Мирон отталкивает его. Плот шатается, Витька поскользывается и плюхается в воду.

– Живее! Он плавать не умеет! – орёт Кузя.

– Да сейчас, сейчас, – пыхтит Мирон, протягивая с краешка плота шест.

Наконец Витька цепляется за спасительную палку. Через пару минут общими усилиями он оказывается на неиз-

вестно куда плывущем плоту. Вскоре мокрый стучащий зубами Витёк замечает бакенщика. Он стоит у своей облезлой будки на том берегу. Испуганные мальчишки кричат бакенщику: «Дяденька, помоги!» Но тот, махнув рукой, поворачивается и уходит прочь. Странно. Может, слишком далеко, и он их не расслышал?

За крутым поворотом реки взорам ребят открывается вид на Красный Яр. Высоченный берег нависает над Вяткой. Мирон рассказывал, что здесь его дед откопал череп какого-то древнего ящера, наподобие дракона, да выдумал, наверное.

Тут течение вдруг стихает. Плот с ребятей оказывается ближе к их берегу. Шест касается дна. Мирон и Кузя, прыгнув в воду, выталкивают плавсредство на отмель.

Так парни оказываются в паре вёрст ниже по реке от места рыбалки. Что делать? Обсохнув и придя в себя, горе-матросы отпускают «баркас» в свободное плавание по Вятке. А сами плетутся не спеша домой.

Путь не очень близкий. Сначала идут просёлком между селом Филейским и слободой Куртеевы. Странно, но по пути им никто не попадается. Дальше дорога уходит вправо, в слободу Зоновы, но ребята решают срезать путь и направляются напрямиком через перелесок.

Холм, овраг. Наконец они выходят к каким-то развалинам.

– Тут монахи раньше жили, – Кузя тычет пальцем в двухэтажный корпус. – Их потом в тюрьму отправили, а кого-то и расстреляли. Там, на пригорке, храм большой стоял, его на кирпичи для психбольницы разобрали. А в низинке ключ, возле которого старец Стефан в пещере отшельничал. Бабушка говорила, он чудеса мог творить.

– Ха-ха-ха, бабушкиных сказок наслушался! – перебивает Мирон. – Враньё всё это.

Кузя, даром что младше, не стерпев обиды, пихает приятеля. Пацаны крепко схватываются. Вдруг вдали раздаётся какой-то непонятный протяжный звук, похожий на гудок паровоза. Становится страшновато. Ребята останавливаются в оцепенении. Каждый слышит торопливые удары своего сердца.

Тут в памяти Витьки неожиданно ясно всплывают малопонятные бабушкины слова: «Господь по грехам людским для вразумления попускает скорби: болезни, глады, войны. И нам за разорение храмов и за гонения на служителей Его – великое горе попустит». Становится совсем жутко. Кажется, в одном из окон промелькнула какая-то тень.

– Тикаем, – шепчет Витёк. И мальчишки припускают прочь что есть духу.

Вскоре, оказавшись около большой территории, отведённой под строительство нового завода, запыхавшиеся ребята переходят на шаг. По причине воскресного дня стройка пустует. Уже года два на этом месте рубят лес, тянут сю-

да коммуникации, но особого продвижения в строительстве пока не видать. Лишь кирпичные стены двух зданий возвышаются на пустыре, у них даже крыш ещё нет.

Пацанам ведомо, что здесь возводят военный завод. Ведь их отцы трудятся на стройке, а по её окончании собираются стать заводскими рабочими. Но вести разговоры обо всём этом как-то не принято.

Вечереет, но ещё по-прежнему жарко. Удивительно всё-таки, что за весь день им так и не повстречалась ни одна живая душа, разве что странный бакенщик с того берега Вятки.

Миновав стройку, ребята подходят к перекрестию дорог. Мирон и Кузя жмут на прощание Витькину руку и сворачивают направо – к себе в Пушкари. А Витька направляется к деревеньке Суханы, что в противоположной стороне, за овражком.

Душно. Чем ближе подходит Витька к деревне, тем тревожнее на душе. Что за непонятный звук слышится ему? Да это же плач! Не чей-то одинокий плач, а словно вся деревня плачет! Паренёк бежит по пустой улице. Горькие невыносимые рыдания раздаются из раскрытых окон каждого дома! Да что же за день такой сегодня?!

Вот их калитка, двери в сени настезь распахнуты. Витёк оказывается в комнатке с низким белёным потолком. Бабушка вся в слезах. Мама тихонечко воет. Плачут младшие

братья и сестрёнки. Отец сидит, отвернувшись к окну.

– Папа, что случилось? Кто-то умер? – тихо спрашивает Витька.

– Война, сынок. Немец на нас напал, – отвечает батя. Наконец поворачивается, смотрит на сына. – Все мы: и я, и дядя Зиновий, и Михаил Поликарпыч, да все наши мужики завтра едем в город, в военный комиссариат. Так что остаёшься в доме за старшего, сын.

Отец тяжело вздыхает. Пробирует улыбнуться. Предательская слезинка скатывается по его щеке. Крепким натруженным кулаком он стирает её. А заодно стирается с его лица и улыбка. Батя снова отворачивается от остолбеневшего Витьки к окну. И смотрит, смотрит...

Погожий летний вечер, такой же, как и вчера. Где-то далеко уже целый день идут кровопролитные бои, рвутся снаряды, гибнут люди, рушатся города. Уже держит оборону окружённая фашистами Брестская крепость... А у нас в глубинке – всё те же барашки-облака, да пастух Солнце. И только плач, возносящийся над русскими деревнями к небу, нарушает тишину. Да причитания: «Господи, за что же нам такое горе?»

Так в Витькиной жизни, как и в судьбе всей страны, случился крутой поворот. Так закончилось Витькино детство.

3. ВТОРОЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Чёрно-белое войско Тевтонского ордена, построенное,

как обычно, «свиньёй», быстро приближалось к новгородской дружине. Завывала устрашающая музыка. Кони, стуча копытами об лёд, пофыркивали под тяжестью облачённых в железные доспехи крестоносцев. На головах рыцарей – какие-то диковинные рогатые шлемы, похожие на перевёрнутые вёдра, с прорезями для глаз.

Русские ополченцы от мороза, а большие – от нетерпения переминались с ноги на ногу. Вглядываясь в надвигающуюся немецкую армаду, ждали княжеского приказа.

– Пора! – молвил князь Александр Невский и вытащил укороченный кавалерийский карабин Мосина образца 1891 года. – По моей команде дадим залп, и враг провалится под лёд: слишком тяжёлые у них панцири!

– Да куда там! – не выдержал находившийся неподалёку Витька. – В наших краях зима дюже морозная была. У нас на Подозерьи лёд очень крепкий!

Но никто из бородатых дружинников, облачённых в кольчуги и, как ни странно, в краснозвёздные будёновки, не обратил ни малейшего внимания на вопль мальчишки.

– Целься! – приказал князь, и тысячи винтовок с прижатыми штыками оцетинились в сторону приближавшегося неприятеля. – Пли!

Раздался невероятный грохот от упавшей на пол чугунной сковороды. Витька быстро пришёл в себя после странного сна, навеянного фильмом про Ледовое побоище. Не успел ещё тёплый июньский ветерок, залетавший в избу че-

рез распахнутое окошко, окончательно разогнать сонное наваждение, как вспомнились вчерашние тревожные события. Во сне-то оно всегда всё проще.

Мамка звала завтракать. Умывшись над тазиком холодной водой, Витёк покушал прямо из чугунка варёной картошки с парным молоком и отправился искать своих друзей-сверстников. С десятков мальчишек и девчат школьного возраста торчали, как обычно, на пяточке у оврага. Были там и его приятели Мирон и Кузя. Вся компания, в связи с начавшейся вчера войной, пребывала в приподнятом патристическом настроении.

Ребята рассуждали о том, сколько времени понадобится Красной армии, чтобы разгромить фашистов. Приходили к выводу, что недели за две, много за три наши победят. Спросили о том и у подошедшего Витьки.

– Я думаю, война продлится месяца два... – неуверенно начал Витёк.

– Да что ты, белены объелся?! Сказанул, курам на смех! – перебили его возмущённые и насмешливые голоса пионеров. – Разобьют немца дней за пятнадцать-двадцать. Эх, жаль, пока мы подрастём, уже всех врагов победят, нам повоевать не достанется!

Витька смутился и не находил, что ответить, но тут он увидел отца. Батя ехал, управляя лошадыю, на телеге, гружёной какими-то ящиками. Витёк не растерялся, подбежав к повозке, на ходу запрыгнул на маленькое местечко, пусто-

вавшее рядом с отцом.

– Пап, ты куда? Можно с тобой?

– В город еду, тару на склады повёз, – отец потрепал Витькину макушку. – Этой ночью нашим мужикам повестки на войну разносили. Всем, кроме нас, что на строительстве завода трудятся. А утром на работе митинг провели. Объявили, что бронь у нас какая-то; значит, без нас воевать будут. Мы, мол, тут нужнее. Завод наш 315-й для обороны очень важен, достраивать быстрее надо.

Батя с 40-го года, как семейство их перебралось на Филейку из Сунского района, работал на этом объекте. Трудился в гужевой бригаде на собственной лошади, перевозя грузы для строительства. Их семья вначале снимала комнату в доме в деревеньке Орловы, что подле стройки. Затем купили полдома в Суханах. А этим летом отец планировал с помощью таких же извозчиков из бригады ставить свой дом. Да только планы эти, похоже, откладывались.

Телега тряслась, поднимая клубы пыли, по грунтовой дороге, гордо именуемой Филейским шоссе. Полем, перелеском добрались до окраины Кирова. Проезжая мимо конечной автобусной остановки, что располагалась у КУТШО*, они увидели огромное скопление народа. В основном – мужчины. Витька разглядел в руках у многих из них какие-то бумажки. «Повестки на фронт!» – догадался он.

[*Примечание: КУТШО – Комбинат учебно-техническо-

го школьного оборудования. Был открыт в 1934 году. До войны – одно из крупнейших предприятий по выпуску учебных пособий не только в СССР, но и в Европе.]

Тут как раз подкатил неказистый серый автобус. Сразу стало понятно, что места всем не хватит. И тогда женщины и дети смиренно отошли в сторонку, пропуская вперёд мужчин. Переполненный автобус еле тронулся. Женщины и дети остались ждать следующего. Между тем к остановке уже спешили другие новобранцы.

Мороз пробежал по коже от непривычной картины: женщины, дети и старики уступают место в автобусе здоровым мужчинам. Мужчинам, спешащим на войну.

Телега, гружёная под завязку, продолжала путь. Грунтовка сменилась булыжной мостовой. Показались первые каменные дома в два-три этажа. Возле одного из них рабочие крепили на верхушке столба железный репродуктор.

– Радиоточку ставят, – сообщил отец, – чтобы военные сводки передавать.

– Вот здорово! – подивился Витёк. – Может теперь и до наших филейских деревень радио дотянут?

На городских улицах царила суэта. Во всём этом движении ощущалось начало чего-то большого, важного. На стене дома висел свежий, намалёванный от руки плакат.

– Прочти! – велел отец. С буквами он как-то не очень дружил.

– Товарищи, – читал по слогам Витька, сдавший недавно

экзамены за четвёртый класс, – сегодня, 23 июня 1941 года, в семь часов вечера на площади Революции состоится митинг против фашистской Германии.

– Понятно. А знаешь, чего? Сейчас груз свезём и в комиссариат поедем, добровольцем запишусь. Выдумали, тоже мне, бронь!

Витька светился от счастья. Мамка, конечно, не обрадуется. Зато скоро и его батя, разбив немцев, вернётся домой героем! А что если убьют или ранят? Да нет, не может такого быть. Пока отец до фронта доберётся, уж и воевать-то останется всего ничего. А какое уважение к героям будет, ух!

Так думал Витёк. О чём размышляет отец, он не догадывался. Солнце достигло почти зенита, когда подъехали они к той самой площади Революции. Картина, открывшаяся им, потрясла Витьку.

Множество народу. С одной стороны, очевидно, из военкомата, тянулись колонны мужчин в повседневной одежде, во главе каждой – командир РККА. На площади мобилизованные становились в длинные очереди. Вначале за военной формой, затем, переодевшись в новенькое обмундирование, за винтовками. Дальше новоиспечённых красноармейцев опять строили в громадные колонны.

Как раз, когда Витька с отцом проезжали мимо, одна такая колонна с песней «Широка страна моя родная...» двинулась в сторону вокзала. В другой колонне, построенной посреди площади и состоящей из нескольких сотен солдат, на-

чалась перекличка. Масштабность происходящего поразила Витьку, ничего подобного он раньше не видал. «Вот сила! Вот мощь! – думал Витёк. – Правы ребята: раздавят наши фашистов за пару недель, как только до фронта доберутся!»

Величественное действо это происходило на фоне огромных каменных груд. Развалины те были не чем иным, как руинами храма Александра Невского, взорванного ещё в 1937 году. Витьке вспомнился необыкновенно красивый храм. Огромный купол виднелся за много вёрст от города. Поговаривали, что храм – второй по величине во всей России. Обломков от него осталось так много, что уже четыре года прошло, а их всё никак не могли полностью вывезти с площади.

Вспомнились мальчишке и сегодняшний сон, и фильм «Александр Невский», виденный наемдни в клубе, второе кино в его жизни, после «Чапаева». От этих фильмов Витёк, как и все ребята, был в полнейшем восторге.

– Пап, а почему храм Александра Невского взорвали? Он ведь хорошим правителем был, немцев семь веков назад разгромил? – по-детски наивно спросил Витька.

– Дураки потому что, – рубанул отец.

Такой неожиданный ответ сильно напугал паренька. С младых ногтей жила в нём вера в непогрешимость властвующей партии большевиков. Витёк, как и все, кого он знал, искренне любил вождя и уважал руководителей страны. А тут такие слова! Дальше ехали молча. Витька корил себя за

не вовремя заданный вопрос. Гадал, почему отец так неправильно ответил. Но продолжить этот разговор не решился.

Разгрузившись быстренько, тронулись в обратный путь. У военного комиссариата отец оставил Витьку сторожить лошадь с пустой телегой, а сам ушёл внутрь. Но не прошло и пяти минут, как вылетел он оттуда – раздосадованный, красный. Вслед за ним, ругаясь хуже сапожника, выскочил начальник военно-учётного стола 315-го завода. Как оказалось, он с утра тут дежурил, дабы пресечь многочисленные обращения заводских работников, желавших записаться добровольцами вопреки выданной им брони.

Минут двадцать ехали в тишине. Наконец отец не выдержал.

– Ну скажи, какая от меня здесь польза? На телеге грузы возить? Так с этим делом и дедок какой-нибудь справится! А я на фронт всё одно уйду. Немцы отца моего, твоего деда, в 1916-м на империалистической* убили. Я, правда, его почти и не помню, мал был. Но мама моя, твоя бабушка, до сих пор иногда плачет. Да и не столько в этом дело: нужен я там, все мужики воевать пойдут, ну и я. Ничего, месяцок-другой пройдёт, а там и меня в армию с завода отпустят!

[*Примечание: Империалистическая война – так до начала Второй мировой войны в СССР называли Первую мировую.]

– Так к этому времени и война-то уж кончится.

– Не кончится.

– Пап, скажи, а сколько война продлится? – тихонько спросил Витька.

– Год. Это самое малое. А может статься, и все два года, – ответил отец.

Батины слова потрясли, они никак не укладывались в Витькиной голове. Целый год! Даже два года! Да как же такое возможно?! Наверно, сегодня с отцом что-то неладно. Нервы. Ну ничего, пройдёт. Просто день сегодня такой, тяжёлый...

Поздно вечером Витька сидел на голубятне со своими старшими друзьями Мироном и Кузей. Голуби ворковали, словно ничего не случилось. С небольшой высоты открывался вид на территорию будущего завода. Вдали лежала взлётка филейского аэродрома. Но взгляды ребят устремились в небо.

– Гляньте, что там творится! – Мирон показал на запад. Ребята впервые видели такой удивительный тёмно-красный закат. Кровавое зарево растянулось почти на полнеба.

– Это не просто так! Это наша армия немцам взбучку устроила! Там сейчас тысячи самолётов, тысячи танков и артиллерийских орудий стреляют! Вот зарево боёв даже досюда видно! – сказал Мирон.

– Точно! Ну всё, теперь пришёл конец фашистским гадам! – подтвердил Кузя.

– А мне сегодня батя знаете, что сказал? – Витёк вздох-

нул, посмотрел на старших ребят, предчувствуя насмешки. – Сказал, мол война-то ещё целый год продлится.

Почему-то над Витькиными словами никто не посмеялся. Мальчишки смотрели на багряно-красный запад и долго-долго молчали. Медленно подходил к концу второй день войны, развязанной потомками тевтонских рыцарей. Такой невыносимо длинный день 23 июня 1941 года.

До окончания войны оставалось одна тысяча четыреста шестнадцать дней.

4. ПО ДОРОГАМ, ИСХОЖЕННЫМ ДЕДАМИ...

1 июля 1941 года, на десятый день войны, Витёк, как и все остальные ребята, услышал важную новость: Мирон, их старший приятель, не без гордости сообщил, что его отец уходит на фронт. Отца Мирона звали Михаил Поликарпыч, и был он настоящим героем! Без единой царапины прошёл он в сороковом Финскую войну.

Воевал отец Мирона не где-то, а на передовой. Имел поэтому две медали. Про него даже заметка была в «Кировской правде» – с фотографией! Все мальчишки восхищались Михаилом Поликарпычем. Заслушивались его рассказами о боях с белофиннами, песнями, которые распевал он в праздничные дни, подыгрывая себе на гармошке. Особенно душевно исполнял он свою любимую песню о той войне «Принимай нас, Суоми-красавица!».

Когда же Михаил Поликарпыч пускался в пляс, ме-

дали на его груди прыгали и задорно позвякивали, притягивая восторженные мальчишеские взгляды. Ребята завидовали Миرونу: ну и удалой же у него батя!

У Михаила Поликарпыча, как и у Витькиного отца Александра Климентьевича, имелась на руках бронь от армии, так как оба работали на строительстве военного завода № 315. Были они закадычные друзья. И хоть на стройке виделись редко, потому-что отец Мирона работал землекопом, а Витькин батя возил на телеге материалы, но свободное время часто проводили вместе. И рыбу удили, и в баньке парились сообща, а когда нужда возникала, всегда помогали они друг другу.

– Как же твоего батю с завода на фронт отпустили? Ведь бронь же! Мой папка пробовал, ему отказали, – удивлялся Витёк.

– А мой одел свою гимнастёрку с медалями, взял с собой газету, и пошёл, хоть и беспартийный, а прямо к парторгу! – при этих словах Мирон развернул ту самую газету со статьёй «Подвиг на Карельском перешейке», где на фотографии красовался улыбающийся Михаил Поликарпыч, герой войны с белофиннами. – Вот, по рекомендации парторга, в виде исключения, с отца бронь-то и сняли.

Мирон рассказывал о походе отца к парторгу с такой важностью, словно это был очередной его подвиг. Витька с лёгким чувством зависти внимал приятелю и рассуждал: «Коли есть исключение одному – скоро, стало быть, и дру-

гим будет».

Между тем, вторжение фашистов очень быстро коренным образом изменило жизненный уклад советских людей. Вот и жители Филейки на себе почувствовали это. Вскоре после начала войны увеличилось время рабочего дня, отменили выходные.

В помощь на строительство завода из города регулярно прибывали сотни Кировчан. Привлекли к работам и заключённых из ИТК. Техники никакой не имелось. Только лопаты и топоры, да и тех не хватало. Люди рубили лес, корчевали пни, рыли траншеи для коммуникаций.

На строящееся предприятие начали прибывать иногородние специалисты с кое-каким оборудованием. Спешно возводимый завод был крайне необходим для обороны Родины...

На следующий вечер после проводов Михаила Поликарпыча Витькин отец пришёл с работы домой позже обычного. Был он сам не свой, что называется – «на взводе». Как оказалось, случилось ЧП. На стройке батина лошадь наступила на оборванный электрический провод – и её убило током. От начальства влетело всем: и рабочим, оставившим в суматохе провод без присмотра, и отцу «за недогляд».

– Эх, жаль лошадёху, всё же душа живая была. Очень уж они, лошади, к току чувствительны; ну, да ладно; знать, судьба, – вздохнул отец горько. – Пойду, значит, и я завтра к

парторгу – на фронт проситься.

– Да что ж ты удумал! – заголосила мать. – А про нас-то забыл? Пятеро детей мал мала меньше! Лёшке всего третий месяц от роду. А убьют тебя там? Да как же я одна тут с ними? Не пущу!

– Вот глупость! У всех дети. А ты как в той песне: «В красной армии штыки, чай, найдутся, без тебя большевики обойдутся». Кто же вас тогда защитит? Что ж я, хуже других?

– Тебе бронь дали. Вот и работай. Чего на рожон лезть? Не пущу! – не унималась мать.

Родители ещё долго спорили и ругались, пока, наконец, отец не хлопнул кулаком по столу, да так, что посуда попадала на пол.

– Я решил. Точка! – заявил он, сверкая глазами.

Мамка после этого отвернулась и больше с ним не разговаривала.

3 июля по только что установленному первому на Филадельке радиорепродуктору люди, затаив дыхание, прослушали речь Сталина, в которой он впервые обратился к народу со словами: «Братья и сёстры!» Люди услышали, что лучшие дивизии фашистов уже разбиты. Вождь говорил о неисчерпаемости наших резервов. Призывал отдать все силы для победы над врагом.

А вечером того же дня отец вернулся домой с повесткой в кармане. Мать сердилась на батю всё сильнее. Молча собрала на стол пришедшим проводить знакомым. За нехит-

рым угощением особо не разглагольствовали. Дядя Зиновий пожелал отцу быстрее разбить немца и вернуться домой. Разошлись скоро, ведь всем надо было спозаранку на работу.

На следующий день мрачный из-за ссоры с мамой отец простился со всеми. Взял старый чемоданчик и направился к ближайшей от Филейки автобусной остановке, было до неё километра полтора. Витёк, несмотря на отговоры бати, пошёл его провожать. Они долго топали молча вдоль недавно проложенных пустых трамвайных путей. Первый трамвай от завода в город должен был начать ходить по осени. Витькина душа рвалась на части оттого, что мама так и не простила отца.

Через пару дней они узнали, что папка находится на сборно-учебном пункте РККА. Располагался этот пункт к западу от Кирова на Московском тракте, в бывших корпусах Вятской духовной семинарии, но попов оттуда давно выгнали и нашли для этой огороженной забором территории более «политически-правильное» применение*.

[*Примечание: В этом месте размещалось впоследствии КВАТУ (Кировское Военное Авиационно-Техническое Училище), расформированное в 2010 г. В конце 2012 г. территория с комплексом зданий возвращена Вятской епархии РПЦ.]

Александра Климентьевича не отправили сразу на фронт, как папу Мирона. И дети с бабушкой стали ходить к нему «в гости» каждый день. Мамка собирала для отца шед-

рые по их меркам гостинцы. Она уже оттаяла и в душе простила батю, но всё ещё хранила суровый вид при упоминании о нём и на встречи к нему не ходила.

А встречи эти были такие. Обычно в пятом часу вечера ребята под предводительством бабушки, прихватив узелок с гостинцем, выходили из дому. Обходя город стороной, просёлочными дорогами, часам к шести они прибывали на место. Дальше приходилось ждать, пока отца отпустят на свидание. Ждали от нескольких минут до 1-2 часов. А однажды, было дело, отца совсем не отпустили. Томительные минуты перед встречей с папкой иногда скрашивались патефонной музыкой, доносящейся из-за забора: по вечерам для солдат крутили пластинки с патриотическими песнями.

После мучительного ожидания – короткое, на несколько минут, свидание. Батя выходил к ним в новеньком обмундировании. Всех обнимал, гладил. Вместе кушали, сидя на травке, принесённый отцу гостинец. Он говорил, что кормят солдат очень хорошо, поэтому большую часть гостинца тут же с аппетитом съедали дети. Папка рассказывал, как их с утра до вечера учат военному делу. Учат стрелять, разбирать оружие, ползать по-пластунски, бить штыком и многому ещё.

По сведениям отца, их батальон должны были месяц продержат на этом сборно-учебном пункте перед отправкой на фронт. В конце каждого свидания батя, отведа в сторонку бабушку, спрашивал про мамку, говорил: пусть придёт. Ба-

бушка отвечала, что мама всё собирается прийти, но работает допоздна, да дел по хозяйству очень много, но вскорости придёт обязательно...

Так прошло несколько дней. Однажды вечером, в самую середину июля, Витёк с Кузей, как договаривались накануне, зашли к Мирону. Они собирались, по обыкновению, рыбачить «с ночевой».

Войдя в избу, ребята обнаружили Мирона, как правило, всегда в готовности ожидавшего друзей, на этот раз лежащим на кровати, отвернувшимся к стенке. Его мать и сёстры были в другой комнатке. Солнечный луч, заглядывая через отворённое окошко, падал на лежавшую раскрытой на столе ту самую газету с фотографией Михаила Поликарпыча. Витька вновь невольно полюбовался на батю Мирона. Тишину комнаты нарушало лишь противное жужжание мухи под потолком.

– Эй, хватит дрыхнуть, весь клёв проспидишь, – позвал приятеля Витёк.

– Тише, – шепнул Витьке на ухо Кузя и, слегка ткнув его локтем в бок, кивнул в угол.

Только тут Витёк заметил, что большое зеркало, стоящее в углу комнаты, занавешено покрывалом.

– Папку убили, – не поворачиваясь к друзьям, дрожащим голосом выдал страшные слова Мирон.

Всё перевернулось! Всего пару недель прошло как

Михаил Поликарпыч живой, здоровый, геройский уходил на фронт громить фашистского гада, и на тебе! Их эшелон уничтожен немецкой авиацией где-то под Новгородом. Отец Мирона погиб вместе с сотнями таких же красноармейцев, не успев даже добраться до линии фронта.

С той поры незваные гости – похоронки – словно серые каркающие вороны, одна за другой всё чаще и чаще стали прилетать в дома, неся с собой страдания и боль. Известие о гибели Михаила Поликарпыча потрясло всех. Люди ждали его скорого возвращения с победой, как после Финской, и не представляли, что смерть может случиться так быстро, так нелепо.

На следующий же вечер, придя с работы, мама засоби-ралась скорее на встречу к отцу. Обиды, гордость – всё было забыто пред лицом смертельной опасности.

На этот раз путь показался особенно долгим; наверное, из-за того, что мама всё спешила и торопила их. Придя, наконец, на КПП сборно-учебного пункта Красной Армии, они узнали, что батальон отца досрочно окончил курс подготовки и утром отправлен на фронт.

Мама осела на траву, обняла руками убранный платком голову и тихонечко заплакала. Из-за забора доносились негромкие звуки патефонной музыки и приятный голос певца:

*Сосняком по откосам кудрявится
Пограничный скупой кругозор.*

*Принимай нас, Суоми-красавица,
В ожерелье прозрачных озёр!
Ломят танки широкие просеки,
Самолёты кружат в облаках,
Невысокое солнышко осени
Зажигает огни на штыках.
Мы привыкли брататься с победами
И опять мы проносим в бою
По дорогам, исхоженным дедами,
Краснозвёздную славу свою...*

5. ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

С тех пор, как на Филейке появился первый радиоре-продуктор, все, кто мог – от мала до велика – стали слушать ежедневные сводки Совинформбюро. Не был исключением и Витька. Люди заранее собирались под большим угловатым рупором и с надеждой в сердце вслушивались в каждое слово диктора. О, этот редкий по тембру и выразительности голос, разносившийся над толпой – он вселял в слушателей уверенность в скорой победе! «Ле-ви-тан», – несколько раз по слогам повторил про себя Витёк странную фамилию диктора, когда впервые услышал её, чтобы получше запомнить.

Июльские сводки вселяли оптимизм. Почти ежедневно в них говорилось: «Наши войска наносят немецкой армии большое поражение». Часто сообщалось, что Красная армия, разгромив крупные силы фашистов, перешла в на-

ступление. Количество ежедневно сбиваемых фашистских самолётов в сводках Совинформбюро доходило до ста и более. Наши потери всегда были в 2-3 раза меньше немецких. Лишь однажды передали, что советские войска осуществили планомерный отход из города Львова на заранее подготовленный рубеж обороны. Приграничный Львов – единственный город, об оставлении которого сообщили по радио.

Поэтому Витька был ошарашен, когда однажды, где-то в конце июля, прослушав очередную такую сводку, дядя Зиновий, тихонько выругавшись, процедил:

– Плохо дело, драпаем.

Витёк не поверил своим ушам. Увязался за уходящим работать дядькой и потребовал объяснений.

– А ты чем радио слушаешь? – спросил на ходу у племянника дядя Зиновий. – Понимаешь ли, где сейчас фронт?

– Ушами слушаю, – обиделся Витька. – А фронт – ну, где-то у границы. Ну и что? Скоро наши фашистов погонят!

– У гра-ни-цы! – передразнил дядька. – Лучше слушай! Тут, кроме ушей, ещё и голова нужна, да чтоб соображала, – и постучал племянника по лбу.

С тех пор Витёк стал обращать внимание, что в сводках иногда упоминаются какие-то направления, на которых идут бои. Но что это за направления такие, где они? Он пробовал искать в учебнике по географии Новоград-Волыньское, Невельское, Порховское направления или хоть что-то похожее, но у него так ничего и не вышло.

В августе из сводок как-то незнзначай исчезла до этого регулярная формулировка: «Наши войска наносят немецкой армии большое поражение». А вскоре диктор время от времени стал сообщать об оставленных городах. В вечерней сводке за 13 августа, как бы между прочим, сообщалось: «Несколько дней назад наши войска оставили Смоленск». Витька бросился домой, думая: «Смоленск, очень знакомое название. Где ж это?» Раскрыв учебник, он обомлел: от Смоленска до Москвы оставалось уже меньше, чем от довоенной границы до этого самого Смоленска! А диктор сказал, что Смоленск оставили несколько дней назад. Покрутив линейкой, Витёк высчитал, что фашисты всего в трёхстах километрах от столицы. Драпаем! Как же так?!

Витёк был в недоумении. Как такое возможно, что «непобедимая и легендарная» Красная Армия, которая «всех сильней», так поспешно отступает? Ведь разгромили же японских самураев в боях у озера Хасан в 1938-ом и на Халхин-Голе в 1939-ом. С белофиннами в 1940-ом тоже быстро справились. Не говоря уж о победном шествии Красной Армии по Прибалтике и Польше, вернувшем СССР территории Западной Украины и Белоруссии. Всё это было совсем недавно, ведь не приснилось же! Советским людям все эти годы внушали, что если начнётся война, Красная Армия сразу перейдёт в наступление и быстро разгромит врага на его территории. Что же случилось? Неужто фашисты так сильны?

А жизнь с каждым днём становилась всё сложнее. Мама с утра до вечера работала. Бабушка занималась хозяйством. Покупку продуктов возложили на плечи одиннадцатилетнего Витьки, как старшего из детей. Огромное количество времени у него теперь отнимало стояние в очередях за едой. Полки магазинов давно опустели, народ скупил уже всё, что можно. А для того, чтобы купить буханку хлеба, приходилось занимать очередь в четыре утра. Отлучаться нельзя, так как частенько устраивалась перепись очереди, и, если человека не оказывалось на месте, его тут же без разговоров вычёркивали. На покупку буханки хлеба Витька тратил ежедневно примерно по шесть часов.

Сильно тревожило отсутствие известий от отца. Их мама, Катерина Павловна, очень расстраивалась из-за ссоры с батей и виноватила себя за то, что не успела проститься с ним. Думала, что это из-за обиды на неё отец не пишет.

– Да не умеет он толком писать, читает-то еле-еле по складам, вот и не пишет, – пыталась её утешить бабушка.

– Сам не может, так попросил бы сослуживца какого грамотного; чай, не откажут. Да хоть бы только адрес узнать, я б сама ему написала, прощения бы попросила, – продолжала расстраиваться мама...

Строительство филиейского завода набирало обороты. Временно привлечённых из ИТК заключённых вскоре сменил стройбат. Нарастивались темпы работ, но до завершения

было ещё ой, как далеко! Всё больше народу приезжало на строительство 315-го завода из других городов. В конце августа прибыло крупное, в несколько сотен человек, пополнение эвакуированных ребят-ремесленников из Одессы.

Однажды Витька, стоя в длинной очереди за крупой, познакомился с разговорчивым 16-летним Колькой-одесситом. Колька рассказал, что их город начали бомбить с первого дня войны. Много дней горело взорванное нефтехранилище. Немцы разбомбили весь порт, затонуло множество кораблей. В этих ужасных условиях молоденькие ребята сталинского призыва ремесленных училищ продолжали ежедневно учиться и работать. Через месяц после начала войны им объявили об эвакуации. Строем в парадной форме шли они пешком 120 км до Николаева. Передвигались по ночам, опасаясь авианалётов. Отсыпались на полях в неубранных скирдах. Через четыре дня добрались. Только отправились из Николаева дальше в Херсон, как ночью в город вошли немцы. То же самое случилось и в Херсоне – только успели они уехать, как на следующий день его заняли фашисты. В тот момент им казалось, что всё уже кончено, германская армия шла по пятам. Потом через Запорожье, Горький, на открытых платформах, в товарняках добирались к месту эвакуации – в Киров. В пути их часто бомбили. Спасаясь, мальчишки прыгали из вагонов и разбегались в разные стороны. Продуктов, выданных ещё в Одессе, хватило ненадолго, пришлось голодать. В долгой и трудной дороге ребята терялись,

гибли в бомбёжках. До Кирова добирались месяц. К месту эвакуации прибыли едва ли две трети вышедших из Одессы.

– Где ж вы сейчас живёте? – спросил Витёк.

– У поликлиники, в землянках, в которых до нас зеков держали, – отвечал Колька. – Ничего, нормально. Главное, здесь бомбёжек нет!

В самом конце августа почтальонша наконец-то принёсла долгожданное письмо от бати – потрёпанный сложенный треугольником листок, на котором обратным адресом значилось: «Действующая армия, полевая почта № ...».

В письме были батины слова, записанные красивым почерком кем-то из грамотных сослуживцев: «Здравствуйте, мои дорогие мама Анна, жена Катерина, дети Витя, Таня, Маша, Толя и Алёшка! Только что наш батальон прибыл на фронт, и выдалась свободная минутка рассказать вам мои новости. Во-первых, хочу сказать тебе, дорогая моя Катенька, что ты у меня самая лучшая жена в мире. Не обижайся на меня и прости, что ушёл воевать добровольцем, оставив тебя с детьми, но по-другому я не мог. Виноват в нашей разлуке не я, а проклятый Гитлер, напавший на нашу Родину. Знай, что и я тебя простил. А фашистам от меня скоро достанется. Мы с товарищами выгоним всех врагов с нашей земли. Я вернусь, и будем жить хорошо-хорошо! Мы сейчас возводим оборонительный рубеж перед Смоленском. Роем окопы, оборудуем блиндажи. Ждём, когда подойдут фрицы, чтобы

всыпать им по первое число! У нас есть приказ командования – в Смоленск врага не пускать! И мы с товарищами приложим все силы, чтобы его выполнить. И погоним фашистов с нашей земли! Оставайтесь здоровыми и пишите мне, буду ждать. Ваш сын, муж, отец Александр. 2 августа 1941 г.»

Получив это письмо, в семье не знали, что делать – радоваться или плакать? Получить долгожданную весточку от отца, конечно, радостно. Но письмо написано почти месяц назад. Все знали, что наши войска давно выбиты из Смоленска. Тяжёлые мысли бередили душу. Что же произошло с батей, с их батальоном, стоявшим на передовой? Пока всё это оставалось тревожной загадкой.

6. ГЛАЗА, ПОЛНЫЕ ГОРЯ

Вот и подошло к концу горячее, горькое лето 1941-го года. Чтобы хоть как-то упорядочить снабжение населения, власти ввели карточки на основные продукты. Продовольственные нормы невысокие, но позволяли худо-бедно существовать. Введение продкарточек облегчило Витькину жизнь. Теперь ему уже не нужно было простаивать по полдня в очередях за хлебом. И 1 сентября он, как все нормальные дети, пошёл учиться.

Всё бы ничего, но ближайшая к их деревне школа, располагавшаяся у КУТШО, была начальной, четырёхлетней. И теперь перешедшему в пятый класс Витьке приходилось ежедневно пешком топать в школу на улице Дрелевского. На

дорогу уходило больше часа в один конец. Добравшись до города по грязному, размокшему по осени Филейскому шоссе, сворачивал он на Октябрьскую улицу. Шёл по ней мимо старого Богословского кладбища*, за которым виднелась тренировочная парашютная вышка.

[*Примечание: Богословское кладбище снесли после войны. Сейчас на том месте стоит Областной Дом Народного Творчества.]

Октябрьская улица представляла собой широкий, поросший травой пустырь, вытянувшийся по окраине города с севера на юг.* По сторонам редели невысокие, большей частью деревянные дома. Посередине улицы пролегла узкая дорожка, по которой проезжал время от времени редкий транспорт – телеги с запряжёнными в них лошадьми. Несколько раз в день тишину улицы нарушало урчание мотора автобуса или грузовичка, а легковые автомобили были вообще в диковинку. Глядя на проезжавшие повозки, Витька частенько вспоминал их последнюю с батей поездку в город.

[*Примечание: Ныне Октябрьский проспект – главная улица г.Кирова.]

Не успели ребята начать учиться, как в здание школы въехал военный госпиталь. Их классу выделили какую-то небольшую каморку ещё дальше от дому. Направляясь на учёбу, Витёк почти с середины пути видел ориентир – высокую водонапорную башню, стоявшую прямо посреди Октябрьской улицы. Рядом с этой башней они и учились.

Однажды их класс послали на субботник прибирать территорию вокзала. Вскоре к радости мальчишек, издав протяжный гудок, появился из-за поворота грохочущий паровоз. Большой, чёрный с красной звездой спереди, чадавший копотью паровоз притащил за собой вереницу разномастных вагонов и, выпустив клубы пара, замер у резервуара с водой.

То прибыл в Киров очередной поезд с эвакуированными из Ленинграда. Их было много, особенно маленьких ребятшек дошкольного возраста. Дети бросались на шеи встречавших воспитательниц и кричали: «Тётя, скажи, где моя мама?». Никто не мог без слёз смотреть на этих перепуганных бомбёжками детишек, увезённых от оставшихся погибать, защищая родной город, родителей. Надолго запомнились Витьке эти детские глаза, полные горя.

Витёк тогда ещё не знал, что пока этот поезд добирался до Кирова, гитлеровцы окружили Ленинград и началась блокада города, которая будет продолжаться почти 900 дней и унесёт сотни тысяч человеческих жизней.

Мама хотела перевести Витьку учиться поближе к дому – в школу села Филейка, до которой добираться от Суханов гораздо ближе, но к концу сентября стало не до учёбы. Каждый день дети ходили в лес собирать сучья на дрова: ведь зима была не за горами. Так и забросил Витёк школу до лучших времён, как и многие его сверстники.

На глазах Витьки происходило становление филейского завода. С началом войны, несмотря на возросшие трудности, связанные с нехваткой стройматериалов, темпы строительства нового завода № 315 заметно выросли. Дядя Зиновий рассказывал Витьке, как сооружались бараки для размещения производства. Один из корпусов из-за отсутствия цемента строили из дерева, крыша его держалась на нескольких сотнях деревянных столбов, поэтому внутри корпуса было как в лесу. Срочно строили электроподстанцию, другие вспомогательные сооружения.

По филейским деревням уже ходили слухи о скором прибытии эвакуирующегося завода с оборудованием и людьми, но подробностей толком никто не знал.

Весь сентябрь в скупых сообщениях Совинформбюро ежедневно говорилось об упорных ожесточённых боях на всей линии фронта. Как-то раз Витька стоял, по обыкновению, в толпе и слушал очередную сводку. Передавали, что оставшаяся глубоко в тылу противника Одесса не сдаётся, продолжает вести героическую оборону, и её защитники уже разгромили несколько румынских дивизий. Витёк глядел на лица стоящих рядом эвакуированных ребят-одесситов и видел их влажные глаза и крепко стиснутые зубы.

Вскоре проводили на войну и дядю Зиновия. Он оказался на том же сборно-учебном пункте РККА, где в своё время ожидал отправки на фронт Витькин батя. Однажды Витёк вместе с роднёй пришёл навестить дядьку. Немало

удивились они тогда виду красноармейцев. Дядя Зиновий предстал пред ними в нижнем белье и каких-то замызганных башмаках. Так же были «обмундированы» и его сослуживцы.

– Формы на всех не хватает, – ругался раздосадованный дядька. – Выдали нам обмундирование, а через три дня отобрали для срочно отбывающих на фронт. Теперь неделю уж строем в исподнем ходим. Тьфу! Цирк какой-то, так их растак!

Посещение сборно-учебного пункта вызвало тяжёлые чувства, напомнило об отце. И так стало нехорошо на душе у Витьки, что с тех пор он туда больше не ходил.

Однажды серым октябрьским утром, когда мелкий осенний дождик мочил кучки опавшей листвы, Витёк зашёл проведать своего друга Мирона. Был там и Кузя со своим старшим братом, шестнадцатилетним Григорием. Ребята поговорили о жите-быте, повспоминали погибшего Миронина отца Михаила Поликарпыча. И тут Мирон вытащил лист бумаги, исписанный ровным детским почерком. Григорий, как старший, взял его в руки и стал читать: «Военному комиссару Сталинского района города Кирова. Заявление. Прошу принять меня добровольцем в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, так как я хочу с оружием в руках защищать нашу Советскую Родину и мстить фашистам за смерть отца. Умею хорошо стрелять из охотничьего ружья. Могу быть снайпером или разведчиком. Буду дисциплини-

рованным, смелым, до конца преданным Родине бойцом. Я уверен, что моя рука не дрогнет и все пули пойдут точно во врагов».

– Вот так дал! – восхитился приятелем Витька.

– Молодец, здорово придумал! – подтвердил Кузя.

– Всё это, конечно, хорошо, – попытался вразумить друзей Григорий, – да только ничего не выйдет: тебе ж на днях четырнадцать только стукнуло. Кто ж тебя в армию-то возьмёт, да ещё и на фронт? Исключено.

– Ничего ты не понимаешь! – выговаривал ему Мирон. – Мой возраст будет козырем, если меня в разведку послать. Я у немцев меньше подозрений вызову, чем здоровый мужик, верно? А выносливость и меткость у меня получше чем у некоторых!

– Шёл бы ты, парень, на завод устраиваться, там больше от тебя пользы Родине будет. Вот я уже с начальником отдела найма поговорил, берут меня на работу.

– Я в армию хочу, за батю поквитаться! А не возьмут, убегу на фронт, там примут!

Витька возвращался домой понурый. Все в семье переживали из-за отца. После единственной полученной с фронта весточки писали бате в действующую армию уже трижды, а ответа всё не было. Ему вдруг захотелось убежать на фронт вместе с Мироном, повстречать там папку и воевать вместе против фашистов.

Дома было пусто. Лишь из-за занавески, отделяющей бабушкин угол, доносились лёгкие шорохи. Витёк тихонечко скользнул за пёструю материю. Бабушка стояла спиной к Витьке и нащёптывала молитвы. Перед ней на комодѣ возвышалась икона с величественным седобородым дедом. Витька не знал, что это за образ, он видел его впервые. Наверное, бабушка из какой-нибудь разрушенной церкви принесла: Витёк слышал, что некоторые несознательные элементы так делают. «Хорошо же бабушка икону прячет, раз никто в доме про неё не знает», – вздохнул про себя Витька.

Сам-то он, как порядочный пионер, в Бога не верил. И на бабушку в этом вопросе смотрел свысока. Как-никак за плечами Витьки имелся солидный багаж из законченных четырёх классов, а у бабушки всё образование – три класса церковно-приходской школы. «Что поделатъ, пережитки прошлого, – рассуждал просвещённый паренёк. – Ведь объяснил же прогрессивный английский учёный Чарльз Дарвин, что обезьяна превратилась в человека, что тут может быть непонятного?!»

Витька подошёл к окошку и взглянул на хмурое небо. «Вот если бы бабушкины молитвы могли помочь отцу, Родине... А так что толку от них?» – подумалось мальчишке. В это время раздался нетерпеливый стук в дверь. Витька вышел, а через мгновенье влетел обратно с радостным криком, держа в руке заветный мятый треугольник.

– Бабушка! Скорей! Письмо от бати!

– Читай, милоч, читай, – бабушка, крестясь, появилась из своего угла.

Витька принялся читать вслух. В письме отец с горечью описывал события сражения за Смоленск. Как они из последних сил держали свой рубеж обороны, отражая бесчисленные атаки фашистов. Как пришлось им, непобеждённым, отходить, оставив этот рубеж, чтобы не угодить в окружение. Как напоролись неожиданно в лесу на громадную колонну гитлеровцев и в завязавшемся бою его тяжело ранили. Как однополчане тащили его, раненого, двое суток к своим.

Из письма они узнали, что отец был дважды ранен в плечо и в ногу. Но уже шёл на поправку, находясь в подмосковном одинцовском госпитале.

Вечером Витька зашёл к Миرونу узнать результаты его похода в военкомат. Мирон был угрюм и неразговорчив. «Не взяли», – понял Витька и предложил другу вместе бежать на фронт. Мирон тут же оживился.

– Давай. Может, к партизанам прорвёмся. Там такие, как мы, точно пригодятся! – предложил Мирон.

– Не, я к отцу хочу, вот и адрес госпиталя есть, – возразил Витёк, – Он уже скоро поправиться должен, там и повоюем.

– Да, повоюешь ты! Меня вон в военкомате чуть ремнём не выдрали: мол, дурь из тебя вышибем. А потом объяснили, что у них сверх планового призыва ещё больше тысячи заявлений лежит от добровольцев. Так что не всех ещё берут, и нам, малолеткам, ничего не светит. А ты думаешь, в

армию придешь – и тебя там с распростёртыми объятьями встретят?

Просовещавшись весь вечер, ребята решили с утра пораньше бежать на фронт, а там будь, что будет!

Лёжа под тёплым лоскутным одеялом, Витька всё никак не мог уснуть в ту ночь. Мешали воспоминания. Вокзал, паровоз. Малыши-дошколята, эвакуированные из Ленинграда. «Скажи, где моя мама?» – и детские глаза, полные горя.

7. ПОБЕГ НА ВОЙНУ

Шёл четвёртый месяц войны. Фашисты всё ближе подбирались к Москве. Из столицы на восток непрерывным потоком эвакуировались промышленные предприятия и люди. Стонали перегруженные транспортные артерии; ведь из тыла в сторону фронта перебрасывались всё новые и новые подкрепления: люди, техника, боеприпасы. Словно в гигантской топке, сгорали они в пламени войны, и пламя это никак не могло насытиться.

9 октября 1941 года Государственный комитет обороны принял постановление об эвакуации московского завода № 32 в далёкий город Киров.

А в Кирове, на северной его окраине – Филейке, встретились в то утро два паренька, решивших бежать на войну бить немцев. Было по-осеннему сыро. Остывшая за ночь стройплощадка пряталась в густом тумане. А Витька с Мироном решили начать свою авантюру с визита к дяде

Филиппу. Добравшись до располагавшейся рядом с Филейским шоссе, деревни Тиминцы, пацаны вошли в покосившуюся избу. Безногий дядя Филипп, выглядящий из-за косматой бороды гораздо старше своих лет, уже работал, как обычно, починяя чью-то обувь.

– Дядя Филипп, нам задание в школе дали: про беспризорников написать, – соврал, не моргнув глазом, Мирон.

– Ну, заходи, послушаете, – мужик отложил в сторону инструмент, почесал по-простецки бороду. Он был рад неожиданному визиту мальчишек. – Чаво рассказать-то?

– А как вы по стране путешествовали, куда ездили, где бывали?

Простоватый одинокий калека дядя Филипп жил бобылём. И когда выпадала редкая возможность рассказать про свою жизнь – использовал её по полной. Ловко вскарабкавшись, он устроился прямо на рабочем столе рядом с верстаком и принялся пересказывать свою судьбинушку. Отец его погиб на империалистической войне, мать умерла от тифа после революции. Жили с братом и сестрой у родственников, которые тоже все погибли. Кого-то убили на гражданской войне, кто-то умер от голода и заразных болезней. Так в четырнадцать лет остался он один на белом свете. Три года скитался с беспризорниками в поисках лучшей доли по всей России. Именно этот период жизни дяди Филиппа и интересовал больше всего мальчишек.

– А как же вы на поездах ездили без денег, без билетов? –

направляли пацаны разговор в нужное русло.

– Так на товарняках. Товарняки – они что? На станции обычно их сторожат. Так выберешь, бывало, место сразу за станцией; желательно, чтобы дорога в горку была. Тогда, пока паровоз не раскочегарился и скорость не набрал, можно запрыгнуть под проползающий мимо вагон. Потом нужно быстро выискать под вагоном такую скрепу, схватиться за неё покрепче и завернуться в собачий ящик. Если к этому времени ещё цел, считай, полдела сделано. Так мы и путешествовали после Гражданской.

– А что это за скрепа такая? Где её под вагоном найти?

– Э-э-э, ребята, вона что! Никак в путешествие собрались, – горько усмехнулся дядя Филипп. – Ну, так на это я вам вот что отвечу. Чтобы так ездить, большая тренировка нужна. Да и то вона эсколь нашего брата погибло! Умеючи и то, чуть зазевался – вмиг ходули отрежет!

После этих слов он красноречиво похлопал по своим култышкам и добавил:

– То-то! А по нынешним временам-то может, оно и к лучшему, что отрезало, пёс его знает...

Ребята возвращались восвояси несолоно хлебавши. Вопрос, каким способом добираться до фронта, так и не был решён. Култышки дяди Филиппа произвели впечатление. Немного покумекав, мальчишки решили всё же ехать товарняком, спрятавшись внутри вагона. А как иначе? Не

пешком же идти, так и до зимы не добраться! Об автомобильном транспорте даже и не заикались. Известно было: осенью и весной в Кировской области дороги превращаются в непролазную трясину – такую, что и на танке не проехать.

Пацаны разошлись по домам собираться в путь. Основательно подкрепились в дорогу, оставили для родных прощальные записки. Встретились вновь, как обычно, у овражка. Уже готовые, с котомками направились они напрямиком на 16-й разъезд. На этой небольшой станции, спрятавшейся в лесу за посёлком Ганино, где ненадолго останавливались грузовые составы, им повезло. Довольно быстро отыскали они пустой крытый вагон. Скоро поезд тронулся.

– Что ж, в добрый путь! – промолвил Витёк. – Хорошо у нас получилось.

– Да, но это только начало, – отозвался Мирон. – Нам, главное, в Лянгасово удачно вагон найти. До Горького доберёмся, а там уж будем искать состав в сторону фронта.

– А куда мы направимся?

– Это уж как повезёт. Фронт большой. Можем и в Карелии оказаться, можем и на Украине.

Уже вечерело, когда два паренька добрались до огромной сортировочной станции Лянгасово. Витька никогда раньше не бывал на таких станциях и не представлял себе, как они смогут сориентироваться среди всех этих составов и десятков путей, растянувшихся на километры. Мирон тоже был сбит с толку, но, как старший, не подавал виду.

Прошли обходчики, стуча по колёсам вагонов. Дождавшись сумерек, ребята выпрыгнули из убежища. Мирон всё это время наблюдал за составами и сделал вывод, что они уходят со станции по очереди. Осторожно, чтобы не попасться на глаза охране, ребята пролезали под вагонами. Так они добрались до состава, который, по мнению Мирона, должен был вскорости отправиться. Долго крались они вдоль вагонов, но подходящего для поездки всё не находилось.

Наконец, Мирон вскарабкался по боковой лесенке и посвистел сверху Витьке. Тот последовал за товарищем. Вот и оказались они в своей новой резиденции на колёсах. Однако этот полувагон по комфорту заметно уступал предыдущему. Почти полностью он был заполнен углём, не было крыши над головой. Ребята могли расположиться только лёжа, тогда деревянные борта чуток закрывали их от ветра.

Не успели друзья перекусить, как раздался сильнейший удар и грохот. Поезд тронулся. Хорошо, что ребята лежали, иначе скувырнулись бы от такого рывка. Вскоре радость от быстрой отправки сменилась недоумением. Их вагон принялись таскать по всей станции, прицепляя то к одному составу, то к другому.

– Чёй-то нас туда-сюда мотают? – пробурчал Витька.

– Сортируют, – догадался Мирон. – На то она «сортировочная станция» и зовётся.

Так продолжалось до глубокой ночи, пока, наконец-то, их вагон не оказался прицепленным к длиннющему эшелону.

ну. Сразу стало понятно, что теперь их состав сформирован и ждёт отправления. К этому времени были они совсем далеко, где-то в трёх верстах от места прибытия на станцию. Стало холодать. Мальчишки натянули все вещи, прихваченные из дома. Чувствовалась усталость, но сон не шёл. Они лежали на угольных камнях. Но эти неровности и холод не прогоняли сон так, как отгоняло его чувство опасности.

– Мироха, что если нас поймают?

– Худо будет. Военное время ведь, долго, поди, разбираться не станут. Так что сиди тихо.

Вскоре в ночи послышались шаги. Всё ближе и ближе. Ребята, затаив дыхание, вжались в уголь. Вдруг тот, кто шёл, остановился около их вагона. Витьке казалось, что его сердце колотится на всю станцию. Мальчишки слышали характерный звук падающей на гравий струи. Несколько секунд, показавшихся вечностью, и шаги стали удаляться. Кто это был – охранник, железнодорожник, диверсант – перепуганные ребята так и не узнали.

Где-то под утро – грохот, удар, и поезд, наконец, тронулся.

– К вечеру, поди, до Горького доберёмся! – обрадовался Витёк

– Больно ты шустрый, это ж не пассажирский тебе. Кто его знает, сколько проедем, – ответил Мирон.

– А хорошо бы всё-таки воевать, где потеплее.

На это замечание друга Мирон хотел ответить, что и за полярным кругом люди воюют. Но тут на ходу стало так зябко, что Мирон промолчал, а в душе даже и согласился с Витькой. Только с рассветом, когда воздух начал мало-помалу прогреваться, стало чуть легче.

Поезд плёлся еле-еле, часто останавливался. Мальчишкам казалось, что они больше стоят, чем едут. Впрочем, так оно и было. Ребята и покемарить успели, отогревшись на скупом осеннем солнышке. Всю дорогу из вагона не высывались, благо еда в запасе имелась. Одно – плохо: воды взять не догадались, но было не жарко, пить не очень хотелось.

Вскоре после полудня встали на крупной станции.

– Шахунья. Полдороги до Горького, – определил Мирон.

Через пару путей от их вагона, загороженный другими составами, стоял армейский эшелон. До ребят доносились звуки гармошки, залихватские частушки, громкие команды, какие-то крики, смех красноармейцев. Ребята лежали, притаясь.

– Вот бы нам в тот эшелон напроситься, и сразу на фронт, – прошептал Витька.

– Мечтать не вредно, – тихонько вздохнул Мироха, – да не получится. Ни один командир на себя ответственность не возьмёт. Уж когда на место прибудем, тогда другое дело.

– Возьмут нас в армию?

– А куда ж денутся? Или мы к партизанам прорвёмся.

Мирон пытался говорить убедительно, но уже сам по-

нимал, что затея с прорывом к партизанам – штука довольно-таки фантастическая.

Через полчаса их поезд тронулся. Странно, что он ушёл со станции раньше красноармейского эшелона. Ведь составы с солдатами, спешащие на фронт, пропускались в первую очередь. Зато на ходу можно вновь громко разговаривать, шутить.

– Как думаешь, у нас на Филейке завод быстро построят? – кричал Витёк, перекрывая стук колёс.

– Ага! – орал, шурясь, Мирон, и его волосы трепал ветер. – Мать говорила, скоро военный завод к нам эвакуируют и людей ещё привезут.

Так и ехали весь день. Сквозь облака частенько выглядывало солнышко. Впереди чадил трудяга-паровоз. И всё бы хорошо, но уже очень хотелось пить. Наконец, ближе к вечеру прикатили на большую, забитую поездами станцию.

– Горький, кажись! – обрадовал друга Мирон.

Перепаханые, как трубочисты, ребята спрыгнули на землю и, размяв затёкшие мышцы, осторожно поплелись вдоль составов. Они решили вначале выйти в город, чтобы раздобыть воды и хлеба, прежде чем продолжать путешествие. Пацаны осторожно пробирались меж бесконечных вагонов. Сумерки, опустившиеся на станцию, были им в помощь. Шли они наугад. Вдруг, о чудо, ребята заметили прямо меж путей колонку. Попробовали нажать. Вода! Мальчишки стали по очереди жадно пить. Ещё и ещё.

– Ну как, водохлёбы, наакались, что ли? – раздался вдруг резкий окрик.

Ребята вздрогнули, дёрнулись, но не тут-то было. Их крепко схватили, больно вывернули руки и куда-то поволокли.

8. У КАЖДОГО – СВОЙ ФРОНТ

Так попались мальчишки патрулю. Их доставили в комендатуру и заперли в подвальной комнате, по виду похожей на тюремную камеру. Было очень обидно и как-то страшно-вато. Не успели ребята прийти в себя, как их отконвоировали наверх в тёмный кабинет, в центре которого за большим столом с лампой, тускло светящей зелёным абажуром, восседал грозный лысый дядька в наглаженном, с иголочки, кителе. Перед ним лежала аккуратная стопка бумаги. С портретов на провинившихся пацанов строго взирали Сталин и Берия.

Гражданин в кителе, блеснув стеклом монокля, гневно взглянул на перепуганных мальчишек и процедил:

– Ну что, сучонки, приехали! Вся страна воюет с врагом, а вы тут внутри подрывную деятельность развернули! Я таких, как вы, насквозь вижу! Есть враг внешний – фашисты, про это всем известно. Но есть и враг внутренний, скрытый, а оттого ещё более опасный. Такого врага нужно давить без пощады! Сейчас вы у меня, как соловьи, запоёте!

С этими словами он придвинул к себе чистый лист и аккуратно вывел заголовок: «Протокол допроса».

Витёк, словно придавленный грузом тяжёлых обвинений, вжимался в деревянную скамью. Рядом дрожал поникший друг Мирон. А суровый комендант станции продолжал свой страшный монолог:

– Это из-за таких паразитов, как вы, наша Родина вынуждена отвлекать большие силы, так нужные фронту. Вот и мне вместо того, чтобы воевать с фашистами, приходится с такими ворюгами возиться! Да не с целью ли вредительства вы на станцию пробрались? – он нетерпеливо взглянул на часы – приближалась полночь, и, чуть понизив голос, продолжил:

– Сейчас прибудет майор Луговин с НКВД, ох, и не поздоровится вам! Предлагаю сразу во всём сознаться, пока его нет, для вас же лучше будет!

Подавленные, ребята не находили, что ответить. И что им взбрело в голову на фронт бежать? Сидели бы у себя в Кирове. А теперь расхлёбывай, такую кашу заварили! Тут из коридора донёсся шум приближающихся шагов. Вскоре дверь кабинета скрипнула. Ребята с ужасом взглянули на вошедшего. Высокий, подтянутый, квадратное лицо, нахмуренные брови под синей фуражкой с красным околышем. Он был туго препоясан кожаной португеей, над обшлагами рукавов суконной гимнастёрки защитного цвета алели большие звёзды. Вот он какой, майор Луговин.

Комендант станции вытянулся перед НКВД-шником.
– Докладываю. Задержаны два вредителя на режимном объекте. Попытались скрыться. Произвожу допрос, – прошеле-

стел он.

– Продолжайте, – бросил майор, едва взглянув на пацанов.

– Так вот, выродки, чтобы не было вам хуже, сразу сознавайтесь во всём содеянном, – вновь взревел комендант.

– Стоп, Гляценко. Кто ж так допрос ведёт?! Я понимаю, вы здесь человек новый. Давайте-ка по порядку.

Майор начал задавать чёткие короткие вопросы, а комендант стенографировал допрос. Когда ребята словами: «так мы и оказались у вас в Горьком, водичку пили, а нас сцапали» завершили свой рассказ, они увидели ухмылки на лицах своих дознавателей. Какое-то время майор НКВД и комендант станции сдерживались, потом переглянулись и загоготали во всё горло.

– Чего они? – спросил тихонько у друга Витька.

– Не верят, наверное, – прошептал Мирон.

Вдоволь насмеявшись, подобревший майор обратился к ребятам:

– Эх, вы, фронтовики! Вы же в обратную сторону от фронта уехали.

– Ещё немного, и ищи–свищи водохлёбов вятских по всей Сибири, – уколел комендант.

– Дяденьки, а где мы? – спросил Витя.

– Станция Балезино, Удмуртская АССР – ответил комендант.

– Ладно. Всё ясно с этими героями, – НКВД-шник вновь стал серьёзен, – уводи их.

Мальчишки вновь оказались в подвале. Им выдали банку тушёнки и хлеб. А утром, проведя с ними крепкую «политико-воспитательную беседу», после которой стало больно присаживаться на заднее место, комендант станции Балезино, взяв с ребят честное пионерское слово – не бегать больше на фронт, отправил их восвояси.

Обратно ехали с машинистами на паровозе. Тесновато, но очень интересно. По дороге мальчишки решили, что если на Филейке узнают, что они уехали в противоположном от фронта направлении, то их засмеют. Ребята пообещали друг другу про станцию Балезино держать язык за зубами. Пусть уж лучше думают, что хоть до Горького сумели добраться.

Вечером 11 октября пацаны вернулись домой. Они отсутствовали всего пару дней, а казалось, что прошло две недели. Топая по лужам мимо заводской стройки, ребята не заметили особых перемен. А перемены близились (и какие!). Мальчишки, конечно, и не догадывались, что именно в этот день из далёкой Москвы выбыл первый эшелон с оборудованием и людьми эвакуируемого сюда, на Филейку, оборонного завода № 32. Этот передовой по тем временам, единственный в своём роде завод, выпускавший уникальное авиационное оборудование, разделил судьбу тысяч предприятий, перебазировавшихся вглубь страны. И не думали тогда мальчишки, что героическая эпопея под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!», участниками которой им предсто-

яло стать, уже началась.

Страшно было домой заходить. Но Витька вздохнул и вошёл. Мама и бабушка сначала бросились обнимать непутёвого сына и сквозь слёзы радоваться его возвращению. Но вскоре опомнились и принялись очень крепко его отчитывать.

А всё же дома хорошо. Тёплая печка, дымящаяся картошка в чугушке, чай с сахаром вприкуску. И родные лица. Витька только сейчас понял, как успел соскучиться по маме и бабушке, братишкам и сестрёнкам. Жаль только, папка не с ними, а на этой проклятой войне, где каждую минуту гибнут люди.

– Жаль, что отца рядом нет, он бы тебе хорошего ремня всыпал для профилактики! – словно прочитав его мысли, сказала мама. Она уже не сердилась, но следовало ещё пожурить беглеца.

– Да нашлось уже, кому всыпать, – Витёк поморщился, вспомнив широкий кожаный ремень коменданта.

Восьмилетняя сестричка Таня, вторая по старшинству после Витьки среди братьев и сестёр, легонько погладила старшего брата по макушке и спросила:

– Витя, а вы с Мироном навовся убежать хотели?

– Да нет, не навовся, а только пока фашистов не разгромим.

Мама с бабушкой переглянулись, улыбаясь, тоже, мол, громители нашлись, и стали купать в кадучке плачущего

Алёшку, которому шёл от роду шестой месяц. Потом мама ушла в уголок, прижала младенца к груди, и тот засопел.

Витька глядел и думал. Вот интересно жизнь устроена. Маленькому человечку нужна только его мама. Если собрать всех-всех людей вместе с одной стороны, пусть самых хороших и добрых, и одного человека – маму – с другой, то ребёнок выберет маму, ему больше никто не нужен. Для него мама – это весь мир. Неужели и Гитлер был когда-то таким же беззащитным ребёнком, тянул ручки к маме?

Витёк вновь вспомнил, как кидались маленькие детишки, эвакуированные из Ленинграда, на шеи незнакомых женщин и кричали: «Тётя, скажи, где моя мама?». Ну и зверюга же этот Гитлер, развязавший такую войну! Разве его не научили, что нельзя обижать маленьких? Когда-то он за эти детские слёзы заплатит!

Как сказал мальчишкам пожилой машинист паровоза, отвозивший их обратно: «Война, она сейчас везде идёт: и на фронте и в тылу. И каждый на своём месте воюет. А ваша боевая задача, ребята, – помогать взрослым ковать победу, делать что-то полезное для фронта!»

«Всё верно, раз на фронт не получилось, будем здесь воевать с фашистами! У нас тут свой фронт будет!», – отвечал мысленно машинисту Витёк.

Знал бы он, сколько ему ещё предстоит пройти!

Красная армия отступала. На следующий день, 12-го

октября 1941 года, в сводке передали, что наши войска оставили Брянск, 13-го – отошли из Вязьмы (а это лишь двести с небольшим километров от Москвы). 14-го пал Мариуполь. А 17-го октября с болью в сердце люди слушали сводку Совинформбюро, в которой говорилось: «Организованная Командованием Красной армии в течение последних 8 дней эвакуация советских войск из Одессы закончилась в срок и в полном порядке. Войска, выполнив задачу в районе Одессы, переброшены нашим морским флотом на другие участки фронта в образцовом порядке и без каких-либо потерь. Распространяемые немецким радио слухи, что советские войска были вынуждены эвакуироваться из Одессы под напором немецко-румынских войск, лишены всякого основания».

Итак, наши войска оставили Одессу, героическая оборона которой продолжалась два с половиной месяца. Ушли по морю, так как с суши город давно окружён. Благо было куда уходить – оставались ещё наши порты на Чёрном море. А вот из окружённого Ленинграда уходить уже некуда, Балтика вся под контролем Германии.

Но тот трагический день 17-го октября 1941 года стал для жителей филейских деревень и для сотен одесситов, находившихся здесь в эвакуации, судьбоносным. В этот самый день в Киров прибыл из Москвы первый эшелон с оборудованием и людьми эвакуируемого сюда завода № 32.

Заводчанам предстояло совершить настоящий подвиг, чтобы завод, так нужный фронту, заработал в кратчайшие

сроки. Всё только начиналось...

9. ЗАВОД № 32

Вскоре после возвращения домой из не получившегося побега на фронт произошёл с ребятами неприятный случай. С утра, как обычно, мальчишки таскали дрова, собранные в лесу. Умаявшись, намёрзнувшись, решили они после обеда немного отдохнуть. Пришли на старое место сбора Филейской детворы, к овражку, что разрезал землю меж деревеньками Суханы и Орловы. Колючий холодный ветер поздней осени забирался под отцовские телогрейки, висящие на худых мальчишеских фигурках, словно на пугалах с огорода. Хлюпала грязь под большими, не по размеру, потрёпанными сапогами. Время от времени начинал противно моросить мелкий осенний дождик. Но пацаны есть пацаны, даже в такую погоду им не сидится дома. И, придя к оврагу, Витька с Мироном обнаружили там кучку знакомых ребят, что-то оживлённо обсуждавших у дымящегося костерка.

Витьке почему-то вспомнилось, как на этом самом месте на второй день войны мальчишки так же оживлённо спорили о том, в какой срок Красная Армия сможет разгромить фашистов. Кто говорил за две недели, кто-то – за три, а Витю, предположившего срок в два месяца, тогда здорово высмеяли. Сколько прошло с тех пор? Пятый месяц война идёт, а победой и близко не пахнет. Да какая там победа, если враг прёт, что твоя саранча! Уже к самой Москве гит-

леровцы подошли. Прав был, выходит, папка-то, когда говорил, что, может, и за год не получится немца одолеть. А Витёк тогда ему не поверил. «Папка, папка, где ты сейчас? Всё ещё в госпитале или уже снова воюешь?»

Когда Мирон с Витькой приблизились к ребячьему собранию, мальчишки как-то разом приутихли. Друзья догадались, что столь оживлённый разговор был на сей раз о них. И точно, местный заводила, шестнадцатилетний Федька-Штырь из соседней деревни Тиминцы, лихо задрав фуражку на затылок, подскочил с вопросом:

– Ну, удальцы, расскажите-ка нам про свои подвиги на фронте! Сколько фрицев в плен взяли, сколько танков подбили?

Вся компания дружно захохотала, только Вите и Мирону было не до смеха. Федька же продолжал издеваться:

– А мы-то думали: почему наши войска всё никак фашистов не одолеют?! А оказывается, потому что в Красной армии двух главных бойцов не хватает. Без Мирона и Витьки справиться не могут!

Раздался новый взрыв смеха. А неудавшиеся «фронттовики» густо покраснели.

– Ну, вы и архаровцы! Гляньте-ка на них, если б немцы таких вояк увидели, точно бы с перепугу разбежались! – никак не унимался острослов, и, ткнув пальцем в Витьку, добавил:

– Особенно этого шкета испужались бы. Ха-ха-ха-ха!

Тут Витька не выдержал. Сам от себя того не ожидая,

он зажмурился и кинулся на задиру. Быстро юркнув книзу, обхватил того за ноги, дёрнул что есть мочи и повалил прямо на мокрую землю. Мальчишки и ахнуть не успели от такого дела. Шутка ли, ведь разница меж дерущимися была столь очевидна. С одной стороны – почти взрослый хулиганистый Федька-Штырь, а с другой – тихоня Витёк, который и ростом на две головы ниже, и младше соперника года на четыре!

Но чудес не бывает. Очень быстро Федька перевернул доходягу, подмял его под себя, как воробушка, а затем дважды врезал Витьке по лицу так, что у того белый свет из глаз выкатился. На сей раз не выдержал Мирон. С громким криком набросился он на обидчика. Они крепко схватились и принялись кататься в грязи. Мирон также был младше; правда, «всего» на пару лет. Витёк никак не мог прийти в себя: башка гудела, из носу шла кровь. Он сидел на земле, утираясь рукавом, и не мог помочь другу. Быть бы и Мирону битым, если бы на счастье бедолаг не проходил мимо того местечка их хороший знакомец Колька-одессит.

Живо подскочил он к дерущимся, разнял их. Пообещал хорошенько наподдать Федьке, если тот ещё раз будет задирать младших.

– Эх, вы! Меж собой дерётесь, а фашистам это на руку. Лучше бы помогали победу ковать. Ведь победа – она в тылу куётся. Надо для армии и оружие делать, и боеприпасы, а вы здесь дурью маетесь! – Колька, один из многих ремесленников, эвакуированных в Киров из других городов, говорил

ясно, проникновенно. Все мальчишки внимательно его слушали. – Вот сейчас завод сюда из Москвы переводят. Эшелоны идут со станками, оборудованием. А кто на них работать будет, продукцию для фронта давать? Отцы у всех на войне. Женщины остались да старики. А мы что, со стороны смотреть будем?

– И мы помогать пойдём, – послышались робкие голоса.

– Ну, а раз так – айда за мной! Помогать, так помогать! – Колька сплюнул и, больше не сказав ни слова, направился уверенной походкой в сторону стройплощадки. Ватага мальчишек, быстро «по-пионерски» затушив костерок, еле поспевала за ним, так что Витёк, задержавшийся умыться у ручейка, потом насилу их догнал.

Вскоре взорам ребят открылась такая картина. Длинный грузовой состав. Часть вагонов находилась на огороженной территории строящегося завода, остальные стояли по эту сторону забора: наверное, не вошли. Кругом вовсю кипела работа: шла разгрузка очередного прибывшего из Москвы эшелона с эвакуированным заводским оборудованием.

– Ждите здесь! – крикнул Колька и исчез в деревянной, недавно сколоченной проходной. Вскоре он вернулся с каким-то незнакомым человеком.

– Ну, маладцы, ребята, что хатите памочь нам в разгрузке, – незнакомец говорил странно, словно нараспев, и говор у него был ненашенский, какой-то акающий, – дадим вам ра-

боту палегче, чтобы не надарвались.

Мальчишкам под приглядом старшего доверили разгружать один из вагонов с заделом деталей. Были они в деревянных ящиках. Пацаны споро взялись за работу. Аккуратно снимали тяжёлые заготовки с вагона, тащили к забору и складывали штабелем у ворот. Так продолжалось несколько часов. Смеркалось, холодало, начал сыпать робко снежок, но мальчишкам было жарко от работы. Только пальцы на морозном ветру стали прилипать к железным ручкам ящиков, поэтому пришлось брать их через рукава фуфаек.

Витьке приходилось тяжело, ведь, пожалуй, он был самым малым из ребят. Всё же он старался не подавать виду. Уже болели мышцы рук и ног, от голода урчал желудок, а ящики в вагоне, казалось, никогда не кончатся. Чтобы придать себе сил, каждый раз подходя к вагону, мальчишка вообразил, что, дотасив до забора ящик, он уничтожает очередного фашистского гада. Как выглядят фашисты, Витёк тогда ещё не знал, потому представлял себе их эдакими тевтонцами, наподобие тех, что он видел уходящими под лёд в фильме «Александр Невский». О, скольких же фрицев «уничтожил» Витька в тот вечер: не раз он сбивался со счёту!

Уже совсем затемнало. Витька споткнулся обо что-то и рухнул на землю. Он лежал, растянувшись на животе. Из глаз сами собой текли слёзы. Казалось, чтобы подняться, сил уже не осталось. Тут Витёк почувствовал, что кто-то пытается ему помочь. Поднявшись кое-как, Витька взгля-

нул на помощника: им оказался его недавний обидчик Федька-Штырь. Видно, что теперь ему не до веселья, он тоже вымотан до предела. «Передохни чуток», – бросил он Витьке и, подхватив его ящик, поволок к забору.

Наконец ближе к полуночи мальчишкам скомандовали идти по домам. И хоть вагон разгрузить до конца так и не получилось, ребята чувствовали, что сделали всё, что могли.

К обессиленному Витьке, приземлившемуся немного передохнуть, подошёл запыхавшийся Коля-одессит

– Знаешь, Вить, ваш поступок с побегом на фронт я понять могу. Вы хотели Родине помочь. Но вы не знаете, каково оно на войне. А я немного знаю, попадал под бомбёжки. И вот что скажу: нам там не место. Мы пока не подросли, будем нашим солдатам только мешать воевать. Здесь наше место, наш фронт.

– Да понял я уже, не побегу больше.

Пацаны немного помолчали, а потом Витёк неожиданно признался:

– А ведь мы с Мирохой по ошибке в другую сторону от фронта укатили, ближе к Уралу. Балезино, кажись, зовётся. Только не говори никому, засмеют точно.

Ребята улыбнулись друг дружке и разошлись по домам.

Так малолетнему Витьку вместе с другими ребятами удалось приложить свои худые ручонки к становлению завода на филейской земле. Всего же в Киров из Москвы в ок-

тябре-ноябре 1941 года прибыло 16 эшелонов (а это 592 вагона) с оборудованием и людьми эвакуированного авиационного завода № 32. Всё это хозяйство размещали на территории строящегося завода № 315, который планировался ещё до войны как завод-дублёр московского собрата. А вскоре вышел и приказ наркомата об объединении этих двух заводов в один с закреплением за ним номера 32.

Два построенных к тому времени каменных корпуса не могли вместить всё прибывающее оборудование. Начали быстро возводить каркасно-насыпные бараки. Был строгий приказ правительства: пустить завод к 15 декабря! И люди старались изо всех сил. Из-за недостатка помещений производство поначалу размещали по всему городу. Один из цехов расположился в деревянном кинотеатре «Колизей», другой – в подвале жилого дома на углу улиц Маркса и Энгельса, а конструкторское бюро разместилось в костёле.

Людей тоже размещали, где могли: в бараках, землянках, административных зданиях, многих подсаляли на уплотнение к жителям филейских деревень. Даже в помещении городского зверинца жили переселенцы. И в то суровое время не покидал людей юмор. От души смеялись сами над собой рабочие завода, семьями живущие в клетках зверинца. На некоторых клетках всё ещё висели таблички с названиями животных. Смешно было, когда представитель семейства «макак» запросто заходил одолжить соли к ужину в клетку с «тиграми». Но вскоре их всех переселили в огромные ба-

раки, в которых на двухэтажных нарах размещалось человек по семьдесят в комнате. А в зверинец въехал очередной заводской цех.

Техники – никакой. Лошадей, и тех забрали на фронт для нужд армии. Денно и ночью шла разгрузка вагонов вручную. Наравне со взрослыми трудились пятнадцати-шестнадцатилетние ремесленники. Изредка подбегали люди отогреть окоченевшие руки у круглосуточно горящих костров. Тяжеленные станки ставили на большой лист железа, и несколько десятков человек тянули такую волокушу на место. Вокруг поставленных в чистом поле станков росли стены, и не успевали ещё соорудить крышу, а станки уже запускались. И выдавалась первая продукция, так нужная фронту.

Для перевозки деталей между разбросанными по всему Кирову цехами городской конный парк выделил заводу лошадёнку. Бедная лошадка была настолько худа, что самостоятельно передвигаться не могла. Требовалось постоянно поддерживать её за оглобли, чтобы перевезти груз. Если их случайно отпускали, лошадёха тут же падала без сил, и потом поднять её было делом весьма трудным – ведь и сами рабочие, ослабленные голодом, еле ноги переставляли.

Начинали буквально с нуля. Не было ни отопления, ни освещения. Вокруг парового молота слепили стены из фанеры. Подогнали паровоз, который круглосуточно кочегаря, давал молоту пар дляковки. Удары этого тысячекилограм-

мового молота гулким эхом разносились по всей округе. А в ночной тиши долетали они до самых отдалённых филиейских деревень. Слышали их в Пушкарях и Вершининцах, Савичах и Черваках... Люди быстро привыкли к этим мощным звукам. Удары молота, кующего оружие для фронта, воодушевляли, вселяли в людей веру в Победу! Все трудились с полной отдачей, работали, сколько требовалось, не думая о времени. Завод пустили досрочно – 5 декабря.

И пошли на фронт вначале тысячи противотанковых гранат, а затем и основная продукция – боевое оборудование для самолётов Ил-2 (агрегаты стрелкового, пушечного и бомбардировочного вооружения).

Однажды, в начале зимы, когда вся Витькина семья (бабушка, мама и пятеро детишек) мирно вечеряла у тёплой печки, в их избу настойчиво постучали. Это был не вежливый стук: «Разрешите войти?» – а грозный, нетерпеливый: «Открыть немедленно!». Все замерли. Бабушка запричитала. Подышав на стекло и проковыряв в наледи дырку, Витёк разглядел в темноте очертания четырёх мужских фигур. Но вошёл только один. Он снял с головы форменную шапку, расстегнул ворот шинели и сурово огляделся...

10. ПОДСЕЛЕНЦЫ

Всё Витькино семейство, замерев, смотрело на вошедшего. Вид тот имел начальственный. Сунув руки в карманы шинели, в гробовой тишине прошёлся он по избе, загляды-

вая в каждый угол. Затем достал мятый листок, исписанный мелким почерком, заглянул в него и молча что-то прикинул. «Что за проверка такая; может, донос кто настрочил?», – в Витькиной голове вертелись ужасные мысли.

– Так вот, товарищи, – наконец нарушил тишину незванный гость. – По распоряжению райкома подселяем к вам на уплотнение троих деревенских ребят, мобилизованных на завод № 32. Возражений нету?

На душе стало легче. Возражать товарищу в шинели никто не стал. И мама, и бабушка, и ребяташки прекрасно знали, каково сейчас призванным на завод людям. Витя и его друзья Мирон и Кузя однажды побывали в гостях у их приятеля Кольки-одессита, переехавшего жить из землянки в барак.

Витька рассказывал домашним, как вошли они внутрь длиннющего деревянного строения, над дверями которого была намалёвана надпись «барак № 25». И как поражён он был видом бесконечно тянувшихся вдоль стен двухэтажных нар. Посреди помещения коптила буржуйка, однако в бараке № 25 было холодно и сыро. Куча грязных портянок в углу источала зловоние. Худые ребята таскали дрова с улицы, тут же кололи их и складывали под нары ближе к печке. В дальнем углу стайка пацанов резалась в подкидного. Кто-то спал прямо в грязной одежде, ёжась и почёсываясь во сне, не обращая внимания на шум. Постельного белья, полотенец – не было. Двое ребят, устроившись поближе к буржуйке, бы-

ли увлечены вылавливанием и уничтожением друг у друга вшей.

– Как вас здесь много! – удивился тогда Витёк.

– Да что ты, мало! Почти все на работе сейчас. А тут дежурные да больные, да те, кто без одежды остались. Вон, у Генки Марченко телогрейку и обутки стырили. Найти бы, кто ворует, да руки поотрывать! – отвечал Колька.

– Сколько же вас в этом бараке живёт?

– Так недавно комиссия приходила, 270 пацанов здесь живущих насчитали. Так и живём; неплохо тут по сравнению с землянкой-то.

Каково же тогда тем нескольким сотням людей, эвакуированным сюда из разных областей, что ютятся в огромных, выкопанных в промёрзшей почве землянках неподалёку от их деревни? А каково тем людям, которых разместили на уплотнение в городе и которые вынуждены ежедневно преодолевать по 7 км в одну сторону пешком, пробираясь на завод сквозь сугробы в мороз и ветер?

Обо всех этих невзгодах филейские жители знали не понаслышке. Поэтому подселенцев встретили в семье радушно. Особенно, когда выяснилось, что ребята те из деревни Жгули, что находится неподалёку от Поповщины Сунского района – родной деревни Витькиного семейства. Это были семнадцатилетние деревенские парни. Их вместе с сотнями сверстников мобилизовали из колхозов работать на завод. Отныне ребята считались призванными на трудовой фронт

и по законам военного времени поступали в полное распоряжение начальства, которое решало, какую работу им поручить, где жить, чем питаться. Им предстояло трудиться по 12 часов в день и запрещалось самовольно покидать завод и место проживания.

Так к семерым членам Витькиной семьи (бабушке, маме и пятерым детишкам) добавились ещё три человека. Что же; как говорится, в тесноте да не в обиде. Подселенцам выделили какую-то подстилку, нашлись лоскутные одеяла. Место для сна им определили рядом с Витькой: на полу, возле большой и тёплой печки.

Первая военная зима запомнилась всем кировчанам трескучими морозами за -40 градусов. В деревенской избе спасительницей была русская печь. Она и согревала, и хлеб в ней пекли, и щи варили. На ней отогревали промёрзшие валенки и телогрейки. В печи же и мылись иногда купленным на рынке куском самодельного мыла. Приятно было, придя с мороза, забраться на горячую печку и растянуться на несколько минут, погреть косточки.

Но ни одна печка не греет без дров. И Витька всё продолжал ходить за ними в располагавшийся рядом лес. Свободно рубить деревья запрещали, это дело пресекалось, но что делать? Нужда заставляла; приходилось таскать жерди на санках по-тихому. Иногда, когда ребята-подселенцы работали в ночную смену, а днём было время отдыха, они ему помогали.

Витёк, раскрыв рот, слушал их рассказы о работе на заводе и удивлялся: как быстро крестьянские парни стали заправскими рабочими. Вроде, ещё вчера зубило от молотка не отличали, а теперь уже заготовки для мин вовсю точат! Они рассказывали, что директор завода издал приказ: пока не сделаешь сменное задание, домой не уходить. А ещё рабочим нельзя отходить от станков. Им выдали по три разноцветных флажка для подачи сигналов. Кончились заготовки – поднимаешь красный флажок, тебе их приносят. Так же по сигналу подносят инструмент, убирают стружку. Работают без остановок. Отдыхают лишь, когда с электричеством перебой случается.

Все разговоры в то голодное время начинались и заканчивались темой еды. И Витька знал из рассказов подселенцев, что на заводе есть маленькая столовка, где в любое время дня и ночи можно отоварить свой талон на обед. Кормили там в основном заварихой (мука, заваренная кипятком; на вид и вкус – самый натуральный клейстер) да иногда давали по кусочку селёдки весом 37 грамм. Главным деликатесом считался «гуляш» из конских хвостов, но это блюдо было большой редкостью. Вот такой скудный рацион! Хлеба, правда, рабочему полагалось целых 700 грамм на день. Да разве будешь сыт одним хлебом? Не случайно всё чаще стали рассказывать об умерших от истощения прямо на рабочем месте. Все заводчане страшно переживали, чтобы не опаз-

дывать на работу. Ведь за опоздание более чем на 20 минут строго наказывали: полгода удерживали из зарплаты, и без того скромной, по 20 процентов, а главное – урезали хлебную пайку на 200 грамм. Ну, а за несколько опозданий – отдавали под суд!

И всё же целых 700 грамм хлеба вместо четырѐхсот, что полагалось на Витьку как на иждивенца! На семейном совете решили попробовать устроить Витю на завод хоть кем-нибудь, лишь бы он там трудился и получал рабочую пайку. Но все три попытки, предпринятые им, окончились неудачей. Как только очередной начальник, к которому обращался Витѐк с просьбой о приѐме на работу, узнавал, что тому «вот-вот исполнится уже целых 12 лет», сразу же давал пареньку от ворот поворот. Не помог даже поход мамы с уговорами лично к самому директору товарищу Ребенко!*

[*Примечание: Ребенко Сергей Львович – с 28 октября 1941 г. главный инженер, а впоследствии (до 1943 г.) директор завода № 32.]

Однажды, притащив домой очередную партию жердей, ребята-подселенцы уселись в сенях покурить (а курили пацаны поголовно, ведь подросткам, как и всем работающим на заводе, выдавали талоны на табак). Парни достали кисеты с ядрѐной махоркой, смастерили самокрутки из газеты и задымили. Курил, несильно затягиваясь, и Витѐк, так полагалось.

– Слыхали, ЧП-то случилось? – спросил товарищей Миша

Зорин. – Ночью из девятого барака разом 40 ремесленников сбежало.

– Да слышали. Дезертиры проклятые; работать не хотят, вот и бегут, – отвечали ему ребята.

– Но-но, вы словами-то не кидайтесь. «Де-зер-ти-ры!» – передразнил Мишка, – вы хоть представляете, в каких условиях они оказались? Прибыли откуда-то издалека: то ли с Курска, то ли с Белгорода. Само собой, после такой дороги все еле живые. А их в барак холодный отправили – да и забыли про них в суматохе на несколько дней. Ни еды, ни дров. Разобрали они уборную на дрова, сожгли. Стали доски со стройки таскать, а когда дело до шпал дошло, тут охрана огонь открыла. Да и ранили одного бедолагу; ну, остальные и взбунтовались. Над охранником тем давай самосуд устраивать, избили его. А после дошло, видать, что за такие дела по головке не погладят, вот и убежали.

– Несколько уже поймали. Привезли, говорят, под стражей, и судить их будет военный трибунал. Ох, и влепят же им, мама не горюй!

– Ну а вам, дорогие товарищи, под трибунал попасть не хочется? – зло посмотрел на своих земляков Миша.

– А нас за что?! Что мы, враги народа какие-то? – лихо-радочно оправдывались ребята.

– Так ведь есть за что! – Мишка подошёл к одному из них, выдернул у того тлеющую самокрутку, затушил об стенку, неспешно развернул. – Так, что тут у нас? Ага, статья про лю-

бимого товарища Сталина. А ты из неё папиросы крутишь, глумишься, вождя нашего не уважаешь. Лет пять лагерей тебе за это светит!

Ребята ошарашенно смотрели на Мишку, а тот натянул на быстро моргающие Витькины глаза его большую отцовскую шапку, прихлопнул ладошкой сверху и пошёл в дом, на ходу только бросив:

– У нас так: был бы человек, а статья завсегда найдётся!

В тот момент Витёк кипел от негодования. Ну и нахал, нельзя так говорить! Ведь наша Советская власть самая справедливая в мире, и товарища Сталина все уважают и любят. Тогда почему же ему нечего возразить Мишке Зорину?

В один морозный и солнечный январский денёк мама собралась в город оформлять какие-то справки. Витя напросился с ней. Больше часа топали они по хрустящему снегу, добираясь от Филейки до Кирова. В городе сразу бросились в глаза те перемены, что произошли с началом войны.

Во-первых, кругом было очень много народу; наверное, потому, что в город на Вятке прибыло в эвакуацию множество больших и малых предприятий и разных учреждений, даже две академии и Большой драматический театр из Ленинграда. Естественно, прибывали они в Киров со своим персоналом. Во-вторых, во многих зданиях появились новые хозяева. Например, в здании кинотеатра вместо показа фильмов занимались производством противотанковых гра-

нат. А в бывшей школе размещался переполненный военный госпиталь. И так повсюду. Ну, и наконец, везде висели патристические плакаты с призывами: «Родина-мать зовёт!», «Воин Красной армии, спаси!» и карикатуры на Гитлера.

На одном таком плакате был изображён фюрер с крысиными усиками, тянущий свои когти к нашей стране, и могучий красноармеец, беспощадно протыкающий его штыком, а внизу непонятная надпись: «Ку-кры-ник-сы», – прочитал шёпотом Витька. Он любовался плакатом, и настроение заметно улучшалось. «Так ему, гаду-извергу!» – думал мальчишка про ненавистного Гитлера.

Вернулись домой – и новая радость: сразу два письма с фронта! От отца и от дяди Зиновия. Папка поправился и воевал сейчас под Москвой. После госпиталя он опять оказался в новой, недавно сформированной части. А дядя Зиновий по-прежнему служил на Ленинградском фронте в рядах 311-й стрелковой дивизии, сформированной в Кирове, и вместе с ним воевали многие знакомые мужики из соседних деревень.

Главное, что понял Витёк из этих писем: немец, похоже, начал выдыхаться. Под окружённым Ленинградом наши воины встали нерушимой стеной, и фашисты уже долгое время не могут продвинуться ни на метр. А под Москвой Красная Армия и вовсе задала фрицам перцу, погнала их, и они драпают! Если так пойдёт, может, к лету и война кончится!

Поздно вечером в избу ввалился радостный Мишка

Зорин, их подселенец.

– А что, Витюха, голодать не надоело тебе?

– Да надоело, ежу понятно! – отозвался недоверчиво

Витька.

– Тогда готовься. Будешь скоро кушать от пуза, сколько влезет! Блины со сметаной, борщ с мясом, рыбу копчёную и всё такое, – продолжал веселиться Мишка.

«Не сошёл ли с ума парень? Не к добру такие речи!», – кумекал Витёк. А вслух сказал:

– Ты что, выпил?

– И не думал. А вот, послушай, что я тебе сейчас предложу!

11. ВСТРЕЧИ В ПУТИ

Предложил Мишка Зорин Витьке весьма заманчивую штуку. А дело было в следующем. Мишка на днях отработал несколько смен за приболевшего напарника. Вкалывал за двоих в самом прямом смысле, неделю с завода не выходил: свои 12 часов отработает, поужинает – и на вторую смену заступает. А что делать? Срочный заказ на изготовление боеприпасов поступил. Время военное: приказ – и точка! Ложился, конечно, ночью поспать часа на 3–4 в цеху, у чуть тёплой батареи, однако с двойной нормой справился и даже сверх плана дал.

И вот, поскольку заказ тот завод выполнил, а станок Мишкин нуждался в капитальном ремонте, решило началь-

ство поощрить вымотанного труженика. Дали ему отпуск на целых 5 дней.

– Поехали к моему дядьке в Белохолуницкий район, у них там колхоз большой, – уговаривал Миша Витьку. – А дядька-то не последний в колхозе человек, между прочим. Мы там так отъедемся – на всю жизнь запомнишь!

– Как же туда добираться-то; далече, поди? – сомневался для порядку Витёк, но мысленно уже сидел за богато накрытым столом колхозного начальника.

– Да очень даже просто. Утром выйдем на дорогу в сторону Слободского, а там в грузовичок попутный попросимся, или в сани кто-нибудь подсадит. К вечеру к дядьке прибудем. Там три дня отъедаемся. А после обратно тем же макаром, – убеждал Мишка. – И мне хорошо, вдвоём веселее, да и вашу семью в твоём лице хоть как-то за приют отблагодарю.

Немного посомневавшись, мама дала добро на путешествие Витьке. Ранние зимние сумерки давно уже поглотили Филейку. Ребята решили пораньше лечь спать, но тут в избу ввалились ещё два Витькиных подселенца: Семён и Степан. Семён пришёл совсем не весел, и было отчего печалиться. Видно организм его так устроен, что парню очень не хватало сна. Уж несколько раз по этой причине он просыпал и опаздывал на работу. Его наказывали, оставляя после смены на подсобные работы, лишили уже 20% зарплаты и урезали хлебную пайку. И вот – очередное опоздание. Начальник цеха сказал строго: «В следующий раз отдаю под суд.

Хватит!». Этот короткий разговор возымел действие. Семён трижды всех предупредил:

– Будить во что бы то ни стало! Любым способом! Хоть дубиной по голове!

– Разбудим, не переживай, – отвечали ребята.

Семён тут же лёг, чтобы лучше выспаться, и через пару минут засопел. Мальчишки попили чаю, поболтали о всяком. Спящий Семён начал уже похрапывать. Ребята переглянулись. Степан подмигнул: мол, сейчас разыграем. На цыпочках подкрался к Семёну, наклонился, взялся за плечи спавшего и давай трясти:

– Скорее, скорее! Опять проспал! Беги быстрее, а то опоздаешь!

– А?! Что?! – Семён, не очухавшись, натянул штаны, схватил телогрейку и пулей вылетел из избы.

Ребята попадали со смеху. Мишка подскочил к окну и в форточку закричал: «Стой!» – да бегуна уж и след простыл.

– Ничего, дальше проходной не убежит, – сквозь смех успокоил Степан.

Но не тут-то было. Когда через час вернулся раздосадованный Семён, то поначалу молчал, злился. А потом не выдержал: рассказал, как влетел в проходную – и его не хотели пускать на завод в неположенное время, но он сумел каким-то образом заморочить головы охранникам и прорваться в цех. И только подбежав к станку, за которым работал, как ни в чём не бывало, его сменщик, начал он кое-что по-

нимать.

Неизвестно, что стало причиной: грозное предупреждение начальника или шок от грубоватой шутки сверстников, приведшей к забегу в цех. Но с тех пор Семён уже больше ни разу не опаздывал на работу.

Следующим утром Миша и Витя, позавтракав, одевшись теплее и положив в карманы по хорошему куску хлеба, отправились в путешествие. По пути с ребятами от Филейки в Киров шло множество народу, в основном женщины, кутающиеся в шали, да подростки. Это были усталые рабочие завода № 32, бредущие к местам проживания после ночной смены.

Когда подошли к городу, уже совсем рассвело. Витьке вспомнился недавний поход в Киров с мамой и то удивление переменам в городе, испытанное им. Но не всё можно было углядеть, просто пройдя по улицам. И не знал тогда Витька, что в Кирове на тот момент уже разместились около двадцати тысяч человек, эвакуированных из западных областей СССР. Прибыло сюда и включилось в работу по обеспечению фронта два десятка крупных предприятий из Москвы, Ленинграда, Тулы, Одессы, Ворошиловграда, Коломны, Днепропетровска, Ярославля и многих других городов. В Кирове эти заводы начали выпускать танки, самоходные артиллерийские установки, знаменитые реактивные установки «Катюши», аэросани, миномёты, противотанковые и проти-

вопехотные гранаты, различные снаряды... И, конечно же, вооружение и оборудование для боевых самолётов.

Вся местная промышленность также была переведена на военные рельсы. Кировские фабрики давали армии обувь и обмундирование. Не случайно знаменитые армейские сапоги стали называть кирзовыми: от аббревиатуры «КирЗа» (Кировский Завод), стоявшей на них. Выпускались нужные Красной Армии лыжи, сани, повозки, санитарные носилки... Да много чего ещё. Уже через несколько месяцев после начала войны все предприятия города, включая промысловые артели, работали на нужды обороны.

...Мальчишки перешли по ледовой переправе на другой берег Вятки, миновали Макарье. Было уже около полудня. Ребята подкрепились припасённым хлебом и продолжили путь. Только вот машин совсем не видеть. Довольно часто встречались повозки, ехавшие в Киров, ну а попутных мало, да и те чем-нибудь загружены. Между тем погода начала потихоньку меняться. Стало заметно теплее. Это поначалу обрадовало путешественников. Лишь принявшийся сыпать снежок, тая на лицах, доставлял некоторые неприятные ощущения.

Так и брели они не спеша. Вечером миновали тёмные улочки посёлка Вахруши, центром которого были кожевенный завод и обувная фабрика. Главная улица Вахрушей, по которой шли Витька и Миша, выглядела совсем по-городскому: местами даже стояли каменные двухэтажные до-

ма, вдоль которых в чёрное небо тянулись фонарные столбы. Фонари, правда, не горели; не видно было света и в окнах домов. Похоже, всё электричество расходуется на нужды производства.

У одного здания с табличкой «Эвакогоспиталь № 3956» стояли кучкой, куря и что-то оживлённо обсуждая, перебинтованные красноармейцы. Подхваченный неведомым порывом, Витька вдруг бросился к ним:

– Дяденьки военные, а вы моего папку там, на фронте, не видали?

Красноармейцы притихли. А самый старший из них, опирающийся на костыль, заглянул Витьке в лицо своими добрыми глазами, приобнял за плечи, и ответил:

– А как же? Я твоего папку знаю. Хороший солдат, воюет геройски. Привет тебе передаёт.

В это мгновение кто-то из молодых бойцов хихикнул – но тут же получил подзатыльник от старшего товарища. Витька этого не заметил. Всё понимавший Миша отгаскивал за рукав незадачливого товарища, приговаривая: «Ну, будет, будет тебе уже». А Витька, уходя, кричал:

– Так и вы, дяденька красноармеец, привет папке от меня передайте! Пусть быстрее расправится с врагами и возвращается домой, а у нас всё хорошо!

– Передам, обязательно передам, – кричал в ответ солдат, смахивая украдкой с небритой щеки выскочившие из добрых глаз слезинки. – А ты береги себя, сынок; вернётся к те-

бе папка, с победой вернётся!

Миновали посёлок, и вновь заснеженная дорога с редкими деревеньками. А снег всё валит и валит, идти труднее стало.

Лишь ближе к ночи добрались по перемётённой дороге голодные и усталые ребята до городка Слободского. Побродя чуток, мальчишки постучались в приглянувшийся дом и попросились на ночлег. Их пустили.

Хозяйка ребят пожалела: перед тем как отправить спать, налила им из бидона по кружке молока и отрезала по маленькой краюшке драгоценного хлеба. Ребята кушали вместе с сыном хозяйки, парню было на вид лет 16. Разговорились, оказалось, звать его Гришка, работает на предприятии «Красный якорь», выпускающем авиационную фанеру. Недавно пришла похоронка на отца. Мрачный Гриша протянул ребятам мятый листочек, в котором значилось: «Красноармеец Пётр Булатов погиб в бою смертью храбрых, защищая Родину». Гриша уже ходил в военкомат проситься на фронт, очень хотел отомстить фрицам, да получил отказ из-за возраста. Вместо этого его отправили учиться на шофёра.

– Ничего, – сказал Гриша ребятам. – Вот курсы шоферские окончу, тогда точно в армию возьмут!

– Да, шофёр – профессия почётная, сложная; не каждый сумеет автомашиной управлять! – ответил Витёк с завистью.

– Всё так, да только не в шофера я хочу, а в разведчики.

– Ну, ты вообще замахнулся! Думаешь, это так просто? – удивился Мишка.

– Просто не просто – а я буду! До самого ихнего фашистского логова добраться хочу, за отца отомстить, – сверкнул глазами Гришка. – Узнают ещё, сволочи, кто такой Григорий Петрович Булатов!

Поужинав, стали укладываться. Мишка попросил хозяйку будить их как можно раньше, чтобы дошагать к следующей ночи до дядькиной деревни. На то, что кто-то подвезёт, уж и не рассчитывали.

Мальчишки дрыхли без задних ног. А когда проснулись, поняли, что опаздывают.

– Что же вы, тётенька, нас пораньше не разбудили? – сердился Миша. – Ведь нам ещё такой путь предстоит!

– Ну что вы, соколики, вы же так устали, жалко тормозить-от, – оправдывалась женщина. – Да и куды вам иттить-от? Вьюга – вон какая; отступились бы.

Но мальчишки уже натягивали валенки и ушанки. Сердобольная хозяйка успела лишь сунуть им по варёной картофелине.

Второй день пути оказался более трудным. Снег всё сыпал и сыпал, дорогу и не различить совсем. За весь день ничего, кроме той картошечки, и не съели. До деревни, конечно, добраться не удалось. Кое-как доплелись до Белой Холуницы, с огромным трудом нашли ночлег, голодные легли спать.

Когда утром Витёк принялся умываться, он почувствовал, каким костлявым стало его лицо. «Наверное, совсем я исхудал; жаль, нету зеркала посмотреть на свою физиономию», – думал он. До деревни было уже рукой подать. И ребята решили идти сквозь метель.

– Часа за четыре доберёмся, – обещал Мишка. – Я эти места, как свои пять пальцев, знаю.

Дорогу перемело полностью, Миша вёл Витьку по каким-то одному ему понятным приметам. Голодные мальчишки уже совсем выбились из сил, и присели отдохнуть прямо на снег, спина к спине.

– Миш, далеко ли ещё до твоей деревни? – спросил Витька.

– Не знаю теперь; заблудились мы, вот так-то.

Нужно вставать, но сил не осталось. Очень хотелось спать. Даже чувство голода отошло на второй план. Пурга баюкала, не собиралась останавливаться. Снег укрывал засыпавших мальчишек, образуя небольшой сугробик. Над бескрайним полем сгущались ранние зимние сумерки...

12. ДЕРЕВЕНСКИЕ БЛИНЧИКИ

Раненый пожилой красноармеец смотрел на Витю добрыми глазами и приговаривал: «Береги себя, сынок, береги...» Витьке было хорошо и покойно. Вдруг, откуда ни возьмись, появился Гришка Булатов, оттолкнул доброго красноармейца и давай трясти Витьку за шиворот, крича: «Ты

что же, брат, окочуриться захотел? А ну, вставай живо!».

Витёк с трудом разлепил глаза. Ночь, снежное поле. Добрый красноармеец и парень из Слободского исчезли, остался только его попутчик Мишка Зорин; он-то и тряс Витю. А когда растёр пригоршней снега Витькино лицо, парнишка и вовсе очухался.

– Смотри, пурга кончилась! – радовался Миша.

– Сколько же мы с тобой тут просидели? – Витя оглядывался по сторонам. Ночное небо выяснило. Снежное поле освещала тусклым холодом луна.

– Да неважно; туда гляди, за деревья. Видишь?

Всмотревшись, Витёк различил за перелеском уходящие ввысь тонкие столбики дыма. Повеселевшие мальчишки, собрав остаток сил, направились к деревне. Как же удивился Мишка, когда ребята добрались до этого населённого пункта:

– Климковка! Она самая! Вот мы и прибыли, Витюха. Только почему-то с другой стороны заходим... Ох, и дали же мы с тобой кругаля из-за этой пурги!

Деревенские собачонки перелаивались из тёмных дворов, провожая двух горе-путешественников, одиноко бредущих по широченной улице. Ну вот, даже не верится, тот самый дом. Довольный Мишка долго стучал в окно. Разбуженные хозяева устроили маленький ночной переполох. Шум, крики; наконец, зажгли свет, и мальчишки оказались внутри просторной избы.

Как же вся Мишкина родня обрадовалась появлению неожиданных гостей! Изголодавшихся, чуть живых, ребят тут же усадили за стол и стали кормить деревенскими блинами со сметаной. Блины эти были толстые, как большие оладьи. Пока ребята доедали оставшееся с вечера кушанье, хозяйка начала печь новые порции – что называется, с пылу, с жару. Кажется, ничего вкуснее тех дымящихся, приготовленных в русской печи блинов с деревенской сметаной Витька в жизни не едал. Мальчишки трескали вкуснятину до тех пор, пока не упёрлось. А после, довольные, отправились спать.

Но сладкого отдыха не случилось. Пришлось «расплачиваться» сном за полученное во время обеда удовольствие. И у Витьки, и у Миши с непривычки так закрутило животы, что пришлось им всю ночь бегать до ветру.

– Прав ты был, Миша, когда говорил, что отъедемся так, что на всю жизнь запомним, – недовольно бурчал Витёк, возвращаясь под утро из очередного похода в нужник.

– Да, Вить, ты с виду такой маленький; не знал, что в тебе так много... отходов жизнедеятельности, – острил неунывающий Мишка, отправляясь по тому же адресу.

Лишь к полудню животы незадачливых едоков немного успокоились, и ребята отправились прогуляться. Экскурсоводом для них стала Мишкина двоюродная сестра Степанида, бойкая девчушка лет десяти от роду; звали её все просто – Стёпка. Повела она гостей осматривать местные достопри-

мечательности. А посмотреть было на что.

– Какая необычная у вас деревня, дома совсем чудные, – удивлялся Витёк.

– Вот сам ты и есть деревня! Посёлок у нас, да и то недавно так называть стали, а раньше звали не «посёлок», а «завод», так-то! – отвечала Стёпка.

– И название чудное: завод какой-то, – продолжал Витя.

– Не какой-то, а Климовский Завод, – тараторила девчушка. – Здесь чугун аж с восемнадцатого века плавил; вона, вишь, какие цеха тут?

Заснеженная улица вывела ребят на широкое место к плотине. Справа от дамбы раскинулся огромный замёрзший пруд, по берегам которого приютились деревянные дома. По заметённой глади пруда разбегалось в разные стороны множество тропинок. Слева же, в низине, и впрямь стояли непонятные сооружения из красного кирпича.

– Вот, глянь-ка, – начал объяснять Мишка. – Силой воды, падающей из пруда, приводились в действие водяные колеса, а от них – заводские механизмы.

– Вон печь доменная, – перебила старшего неутомонная девчонка, указывая на строение, окружённое высоченными горами шлака. – Её недавно, перед самой войной, закрыли.

Ребята прошли по дамбе мимо колхозной лавки и добротного деревянного здания с цифрами «1892» под крышей, в котором, как объяснила Стёпка, располагалась заводская контора. На следующем здании красовалась вывеска «Клуб».

Девчонка тут же ткнула в него пальцем:

– Здесь при царе инженер Павлов жил, заводским управителем был, а потом в Москву уехал, академиком стал, – заявила она. – А сейчас мы тут в хоре поём. Знаете, какой у нас в Климовке до войны хор был? Сто человек! Нигде такого нету!

– Хор – это замечательно, – согласился Витёк. – Люблю, когда поют.

– У нас и больница своя, и школа, и политехникум есть. Вот и памятник, пожалуйста, мы к нему по праздникам цветы возлагаем.

Ребята приблизились к неказистому сооружению в виде столбика с красной звездой и надписью «Борцам Революции». Поодаль возвышался большой заброшенный храм. Неумолкающая Стёпка перехватила взгляды мальчишек.

– Спасская церковь это. Закрыли её. А раньше-то сюда каждодневно человек по пятьдесят, а то и по сто паломников приходило с разных городов и сёл. Да и сейчас ходят к горелым младенцам, не так много, конечно. А ещё у нас источник есть волшебный. Манигор зовётся. Туда тоже ходят. И там часовня была, да снесли её.

– Обожди, Стёпка, а кто они такие, эти, как их, горелые? – спросил Витёк.

– Как?! Ты не знаешь?! Их ещё пламенными младенцами прозывают, – девчушка, искренне удивляясь, тарасилась на Витьку так, словно тот признался, что не знает, кто такой

Стаханов или Чкалов, например.

А поглазев, принялась сбивчиво пересказывать жуткую историю гибели трёх маленьких братьев Димы, Илюши и Васи, возраст которых был от двух до семи лет. Их в 1883 году зарубил топором собственный отец, помутившийся рассудком от голодного плача детей. После того бросил истерзанные тела своих сыновей в огонь печи.

– Старожилы рассказывают, что в момент сожжения младенческих тел из печи выпорхнули три голубя; стало быть, знамение Божие, – округлив глаза на улыбающихся мальчишек, поведала маленькая сказительница.

Убиенных мальчиков стали почитать как святых мучеников. В их память соорудили три часовни, написали икону. К месту гибели детей начали приходить люди. Стали они молиться о своих нуждах, брать чудодейственную воду из колодца возле их дома. Каялись, да и получали исцеление от недугов. Но в предвоенные годы власть словно взбесилась: все окрестные церкви позакрывали, попов по лагерям за антисоветчину отправили, часовенки порушили, колодец тот закопали. Народ начал опасаться молодчиков из Союза Воинствующих Безбожников, и паломников стало совсем мало.

– Ну, и что? – возразил Витька. – У нас на Филейке тоже монастырь разрушили и церковь закрыли – значит, надо так. Мешали они, видать.

– Да кому же мешали-то? – вздохнула девчушка. – Ведь они за нас Бога молили.

Витёк твёрдо знал, что партия большевиков никогда не ошибается, но спорить не стал.

– А вон там у нас Веприково; знаете, почто местечко это так зовётся? – без перехода продолжала экскурсию Стёпка. – А пото что работали на Климовском заводе поначалу крепостные крестьяне, купленные или выигранные в карты капиталистами. Но работали здесь, особенно на рудниках, и свободные люди. И вот однажды один из работников выдал начальству, что трудившиеся с ним люди – не свободные, а сбежавшие от помещика крепостные. Хозяин распорядился засыпать беглых в шахте. Однако погибли не все. И те, что остались живы, наказали иуду: исщепали деревянный заслон и зажарили предателя, яко веприка. С тех пор это место Веприково и есть.

А ещё вокруг посёлка есть остатки рудников и куреней, где выжигали уголь. Название одного из них – Французский, потому что тут работали после Отечественной войны 1812 года пленные французы. А название другого – Австрийский, там во время империалистической войны трудились пленные австрийцы.

– Так, значит, скоро и Немецкий появится, когда наши фрицев победят! – подвёл итог экскурсии Миша.

Следующим утром Мишу и Витю посадили на «Красный обоз», состоящий из трёх саней с продуктами, которые регулярно отправлялись из колхоза рабочим киров-

ских заводов. Проезжая мимо Климовского военно-учебного пункта, мальчишки видели, как местные ребята отрабатывают удары штыком под началом однорукого красноармейца.

Обратная дорога гораздо приятней. Пацаны отдохнули и были более-менее сыты. Конечно, жизнь в Климовке – тоже не сахар. И там излишеств на столе не водилось. Далеко до тех картин, которые рисовало Витькино воображение накануне путешествия.

Ближе к вечеру, проезжая через Слободской, вспомнили мальчишки их ночёвку здесь и бойкого паренька Гришу Булатова.

– Хвастун этот Гришка! Шоферская должность его, видите ли, не устраивает, в разведку захотел, – возмущался Миша.

– Да ладно тебе, у него отца фашисты убили. К тому же он парень настырный, как говорится, не промах, такой куда хошь пробьётся! – отвечал Витёк.

До Филейки добрались ближе к ночи. Пятидневный Мишкин отпуск подошёл к концу. Три дня они пешком сквозь метель добирались до Климовки, чуть живы остались. Только денёк там отдыхали. А весь последний день ушёл на обратный путь. Мишка торопился домой поскорее лечь спать, ведь с раннего утра его ждала тяжёлая работа у станка на заводе. А вот Витёк не очень-то спешил. На него нахлынуло какое-то тревожное чувство. И чем ближе к дому

они подходили, тем беспокойнее становилось на душе. Может, с отцом чего случилось? Витька замедлял ход, будто это могло отвести беду.

– Ну чего же ты там копошишься; забуксовал, что ли? – ворчал впереди Мишка.

– Да иду я, иду, – бубнил себе под нос Витёк, прибавляя шаг.

Мишка дожидался товарища у двери. Он держал на плече мешочек с гостинцем из Климовки (крупа и немного сала) и пинал по стенке, чтобы стряхнуть с валенок снег.

– Что-то ты, Витюха, сам не свой. Не заболел часом?

– Да не, нормально всё, – неуверенно отвечал Витька. Лишь на мгновение задержался он у порога. «Эх, будь что будет!», – решил мальчишка и шагнул внутрь.

13. ВЕСТОЧКА С ФРОНТА

Войдя в избу, Витька окунулся в привычную атмосферу. Мама стирала в тазике бельё, бабушка возилась у печки, а вокруг Витьки шныряли младшие братишки и сестрёнки. Все в приподнятом настроении. Не успела мама и рта раскрыть, как восьмилетняя Танюха выпалила:

– А от папки-то письмо сегодня почтальонша принесла! – сестра кивнула в сторону стола, на котором покоился мятый листок, исписанный мелким почерком. – Читать-то будешь ли?

– А то! – не раздеваясь, Витёк бросился к столу. Бережно

держал он восточку с фронта, чая: «А ведь недавно бумажка эта была в руках бати!».

– Ты чего? Вслух давай! – потребовало всё семейство.

– Да вы и так читали уж не раз, поди? – голос Витьки дрогнул, он прокашлялся. В избе враз стало тихо-тихо. Дети умолкли, бабушка с мамой отстранились от работы, подселенцы наострили уши. Лишь за окном завывал зимний ветер, да в печи тихонько потрескивали дрова.

«Здравствуйте, дорогие мои мама, жена и дети! Совсем мало свободного времени стало у нас, некогда и письмо вам отправить. А всё потому, что наши доблестные войска без устали изгоняют фашистскую банду с нашей земли! Освободили мы за последнее время много сёл и городов: Клин, Можайск, Малоярославец. Видели своими глазами, как зверствовали гитлеровцы – сожжённые дома и множество расстрелянных советских людей. За всё это они ответят и уже начали отвечать! Наконец-то закончился наш так надоевший драп-марш и Красная Армия погнала фрицев на запад. Геройски воюют наши ребята. Да и меня к награде представили, дадут скоро, стало быть, медаль «За отвагу». А сейчас наша дивизия переброшена под Ржев. Немцы тут, говорят, крепко окопались, да ничего! Денёк-другой, мы их и из Ржева вышибем. Как вы там? Завод-то на Филейке уж построили, небось? Передавайте всем рабочим наш красноармейский привет, пусть делают больше боеприпасов, будем ими бить фашистов! Оставайтесь здоровыми! Ваш сын, муж,

отец».

Ребята-подселенцы, работающие на 32-м заводе, переглянулись. В их блестящих глазах читалась решимость: ведь это к ним обращался солдат с фронта насчёт боеприпасов. Малышня, недолго думая, снова начала свою беготню. Мама с бабушкой, хлопоча по хозяйству, попутно выспрашивали Витьку про их путешествие в Климовку. Витька нехотя отвечал, а сам думал: «Письмо от бати получили, жив отец, воюет героически. Отчего же так беспокойно на душе?» Он достал свой учебник по географии. Немного порылся... Вот он, чуть более 200 км к западу от Москвы, Ржев. Там сейчас папка!

Вот и отступила долго не желавшая сдавать свои позиции зима. Вначале робко, капля за каплей, затем всё уверенней, разливами рек – началось наступление весны.

Пережили тяжелейшую первую военную зиму. Наконец предали земле начавшие разлагаться трупы рабочих, умерших зимой на заводе от голода, холода и болезней. Снежной морозной зимой дорогу на кладбище перемело, не проехать. Да и земля промёрзла: долби, не долби. Хоронить погибших товарищей не имели ни времени, ни сил. Ведь всё время, все силы отдавались выполнению заданий Народного комиссариата авиационной промышленности. Поэтому останки усопших бойцов трудового фронта в течение зимы складировали штабелями в большом холодном сарае. Как только

появилась возможность, их похоронили в больших братских могилах на Филейском кладбище.

На завод из города начал курсировать автобус. Из-за тесноты рабочие прозвали его «душегубкой». Этот автобус часто ломался, заставляя людей бежать на завод вприпрыжку, чтобы не опоздать.

Вновь приказом КГКО* ввели уже отменённый было режим светомаскировки. По заводу и Филейским деревням вечерами ходили патрули, и за свет в окошке строго наказывали. На заводе вырыли щели – прятаться в случае авианалёта. Поговаривали, что немецкая авиация всюю бомбит ближайший крупный город – Горький. Но, к счастью, в небе над Вяткой летали самолёты только советских ВВС.

[*Примечание: КГКО – Кировский Городской Комитет Обороны, главный орган власти в городе во время войны.]

Витёк подолгу любовался с голубятни, как заходят на посадку штурмовики Ил-2, прозванные за свою мощь «летающими танками». Они садились на Филейском аэродроме, располагавшемся прямо за 32-м заводом. Их тут же снаряжали, навешивали произведённое на заводе оборудование, и они улетали на фронт бить врага.

Мальчишки, те, что по возрасту не годились ещё к работе на заводе, вернулись к своему любимому развлечению – рыбалке. Только теперь это развлечение превратилось в способ выжить. Целыми днями рыболовы торчали на водоёмах, перегораживая корзинами речушки, загоняли в них усачей.

Уловы, конечно, так себе, но хоть что-то.

В еду шли пестики – весенние побеги хвоща, которые в изобилии росли на болотистой почве. Набивали этими пестиками животы, чтобы голод заглушить. Пузо от них пухло, становилось, как футбольный мяч, а голод не проходил.

По вечерам Витька ходил к безногому дяде Филиппу учиться сапожному ремеслу. Тот часто, хлопая себя по култышкам, приговаривал: «Сапожник без сапог – это про меня!». Подшучивал и над пареньком: «Не собираешься ли снова на фронт податься? Ежели надумаешь, то и меня с собой возьми». Бородатый калека научил Витьку подшивать валенки и крепить подошвы к сапогам берёзовыми шпильками. Особого дохода это ремесло не приносило, но теперь для своей семьи Витёк чинил обувь сам.

Гораздо больше нравилось Витьке другое занятие – игра на гармонике. Он долго мечтал об этом, но денег на покупку инструмента в семье не было. Тогда мама пошла к соседке, муж которой, гармонист, ушёл на войну. Спросила её, не даст ли она мужнину гармонию Витьке поучиться. Та, молвив: «Пуццай играет!», отдала мальчишке заветный инструмент.

Витька быстренько освоил простейшие мелодии. И пошло-поехало! Жизнь хоть и была крайне тяжёлая, но и в то время случались у людей праздники. Да и требовалась народу хоть какая-то отдушина. Жили в филейских деревнях все очень бедно. Патефона ни у кого не было. Радио, появившееся здесь только летом 1941-го года, существовало лишь в

виде огромного рупора, висевшего на столбе. Дважды в день из этого ретранслятора доносился раскатистый голос диктора, читавшего сводки Совинформбюро. Но люди хотели и музыки для души. Вот и стали звать Витьку и туда, и сюда – играть на гармошке.

Мама неохотно отпускала сына. Приходили люди. Подолгу просили, уговаривали. Как откажешь? И со словами: «Смотрите, не наливайте ему, он ещё ребёнок!», – мама сдавалась. Однако мамин запрет регулярно нарушался. Витька неумело наигрывал плясовую. Раздухарившиеся женщины, вытанцовывая, распевали частушки: «Игрок устал, материться стал. Принесите молока, молока варёного. Напоите игрока, игрока ядрёного!» – и тут же подносили Витьке стаканчик мутной бражки. Витёк иногда и делал пару глотков, чтобы жажду утолить.

А однажды на такой вечерке подавали какую-то рубинового цвета жидкость, с виду словно сироп. «Вкусная, наверное!», – кумекал Витька и, наигрывая, всё ждал, когда же и ему дадут попробовать. Наконец одна из женщин пропела традиционную частушку и Витьке подали стаканчик с красивой жидкостью.

– Пей, только не нюхай и даже не дыши! – предупредили его. Но Витёк украдкой всё же вдохнул. Его чуть не вырвало, такой тухлятиной пахла эта жидкость! Пить ему уже не хотелось. Как потом выяснилось, это был спирт из бактериологического института. Говорят, им там промывали трупи-

ки грызунов после экспериментов. Потом требовалось спирт этот утилизировать. Но спрос рождал предложение. Жидкость сливали и по-тихому недорого продавали. Народ пил – и, вроде, никто не умер.

Меж тем, эвакуированные из разных городов на Филейку люди начали потихоньку обживаться. Никто не хотел повторения первой военной голодной зимы, поэтому, где только возможно, стали сажать картофель. Вся просёлочная дорога, называвшаяся Филейским шоссе, превратилось в один сплошной огород. Лишь по самому краю тянулась узкая колея для проезда транспорта в Киров.

Долго не было писем от отца. Витька постоянно допрашивал почтальона тётю Глашу, когда же она доставит им весточку. Та обычно отшучивалась. Но как-то раз тётя Глаша с каменным лицом велела позвать маму. Мама была на работе, вышла бабушка. Тётя Глаша что-то быстро сунула ей в руки и, не задерживаясь, пошла прочь.

Бабушка, недоумевающая, проводила ту взглядом и принялась рассматривать то, что оказалось у неё в руках. А потом заохала, застонала и присела на лавочку, стоявшую тут же, у дверей.

– У-би-и-ли, и-ро-ды! – плакала она. – Маво сыночка убили!

Толком ничего не понимающий Витька подошёл к бабушке. «Какого сыночка убили? Это она про отца что ли?».

Он взял из бабушкиных натруженных рук казённую серую бумагу с сиреневым штампом и печатью. Стал тихонечко читать типографский текст: «Форма № 4. ИЗВЕЩЕНИЕ. Ваш (муж, сын, брат) в бою за Социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество был...» Это слово «был» перечёркнуто чернилами, а дальше от руки приписано: «пропал без вести».

– Не убили! – закричал Витька на всю улицу, сжав кулаки. – Не убили, жив папка, жив!

14. КАК БАБУШКА К ДЯДЕ КОЛЕ ХОДИЛА

После получения извещения с фронта о том, что отец без вести пропал, семейство Витькино пребывало в подавленном настроении. Мама подолгу сидела, отвернувшись к окну, и тихо плакала, плакала... Витька, как старший из мужчин в семье, пытался утешать и её, и своих братишек-сестрёнок, всё время твердя: «Батя жив, не убит, а пропал без вести, найдётся обязательно!». Эти слова стали его заклинанием, его молитвой, хоть в Бога мальчишка-пионер, конечно, не верил.

А вот малограмотная бабушка верила. Подолгу простаивала она, отгородившись занавеской, в своём углу перед иконой, нашёптывала малопонятные Витьке молитвы, крестясь, клала бесконечные поклоны. Про эту таинственную икону, которую бабушка прячет в своём углу, все в семье давно уже знали. Были в курсе, скорее всего, и ребята-под-

селенцы, живущие в их избе. Но вслух, даже меж собой, про икону не говорили, словно никто и не догадывался о её существовании; не разглашали бабушкину тайну.

Последние недели бабушка была вся сама не своя из-за этого извещения с фронта, а в начале лета куда-то засоби-ралась. Усевшись с мамой подальше в уголочек, они что-то тихонько обсуждали. Из обрывков фраз Витёк понял лишь, что бабушка вознамерилась идти в гости на несколько дней к какому-то дяде Николаю, но они с мамой не хотят, чтобы ребятня об этом знала.

Витьке было всё же очень интересно. Поздно вечером, улучив момент, он спросил:

– Бабуш, а кто этот дядя Коля? Родственник нам какой дальний али так, знакомый?

– Какой дядя Коля?! – опешила бабушка. – Ах, да; знако-мый, очень хороший знакомый.

Больше Витьке ничего выведать не удалось. Однако, проснувшись следующим утром и узнав, что бабушка уже ушла, Витька из любопытства проник в её угол. Захотелось пареньку получше рассмотреть бабушкину икону, но обнару-жить её мальчишка не смог. То ли бабушка её куда-то пе-репрятала, то ли с собой унесла.

Погожим летним днём ватага пацанов по обыкновению направлялась к Курье. Были там и Витькины дружки Мирон да Кузя. Был с ними и Кузин старший брат Григорий, отра-

ботавший ночную смену на заводе. Ребята шли и обсуждали много раз виденный ими в клубе завода № 266*, который по привычке все называли КУТШО, документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

[*Примечание: Завод № 266 – военный завод, эвакуированный на территорию КУТШО. В наше время КЭМПО им. Лепсе.]

Затем хором начали горланить на ходу:

*В атаку стальными рядами
Мы поступью твёрдой идём.
За нами родная столица,
Рубеж нам назначен вождём!*

У Витьки голос срывался и слёзы наворачивались от этого не в такт распеваемого пацанами «Марша защитников Москвы». Ведь батя вставал перед глазами как живой, и мальчишка драл горло что есть мочи:

*Мы не дрогнем в бою за столицу свою,
нам родная Москва дорога.
Нерушимой стеной, обороной стальной
разгромим, уничтожим врага!*

Стали делиться планами. Григорий, самый старший из них, очень ждал будущего года, когда он, наконец, сможет по возрасту быть призван в ряды РККА. Сам же, не теряя зря времени, проходил подготовку на военно-учебном пункте. Был Григорий также приписан к одному из истребительных отрядов, созданных в Кирове на случай немецко-фа-

шистского десанта и для борьбы с диверсантами. В общем, молодец. Могли похвастаться и Мирон с Кузей. Планировали они подавать заявления в очередной набор в школу юнг на Соловецких островах. Там, в непосредственной близости от линии фронта, уже проходили обучение флотским специальностям наши вятские ребята. И только самому младшему из них, Витьке, возраст не позволял на что-то надеяться. В его планах значилось лишь одно: по осени снова попытаться устроиться на завод.

Потом мальчишки принялись рассуждать, как сильно изменилась их захолустная местность с началом войны. Ширился на глазах завод, работал вовсю Филейский аэродром, меж деревень росли бараки, в которых обитали эвакуированные работники и мобилизованная на завод сельская молодежь, размещались там и всяческие конторы. Таким образом, отдельные филейские деревни стали сливаться с бараками, образовав два больших заводских посёлка: Северный и Южный. Бараки Северного посёлка заселяли одинокие мужчины; в основном, подростки. В Южном селили женщин и семьи.

У ребят не было спичек. Увидав присевшего покурить на скамеечку возле барака пожилого мужичка, мальчишки бросились к нему. Устроились тут же на солнышке, раскурили самокрутки и продолжили свои рассуждения о том, как быстро растёт Филейка. А мужичок тот послушал-послушал, вытянул из своей папироски последнюю затяжку, растоптал

её дырвым сапогом, да и поведал:

– Эх, ребятки, да знаете ли вы, что за завод к вам сюда эвакуировали?

– Как же не знать? – отвечали мальчишки. – Завод № 32, авиационный, из Москвы.

– Всё верно; а знаете ли какая у завода нашего история? Вот послушайте; я же на нём, почитай, всю жизнь проработал. Так вот, в конце девятнадцатого века, году эдак в 1893-м, один инженер из обрусевших немцев по фамилии Миллер организовал на тогдашней окраине Москвы, на Ямском поле, велосипедную мастерскую. А называлась она – общество «Дукс», – рассказывал своей неторопливой, акающей московской речью пожилой мужичок. – В ту самую пору совсем молоденьким ещё пареньком пришёл я работать в это общество подмастерьем. Вскоре производство разрослось. Стали выпускать там и автомобили, и железнодорожные дрезины. А в начале двадцатого века занялись самолётами. Так появился в России первый авиационный завод. Не случайно ему после революции, когда национализировали, присвоили название: Государственный авиационный завод № 1. На этом самом заводе строили мы первый серийный цельнометаллический самолёт конструкции Туполева АНТ-3, состоящий полностью из отечественных деталей и узлов, на котором наши лётчики, летая по Европе, установили тогда мировой рекорд. А ещё выпускали лучший в мире самолёт-разведчик Р-5 конструкции Поликарпова; этими самолётами экспеди-

цию Челюскина со льдин арктических спасали.

Тут старый рабочий снял с носа выдавшее виды пенсне и начал тщательно его протирать несвежим носовым платком.

– Так что же дальше-то, дяденька? – не терпелось узнать ребятам.

– А дальше в 1931 году правительство отделило часть завода ГАЗ № 1 в спецпроизводство по выпуску вооружения для самолётов, создали самостоятельный завод № 32, который и размещался на том же самом месте, в тех же цехах. Наш завод до войны был первым и единственным в СССР предприятием, оснащавшим отечественную авиацию стрелковым и бомбардировочным вооружением. Самолёты с нашим вооружением и самураев громили на Хасане и Халхин-Голе, и в войне с белофиннами себя показали. Недаром в 1940-м году заводу орден Красной Звезды присвоили. Ну а сейчас видите – новая страница в заводской истории началась, когда к вам сюда в Киров эвакуировались. Обождите, вот закончится война, увидите, как наш завод развернётся, таких ещё домов здесь понастроят!

– А что, думаете, будут для рабочих дома кирпичные строить, как в городе? – удивлялись филейские ребята смелости полёта фантазии пожилого москвича.

– Не сомневаюсь, – не моргнув глазом заявлял тот. – Более того, смею предположить, что со временем посёлки Северный и Южный соединят в один большой заводской по-

сёлок, а в центре посёлка заложат площадь; может, даже и сквер разобьют когда-нибудь.

– Ну, это уж ты, дяденька, конечно же, загнул! – не удержались ребята. – Знаем мы вас, москвичей, любите всякие сказки рассказывать. Ты скажи ещё, что Дворец Культуры трёхэтажный построят да стадион с трибунами!

– А что? И построят, наверное, – не очень уверенно проворчал старый рабочий, прилаживая себе на нос пенсне.

Но мальчишки его уже не слышали. Весело гогоча, убежали они от странного фантаста-москвича в сторону речки по бескрайнему – до горизонта – пустырю, превращённому эвакуированными рабочими в огромное картофельное поле.*

[*Примечание: На месте этого пустыря сейчас высятся многоэтажки улицы Свердлова.]

Бабушка вернулась через неделю, исхудавшая, но словно ожившая. В глазах её светился огонёк.

– Ну, чем ты тут занимался без меня? – спросила она заглянувшего в её угол Витьку.

– Да всё как обычно, – отвечал внук, соображая, догадалась ли бабушка, что он тут без неё искал икону. – Рыбу ловил, купался вчерась, вода ещё не очень тёплая.

– Знаю, знаю, – хитро шурилась бабушка. – Я тоже тут на днях купалась.

– Да ну! И где ж ты, бабуш, купалась?

– А в реке Великой.

– Это в такую даль ты к своему знакомому дяде Коле ходила? – Витька скосил глаза на предмет, закрытый материей, который бабушка устанавливала на комод.

Вот она, икона, догадался мальчишка. Бабушка не спеша сняла материю. На Витьку смотрел добрыми глазами седобородый дед. Паренёк словно прилип к его лику взглядом. Не в силах оторваться, он тихонько неуверенно спросил:

– Бабуш, а кто твой знакомый, к которому ты ходила?

– Так вот он и есть, – отвечала бабушка, поклонившись образу, – Никола Великорецкий.

– Как же ты такую тяжесть, да в такую даль носила? – дивился Витёк, таращась на икону.

– Так ведь не одна я была, люди добрые помогали. Только не рассказывай никому.

А ещё бабушка удивила внука тем, что твёрдо заявила, что отец жив и вскорости даст о себе знать. Причём говорила она об этом не так, как Витька раньше: мол, жив и точка. Нет. Бабушка говорила об этом спокойно и уверенно, как о чём-то точно ей известном. Постепенно вера эта передалась всем домашним. Поэтому, когда радостная тётя Глаша принесла от папки письмо, очень она изумилась, что письмо то приняли с радостью, но не особенно ему удивляясь.

Отец нашёлся. Но то, о чём сообщал батя в письме, было воистину ужасно. Он рассказывал, как всю зиму наши войска пытались, но никак не могли взять город Ржев. На

участке фронта, где воевал батя, тактика командиров Красной армии была предельно проста: бить в лоб. Практически каждую ночь на передовую перебрасывалось подкрепление. Поутру новобранцев строили в шеренги, зачитывали им приказ взять высоту N. И с криками «Ура!» те уходили по пояс в снегу под огонь фашистских пулемётов. Как правило, к обеду от пополнения ничего не оставалось. Всё это продолжалось день за днём, неделя за неделей. Рассказывали даже, что один немецкий пулемётчик сошёл с ума от такой мясорубки, принялся с диким хохотом бегать по полю, размахивая руками, пока его не пристрелили.

Так образовалась на их участке фронта одна из многочисленных «долин смерти»: поле, усеянное останками наших солдат. Когда по весне сошёл снег и трупы начали разлагаться, начался суший ад. Зловоние, тучи мух. Батя служил связистом при штабе, ему приходилось регулярно ползать по этому месиву из распухших, лежащих в три слоя трупов, кишящих червями, под огнём неприятеля, чтобы соединять перебитые телефонные провода. А новобранцев всё гнали и гнали на штурм под пулемёты. Продолжалось это до тех пор, пока не прислали нового командира. Прежнего командира расстреляли. А новый отдал приказ обойти высоту с фланга и ударить немцам в тыл. К исходу того же дня с минимальными потерями высоту взяли.

Вскоре батина дивизия перешла в наступление, но оказалась в котле в лесах где-то между Ржевом и Вязьмой. Их

бомбили и расстреливали. Кольцо постепенно сжималось. Шли долгие недели в окружении. Давно кончились продукты. Солдаты ели кору с деревьев и траву. Боеприпасы таяли, словно снег по весне. Поступил приказ бросить раненых и идти на прорыв. В том ночном бою мало кто выжил. Но папка выжил, он вообще вышел из окружения без единой царапины. А от их дивизии осталось лишь две сотни штыков.

Настоящее чудо, что батя выбрался живым и невредимым из этого пекла. Но все домашние, да и ребята-подселенцы были напуганы этим письмом. Страшно представить, что могло случиться с отцом, попади это письмо в НКВД. Действительно, много папке пришлось пережить, раз он об этом даже и не подумал. Видать, инстинкт самосохранения совсем перестал работать. Письмо это решили в тот же вечер сжечь и никому о нём не рассказывать. Но когда после ужина хватились, письма нигде не было. Его долго искали, но так и не нашли. Все терзались сомнениями: куда же оно могло запропасться?

15. ТРЕВОЖНОЕ ЛЕТО СОРОК ВТОРОГО

Витёк совсем перестал улыбаться. Подолгу теперь просиживал он в одиночестве на опустевшей голубятне, смотрел куда-то вдаль, размышляя про войну. Настоящую, не книжную и не киношную. Войну, описанную в пропавшем батинном письме. Горы трупов. Солдаты, погибшие ни за что ни про что. Особенно возмутила разум мальчишки мысль, что

человек, возможно, всю жизнь готовился воевать, изучал военное дело, отрабатывал стрельбу и приёмы рукопашного боя, хотел совершить множество подвигов. А ему отдавали приказ идти на вражеский пулемёт. И он погибал в первом же бою, не успев принести Родине хоть какую-нибудь пользу. Всё это никак не укладывалось в голове.

А выражение «попасть в котёл» наполнилось для Витьки новым смыслом. Витька и раньше знал, что оно значит «оказаться в окружении». Как вода, налитая в настоящий котелок или кастрюлю, оказывается окружённой стенками и не может оттуда сама излиться. Но теперь Витёк представлял, что воду ту ставят на огонь и она начинает в котле кипеть. Так же и солдатам, попавшим в окружение, жарко, тяжело. Взятых в кольцо уничтожают, в живых остаётся всё меньше и меньше. Окружённая дивизия испаряется, словно вода в кипящем котле...

Шло жаркое лето сорок второго. Радостные надежды первых зимних побед сменились тревожными ожиданиями. Красная Армия опять отступала. Завершив оккупацию Украины, фашисты ринулись дальше вглубь СССР. Железные клинья немецких танковых армий, устремившихся к Кавказу и Сталинграду, прокладывали путь полчищам захватчиков. Бок о бок с фрицами наступали армейские соединения их союзников: Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, Словакии, Хорватии, Испании. Воевали на стороне Гитлера и многочисленные подразделения добровольцев, сфор-

мированные из одураченных геббельсовской пропагандой жителей стран, оккупированных Германией. Ждали удобного момента для вступления в войну придвинутые к нашим границам армии Японии и Турции. Фашистам и их сателлитам казалось, что развязка уже не за горами.

Чтобы застопорить отступление, грозящее катастрофой, И.В. Сталин 28 июля 1942 года издал знаменитый «Приказ № 227», прозванный в народе «Ни шагу назад!». Одной из мер, призванных стабилизировать фронт, согласно этому приказу, стало создание штрафных рот и батальонов. В штрафбаты направляли провинившихся в чём-либо красноармейцев, чтобы те в бою кровью искупили вину перед Родиной или умерли за неё с чистой совестью. А бросали их всегда в самое пекло.

Тем же сталинским приказом предписывалось: «Сформировать хорошо вооружённые заградительные отряды, поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникёров и трусов».

Вот так. На прорыв посылали штрафбатовцев, которым как бы уже и терять-то особо нечего. А где-то позади – заградотряд, чтобы шибче в атаку бежали, да отступить не вздумали. Глядишь, немчура промахнётся, живой останешься. А на то, что наши доблестные заградотрядчики промахнутся, надежд куда как меньше.

Как-то раз Витька сидел на голубятне, размышляя – куда же голуби подевались? Вдруг небо наполнил густой дым, валивший с территории 32-го завода. Пожар! Ребята-подселенцы, вернувшись со смены, рассказали, что сгорела кузница. Они принесли в избу пачку газет для самокруток. На следующий день, выбрав из газет те, что посвежее, мальчишка опять уединился на голубятне и принялся их изучать.

Кроме сводок Совинформбюро, рассказывавших о положении на фронте, информации о международных событиях, большое место отводилось сообщениям о борьбе с внутренним врагом: дезертирами, вредителями, паникёрами, нарушителями дисциплины.

Так в «Кировской правде» под рубрикой «В прокуратуре СССР» прочёл Витёк статью «Дезертиры трудового фронта». В ней рассказывалось о четырёх москвичах, эвакуированных в Киров вместе с заводом и не выполнивших свой гражданский долг. 27 декабря 1941 года сбежали они с завода обратно в Москву. Всего через восемь дней после побега были арестованы. А уже на следующий день военный трибунал приговорил их к лишению свободы сроком по 8 лет. В газете разъяснялось, что в военное время все рабочие и колхозники являются мобилизованными на трудовой фронт. За самовольный уход с предприятия или с поля, а также за отказ от выполнения любой порученной работы полагается лишение свободы.

Но судили не только простых рабочих. На глаза Вить-

ке попалась заметка о привлечении к уголовной ответственности председателя Облметаллопромсоюза «за срыв заданий по производству спецкомплектов для оборонных заводов» и директора завода № 537* «за невыполнение плана и брак».

[*Примечание: Завод № 537 – в наше время Кировский завод «Маяк».]

В другом номере под рубрикой «Происшествия» сообщалось о нескольких отравлениях. Как выяснилось, мошенники по спекулятивным ценам продавали на рынках Кирова под видом столовой соли какие-то вредные химические вещества, по внешнему виду похожие на соль. Вредителей поймали. Статья заканчивалась призывом к сознательным гражданам задерживать и сдавать в милицию всех лиц, торгующих подозрительными продуктами.

Витька пропустил мало интересовавшее его сообщение о том, что вспыхнувшая в Кирове зимой 41-42 гг. эпидемия сыпного тифа к данному моменту полностью ликвидирована, и принялся за большую статью, рассказывающую о важной работе организации под странным названием БРИГАДМИЛ. «Что это за чудо-юдо такое?», – недоумевал Витька. Организация эта, сообщалось в газете, была в своё время реорганизована из ОСОМУРа.

А, ну всё понятно теперь! Так бы сразу и сказали, что БРИГАДМИЛ – это бывший ОСОМУР! Кто же у нас не знает про легендарное Общество Содействия Органам Милиции и Уголовного Розыска? Непонятно только, чем же им

старое привычное слуху название не угодило? Как оказалось, новое название было сокращением от Бригад содействия рабоче-крестьянской милиции. А занимались эти добровольные помощники, как и раньше, очень ответственными делами: розыском похищенных продовольственных карточек, раскрытием хищений газет из киосков «Союзпечати», борьбой с подпольными абортами.

Наиважнейшим поручением, доверенным партией большевиков БРИГАДМИЛу, было изъятие у несознательных граждан запрещённых на время войны радиоприёмников, которые всем следовало сдать на хранение в Наркомат связи. Все действующие радиоприёмники в Кировской области состояли на строгом учёте. Их выдавали по особому распоряжению только для коллективного прослушивания передач советского радио. Тут же рассказывалось о 28-и раскрытых случаях незаконного хранения радиоприёмников. Пять человек арестовано за прослушивание немецких радиопередач.

Но случались в Кирове и преступления, упоминания о которых Витька в газетах так и не нашёл, как ни старался. Недавно поймали женщину, которая заманивала к себе маленьких детей и убивала их. Разделявала мясо, лепила из него пирожки и продавала на базаре. Витька вместе с другими мальчишками ходил смотреть квартиру, располагавшуюся в полуподвале на углу улиц Коммуны и Володарского, где делали пирожки из человечинки. Туда пускали всех лю-

бопытных, хотя смотреть-то особо не на что. Единственное, что врезалось в Витькину память – всегда нарастапашку раскрытые окна и двери. Очевидно, таким способом люди желали поскорее избавиться от людоедского духа этой квартиры.

Зато много информации давали в газетах про врагов народа всех мастей. Витёк, углубившись в чтение уголовной хроники, негодовал. Как же так! Идёт война не на жизнь, а на смерть. Миллионы людей встали, как один, на защиту Родины. Но вместо того, чтобы сплотиться всем вокруг вождя народов товарища Сталина, находятся же ещё такие мерзавцы, пособники фашистов. Бороться с ними подобает всеми доступными способами!

Послышался шум. Увидев вскарабкавшегося на голубятню, уже успевшего вернуться с завода Мишку Зорина, Витёк понял, как долго он здесь торчит.

– Ты чего тут скучаешь? – спросил Миша, – тебя уж мать потеряла, переживает, не стряслось ли чего.

– Да вот, глянь, что тут про всяких врагов народа пишут. – Витька протянул газету товарищу. Мишка принялся читать вслух:

– Недавно органами НКВД задержан гражданин Б., на руках у него имелся паспорт, но прописки в нём не было. Это вызвало подозрение. На допросе Б. признался, что он является шпионом, заслан в город Киров для проведения диверсий. Призываем всех добросовестных граждан усилить бди-

тельность!

– Жаль, я ещё возрастом мал, а то бы тоже вступил в ряды помощников милиции! – горячо заявил Витёк, – а ты, Миш, что думаешь?

– А я думаю, ежели тебя в НКВД как следует допросить, то ты там в чём угодно сознаешься. Да хоть, что сам ты шпион и есть!

Витька опешил от неожиданности. Давно пора привыкнуть к тому, что Миша может иногда брякнуть что-нибудь в этом роде. Но только Витька призадумался, как бы на этот выпад Мишке пограмотнее ответить, как вспомнил их с Мироном побег на фронт. Оказались они тогда в военной комендатуре станции Балезино, где чуть не сделали из них «вредителей и диверсантов». Спас их тогда, похоже, слишком уж юный возраст, да разум майора Луговина. И всё же, всё же...

– У нас так просто не сажают! Враг, он и есть враг, – отвечал Витёк.

– Конечно, – согласился Мишка, – посмотри-ка на меня повнимательней. Видишь? Перед тобой стоит сын самого настоящего врага народа.

– Бреешь, – Витька бросил короткий взгляд в лицо широко улыбающегося товарища, а сам подумал: «Так вот, наверное, почему путешествовали мы не к Мишкиным родителям в Жгули, а к его родственникам в Климовку».

– Знаешь, за что моему отцу пять лет лагерей в 39-м дали?

Не так просто, конечно. За анекдот, который он в компании приятелей рассказал, – Мишка перешёл на шёпот. – Про товарища Сталина анекдот. Хочешь, расскажу?

Витёк резко замотал головой. Видно было, что он не верит, что такое возможно.

– Ну как знаешь, как знаешь, – Мишка по-прежнему шептал, улыбаясь. – Только вот что я тебе скажу: никогда не зарекайся от сумы да от тюрьмы. Я это к тому, что не нравится мне, что письмо твоего отца как-то вдруг неожиданно пропало, словно сквозь землю провалилось, не к добру это. Помнишь ведь, что там про наш красноармейский комсостав написано?

Витька, конечно же, помнил, ещё бы! А Миша как в воду глядел. В самом конце лета, когда по вечерам чувствовалось уже прохладное дыхание приближавшейся осени, от ба-ти пришло известие. Отец сообщал, что его из-за того письма судили, отправили искупать вину в штрафную роту. Утешал: мол, ничего страшного, люди и оттуда живыми возвращаются. Обидно, конечно; ведь непонятно, в чём виноват.

Пребывая в понуром настроении, поделился Витёк последними новостями с собиравшимся на работу Мишей. В тот момент кроме них в избе никого не было.

– Как же то письмо в органах оказалось? – не понимал Витька.

– Очень просто. Если членов вашей семьи исключить, остаёмся мы, подселенцы. Из нас троих кто-то и сдал, – Ми-

ша всё улыбался. – Хотя не факт, в наше время и дети своих родителей сдают, и такое тоже бывает. А насчёт штрафбата... Что ж, это гораздо лучше, чем в лагеря. Да, знаешь, говорят, Сталин разрешил теперь заключённым в армию идти. Кто через штрафбат прошёл, вину кровью смыл, с того судимость снимают и в обычные войска переводят. Так что, может, и моего отца из лагеря освободят...

Сказав это, Мишка направился к выходу. Пребывавший до этого в каком-то оцепенении Витька его окликнул.

– Ну, чего тебе? Уж некогда, – ответил недовольный Мишка.

Неожиданная улыбка осветила вдруг Витькино лицо, и он шепнул:

– Расскажи тот анекдот. Про Сталина.

16. КУРЬЕР ПРИ ШТАБЕ

– *Старики на демонстрации несут плакат: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».*

– *Вы что, рехнулись? Когда у вас было детство, Сталина ещё и на свете не было!*

– *За то и спасибо.*

Рассказанный Мишей запретный анекдот поначалу немного развеселил Витьку. Но Миша ушёл – и мимолётное веселье ушло вместе с ним. В самом деле, чего уж тут смешного? Антисоветчина самая настоящая, да и только! Как вообще могло прийти такое в голову: просить рассказать анек-

дот про товарища Сталина? Да без него давно бы уж нам всем кранты... Но пять лет лагерей за анекдот – всё-таки как-то многовато. Нужно было выговор дать Мишкиному отцу, или, там, премии лишить, что ли... Так размышлял Витька, а думы его плавно перетекали на ситуацию с собственным батей. Штрафбат! Всего лишь за правдивое письмо о войне. Эх, папка; уж лучше бы ты нам вовсе писем не слал! Так кто же всё-таки отнёс отцовское письмо в НКВД? Мишу Витька сразу исключил. Оставались ещё два подселенца, живущие в доме: Семён и Степан. Кто-то из них. Надо будет держать при них язык за зубами.

Ранняя осень позолотила деревья за околицей. Ещё сентябрь, и Витьке кажется, что он будет длиться вечно. Но, как ни гони мысли о проклятой зиме, а она всё ближе, ближе. Все люди будто привыкли к постоянному чувству голода. Но зимой всё совсем по-другому. Когда холод продирает кости, голод заявляет о себе громче. Холод и голод – два вечных спутника военной зимы.

Ребята вновь всё свободное время посвящали заготовке дров. Уходили они в расположенный неподалёку за железной дорогой лес. Топорами вырубали нетолстые деревья, распиливали их и таскали на плечах по домам. Делали это украдкой, чтоб не попасться начальству на глаза. Нелегко приходилось полуголодному мальчишке! Но Витька знал, что такое настоящие лесозаготовки, проходящие в деревнях Кировской области. Вот где по-настоящему тяжело! Там люди

трудились от темна до темна, заготавливая дрова для отапливания городских предприятий и учреждений, а также древесину для промышленных нужд. И кто трудился? Да те же дети и женщины, даже беременные. Им лишь за месяц до родов отпуск давали, а через месяц после рождения ребёнка труженица обязана была вновь выйти на работу.

Чуть дальше, за переездом через железную дорогу несла свои чистые прозрачные воды неширокая речушка Люльченка, которую все местные жители от мала до велика прозывали Юрченкой. Место очень живописное. Аромат трав и луговых цветов, растущих по берегам, дурманил голову. Моста через речушку не было, обычно телеги переезжали её вброд, да и глубины-то там от силы до колена.

Сразу за речкой, на просторной поляне, располагалось стрельбище. Тут наспех учили стрелять из винтовки призванных в Красную Армию новобранцев перед отправкой на фронт. Там же постигали азы воинского мастерства молоденькие 15-16-летние ребята, проходившие курс всеобщего военного обучения – ВСЕВОБУЧ. Их тоже готовили, чтобы они смогли, когда придёт время, заменить на фронте убитых отцов и старших братьев. Когда на полигоне шли стрельбы, на дороге выставляли вооружённых часовых. Они перекрывали движение, чтобы какая-нибудь, случайно проезжающая телега не попала вдруг под шальную пулю.

На этом самом стрельбище Витёк с товарищами время от времени собирал отстрелянные свинцовые пули, пере-

плавлял их на рыболовные грузила. А некоторые отчаянные ребята из тех, что похулиганистей, отливали из свинца налитухи, которые брали с собой на вечерки в соседние деревни на случай драки стенка на стенку. Тяжёлая налитуха зажималась в кулак, чтобы усилить удар. Витьке-то в таких делах ещё участвовать не доводилось, а ребята, что на пару лет постарше, хаживали задирать на местных и в Лянгасы, и в Верещагины, и в Подозерье. Правда, с началом войны для этой дурной забавы и сил и времени поубавилось. Но редко-редко, а и такое случалось.

Однажды Витька сунул в печь сковороду с использованными пулями для переплавки. Прodelывал сей трюк он не впервой и считал себя большим специалистом в этом искусстве. Бабушка с мамой ворчали:

– Скоро ли ты уже от этих пуль отвяжешься? Лико чо, всю сковороду испортил!

– Да, сынок, надо бы тебе делом заняться. Хоть снова на завод пробовать подрядиться.

– Дак не берут. Сказали же – мал, на будущий год, мол, прийти, – нехотя оправдывался Витёк. Мальчишка вспомнил, каких трудов ему стоило успокоить маму и бабушку, когда он впервые пытался отправить сковороду с пулями в печь. Как долго объяснял им, что пули те отстрелянные и, значит, не взорвутся. А сейчас ничего, привыкли, ворчат только малость. Витька заулыбался, как вдруг...

Вначале из печи выпорхнула ослепительная вспышка пламени. Тут же прогремел оглушительный взрыв. Казалось, дом рухнет. Витёк зажмурился и только слышал приглушённые звоном, стоящим в ушах, причитания бабушки:

– Батюшки-святые! Чуть не угробил нас всех...

Витька приоткрыл глаза. Воздух в доме наполнился какой-то дымкой. Из катящейся кастрюли растекалась по полу, дымясь, мучная завариха. Мама, всплеснув руками, застыла на месте с раскрытым ртом. Но хуже всего другое. Ужас объял Витьку, когда увидел он трещину, расколовшую их спасительницу-печь сверху донизу. Мальчишка желал провалиться сквозь землю. Опомнившись, мама промолвила:

– Ну... Вот и поужинали. Очень сытно!

Всезнающий Мишка Зорин после предположил, что Витьке в сковороду каким-то образом попала разрывная пуля, почему-то не сработавшая во время стрельбы.

Витьке тогда влетело по первое число. А на следующий день мама вернулась домой со справкой из райисполкома. В справке той выражалась убедительная просьба к начальству завода № 32: изыскать возможность устроить Витю на лёгкий труд, несмотря на его слишком юный возраст, так как семья их находится в бедственном положении, отец на фронте, а Витька является самым старшим из пяти детей.

С этой-то самой справкой, подложив в отцовские сапоги тряпок, чтобы казаться выше, взрослее, направился Витёк в очередной раз пытаться устроиться на завод. Справа

от проходной, в нескольких шагах от заводского забора при-
мостилось небольшое одноэтажное наспех выстроенное де-
ревянное здание. В нём и размещался отдел найма и уволь-
нения. Зайдя в комнату к начальнику отдела, товарищу Ма-
лышеву, Витька, как мог, расправил плечи, вытянулся повы-
ше и напустил на себя серьёзный, озабоченный вид, чтобы
казаться старше.

– Опять ты, – недовольно гаркнул начальник. – Сказано
ведь было: через год, не раньше.

– А вы, Николай Дмитрич, вот, гляньте, – Витька протя-
нул заветную бумажку.

Начальник отдела с кислой миной на лице долго вертел
документ, качая головой, что-то прикидывал.

– Когда же тебе хоть тринадцать-то годиков стукнет?

– Уже скоро, в этом году исполнится, – отвечал Витёк,
вытягиваясь изо всех сил.

– Так когда же?

– 30 декабря, – теряя надежду, выдохнул мальчишка.

– Да-а-а. А сегодня ещё только 16 сентября! – побряхтев
да повздыхав, начальник отдела найма и увольнения принялся
названивать начальнику штаба военно-учебного пункта
завода № 32 товарищу Иванову.

Вскоре тот явился сам, чтобы собственными глазами
посмотреть на будущего подчинённого. Его разговор с Вить-
кой был коротким. Расспросив, что да как, предложил он па-
реньку должность курьера при штабе. Витёк слушал – и не

верил своим ушам: его наконец-то берут на работу! Товарищ Иванов строго предупредил об ответственности доверяемой Витьке службы; тем паче, время-то военное. Сказал, что нужно будет в точности исполнять приказы начальства. Пообещал оклад 211 рублей и талоны на рабочую пайку, которую недавно увеличили до 800 граммов хлеба (в целых два раза больше, чем до этого давали на Витьку, как на иждивенца!).

Не чуя ног под собой, летел Витька домой. Ещё бы; отныне он – самостоятельный взрослый человек. Оклад, конечно, небольшой. Витька знал, что двухсотграммовая пайка хлеба продаётся с рук рублей за 30–40, так что на его 211 рублей в месяц особо не разгуляешься. Но зато взрослая рабочая хлебная норма – это уже существенная помощь семье. А место работы-то какое! Штаб военно-учебного пункта! Звучит, ого-го! Это же, как-никак, с армией связано. Скажи кому, не поверят!

Окрылённый, влетел Витька в избу, на ходу сбрасывая с уставших ног сапоги с надоевшими тряпками. Ему так хотелось похвастаться перед всеми домашними своим назначением, но дома никого не было. Редко такое случалось. Мама, понятно, на работе. А бабушка, видно, тоже по каким-то делам ушла. В таких случаях маленьких детей отдавали на присмотр пожилой соседке.

Вдруг из бабушкиного угла донёсся тихий шорох. Ви-

тёк насторожился. Вор? Парнишка осторожно подбирался к цветастой занавеске, отделявшей бабушкин угол. «Я же теперь почти военный, при штабе как-никак состою», – мысленно подбадривал себя Витька, но это как-то мало помогало. Сердце, колотившееся всё быстрее, хотело выскочить из груди. Ещё один шорох. Точно, там кто-то прячется. Собравшись с духом, как в атаку, бросился Витька на занавеску, желая резко откинуть её. Но вместо этого запутался в ней и, обёрнутый занавеской, с криком шлёпнулся на того, кто там прятался. Орала оба. И Витька, и тот человек, на которого он свалился.

Чуть успокоившись, распутавшись, увидел Витёк перед собой не менее перепуганного, чем он сам, Степана, одного из их подселенцев. С облегчением Витька выдохнул:

– А я д-думал, что в-вор к нам з-забрался.

– М-монетка з-закатилась, а я искать п-полез, – оправдывался Степан.

Эпизод этот быстро забылся. Ведь вскоре вернулась бабушка с детьми, мама пришла с работы, затем появились и остальные подселенцы, Семён и Миша. Витька всем рассказывал про свою важную должность. Все за него радовались и поздравляли.

Где-то через пару недель улыбающаяся почтальонша протянула Витьке драгоценный бумажный треугольник. Письмо от бати. «Ух, как здорово! Надо папке написать, что я теперь сам работаю, в штабе!», – думал Витька, развора-

чивая листок.

«Здравствуйте, дорогие мои, любимые мама, жена, дети. Пишу вам моё последнее письмо. Нашу штрафную роту вывели на передовую. Завтра рано утром пойдём в атаку на немецкий укрепрайон. Будем искупать кровью вину перед Родиной. Шансов остаться в живых у меня нету. Не первый день здесь продолжается мясорубка. Так что, когда вы прочитаете это письмо, меня уже не будет. Ещё в середине зимы подошли мы ко Ржеву; думали, с ходу его возьмём. Но так до сих пор ничего и не вышло. Сколько народу тут погибло – не сосчитать. Непрерывно здесь идут кровавые бои за каждый куст, за каждую кочку, за какой-нибудь давно разрушенный сарай, которые переходит то к нам, то снова к немцам. Не знаю, будет ли когда-нибудь всему этому конец. А для меня конец уже близок. Что такое ад, я теперь знаю. Может, на том свете будет легче. Нет у меня перед завтрашним боем ни страха, ни тревоги. Пойдём в атаку за Родину, за Сталина! Так надо.

Так прощайте, родные мои, и простите, что не дал вам всё то хорошее, что мог дать. Думал, всё впереди, успеется. А теперь, стоя на краю, понимаю, как важна была каждая минутка, проведённая с вами. Живите за меня и не поминайте лихом. Прощайте».

17. ТРЕЩИНА В СЕРДЦЕ

Трещину, оставленную в печи разрывной пулей, на-

спех залепили. Печь вроде ничего, грела Витькино семейство, как ни в чём не бывало. А вот как залепить те трещины, что оставило последнее папкино письмо в сердцах домочадцев? Уж несколько недель прошло, как получили они от отца тот прощальный треугольник. И с тех пор не было от бати ни слуху, ни духу. Про то, что написал отец в этом письме, посторонним, от греха подальше, уж и не рассказывали. Мама предлагала сжечь письмо, пока не поздно, да бабушка не дала, запрятала в своём углу. На расспросы подселенцев, что пишет батя, не отвечали – ну их!

Витьке поручили работу не дюже сложную. Он отнес повестки заводским работникам, призываемым на ВСЕ-ВОБУЧ. Желает ли ты пройти всеобщее военное обучение – об этом не спрашивали. Если приносили повестку, то отказать от прохождения курсов возможности не было. Да никому такая мысль и в голову не приходила. Вот и топали голодные, усталые, отпахавшие у станка двенадцатичасовую смену рабочие в располагавшийся неподалёку от заводской проходной барак военно-учебного пункта. Там ещё часа по два, по три зубрили они уставы РККА, учились разбирать-собирать винтовку и обращаться с противогазом.

А штаб ВУП находился на территории 32-го завода. Должность курьера обязывала Витьку постоянно курсировать между учебным баракком и штабом. Да ещё посылали его со служебными записками по цехам. В них начальник ВУП Стрелков и начальник штаба Иванов строго тре-

бовали с руководителяй цехов объяснений: почему тот или иной их работник не присутствовал на учёбе? Ведь, пропуская занятия ВСЕВОБУЧА, будущий призывник тем самым подрывал боеспособность Красной Армии. А начальники цехов обычно слали в ответ записки о том, что в связи с выполнением срочного задания, срыв которого, опять же, грозил подрывом боеспособности Красной Армии, такой-то работник по приказу оставался работать сверхурочно. В общем-то, каждый из начальников со своей стороны прав, думал Витька; главное, что все пекутся о боеспособности Красной Армии.

Витёк поначалу очень гордился своей полувоенной должностью. Ещё бы! Ведь на вопрос домашних: «Куда собираешься?» можно запросто ответить: «На работу. В штаб». Или поздно вечером, зайдя в избу, этак небрежно бросить: «Сегодня дел навалилось! Пришлось в штабе задержаться». Младшие дети при этом тарасили глазёнки, а мама с бабушкой украдкой поулыбывались.

Но очень скоро Витька привык, да и понял, что гордиться-то особо нечем. Проходя по заводским цехам, он видел мальчишек и девчонок чуть постарше его, стоявших у станков. Они делали продукцию, нужную фронту, а Витька всего лишь разносил бумажки. Многие из работавших ребят были так малы, что не доставали своими ручонками до шпинделя станка, и потому вкалывали они, стоя на перевёрнутых ящиках. К некоторым станкам (так чтобы работник всегда видел)

приделаны маленькие неказистые транспорантики с надписью: «Что ты дал сегодня фронту?» К другим прикреплены самодельные таблички с текстом навроде: «Я, токарь Клабуков, обязуюсь сегодня, 1 ноября 1942 г., выполнить сменное задание на 200 процентов». Очень часто в конце смены внизу плакатика появлялась приписка: «Выполнил на 300» или «...на 400». Всё чаще, возвращаясь с завода домой, Витька спрашивал себя: «Так что же я дал сегодня фронту?». Ответа что-то не находилось. Поэтому Витёк и решил, как только появится возможность, проситься на настоящую работу в заводские цеха.

Жизнь на заводе шла своим чередом. К зиме вновь возвели стены кузницы, взамен сгоревших. Всё лето паровой молот без устали бухал на открытом воздухе, но теперь холода уже на носу. Как-то переживёт Филейка очередную военную зиму? Прошлой-то зимой за ночь до двадцати трупов на территории завода набиралось. Всё было: и дистрофия, и тиф, и лютый холод в цехах. Особенно не щадила смерть стройбатовцев и иногородних подростков.

Стройбатовцы – замызганные доходяги из среднеазиатских республик, низкие ростом, по-русски толком не понимавшие, непригодные к службе на передовой. Их очень плохо кормили, жили они в землянках в ужасных антисанитарных условиях, да и одевались в обноски.

А иногородние подростки... Прибыли они в основном из южных областей. К суровым холодам не привыкшие, да

и особого жизненного опыта ещё не накопившие – и потому плохо приспособленные к выживанию. Ещё вчера они учились в РУ (ремесленных училищах), живя в своих тёплых краях под родительским крылом. А сегодня оказались где-то за тридевять земель от родного очага в бараке или землянке одни против голода, холода, болезней и непосильного, выматывающего до изнеможения труда.

И вот эти полуживые или, скорее, полумёртвые бойцы трудового фронта бригадой человек в 15 каким-то чудом выполняли ту же производственную программу, что до войны в Москве делали 50 квалифицированных рабочих. И справлялись. И перевыполняли!

Постоянно напоминали об идущей войне воздушные тревоги. К счастью все они пока что были лишь учебными.

Мальчишки любили скакать по крышам вагонов двигавшегося поезда, который недавно пустили для перевозки рабочих, расквартированных в городе, на 32-й завод. Состоял он из коптящего паровоза и четырёх деревянных товарных вагонов, в которые и набивался народ. Проездной стоил прилично: 12 рублей на месяц. Поезд двигался не спеша, но прыгая по крышам с вагона на вагон, можно получить массу незабываемых впечатлений.

Маршрут начинался неподалёку от заводской проходной. От деревянной платформы, возведённой на Филейском шоссе, катил поезд мимо бескрайнего, тянувшегося до самой

Вятки овощного поля, разбитого эвакуированными рабочими, на котором летом росла картошка. Катил к деревне Черваки. Потом железка уходила за начатый возводиться латунно-прокатный завод, строительство которого приостановили по причине завязавшейся войны*.

[*Примечание: Латунно-прокатный завод достроили после войны, сейчас это Кировский завод ОЦМ.]

Далее дорога шла за заводом № 266, который местные по довоенной привычке называли КУТШО, а некоторые эвакуированные почему-то величали странным именем «Лепсе», и вновь, пересекая Филейское шоссе, выходила на самую окраину города Кирова к Октябрьскому рынку. Там и была конечная остановка.

А напротив филейской железнодорожной платформы, через дорогу, стояли бараки. В одном из них размещались библиотека и партком завода № 32, там вывешивали газету с результатами розыгрыша по облигациям госзайма. Покупать эти самые облигации людям приходилось в добровольно-принудительном порядке. Ведь денег и так не хватало, но с каждой зарплаты рабочие отчисляли средства на постройку танков и самолётов. А кроме того постоянно собирали подарки для фронта, отрывая от себя так нужные продукты, одежду, обувь. Вместо отменённых отпусков полагалась денежная компенсация, которую так же практически поголовно все сознательные граждане перечисляли в Фонд обороны. Как же ещё взять денег у народа? Тогда-то и придумали об-

лигации. Государство как бы брало у человека деньги взаймы до окончания войны, взамен выдавая бумажку – облигацию. А чтобы как-то заинтересовать население расстаться со скудными сбережениями, по этим облигациям проводились розыгрыши денежных призов.

Работники завода, конечно, не носили с собой эти красивые и в прямом смысле слова дорогие бумажки. Номера облигаций каждый записывал на листочек. С этими-то листочками и подходили они, отработав смену, к стене в парткоме, на которой вывешивались таблицы выигрышей. Вечерами около той стены всегда толпились люди. Редко удача улыбалась заводчанам, но время от времени кому-то везло. Бывало, выигрывали и по 100 рублей и по 200, а наемдни прошёл слух, что в Кирове кто-то аж тысячу выиграл!

Вот и Витька не остался в стороне, приобрёл на свои кровные с первой зарплаты облигацию. Шёл в партком с заветным желанием: взять вот так, да и выиграть главный приз. Протолкнувшись к таблице, затаив дыхание, принялся Витьк проверять свои цифры. Что же, чуда не произошло. Выигрышем и близко не пахло. Сам не зная почему, Витька переписал к себе на листочек цифры облигации, выигравшей главный приз: фантастические 30 тысяч рублей, да и отправился восвояси.

На следующий день после работы ноги сами понесли Витьку в барак парткома. Шёл он туда, не понимая зачем. Ведь со вчерашнего вечера там ничего не изменилось.

И точно. Такая же толпа, только люди другие, ведь те, что были вчера, свои облигации уже проверили. В толпе маячил Витькин знакомец Федька-Штырь, который имел несносную привычку каждый раз при встрече как-нибудь подкалывать Витьку. Не обошлось без того и сейчас:

– Дорогу! Дорогу! – наигранно прокричал Федька. – Дорогу главному везунчику!

Как ни странно, но толпа притихла, расступилась. Все молча смотрели на Витьку, и тому ничего не оставалось, как подойдя к стене с таблицей, развернуть свой мятый листочек с цифрами. Витьке прекрасно знал, что его облигация не выиграла, но деваться некуда.

– Ну так как, повезло ли нашему штабисту? – не унимался забияка.

Витька тщательно сверил цифры и тихонько молвил:

– Не совпало.

– Эх, ты; «не совпало»! Когда же у тебя что-нибудь получалось? Катился бы уж отсель!

Витьке стало так горько от обиды! Он растерялся, а потом выпалил:

– Неправда! По первой облигации только не совпало, а по второй – выиграл!

– Надо же, какой богатый, – промямлил Федька, – у него, понимаешь ли, целых две облигации.

Витька сам не понимал, зачем он так сделал. Он молча стоял. Кто-то из толпы взял из его рук бумажку и, прове-

рив, присвистнул. Шепоток восхищения и зависти разнёсся по толпе:

– Ух ты! Во даёт! Ну и парняга, везучий! Главный призахпнул! Тридцать тысяч!

Витёк забрал свой листочек, аккуратно сложил его в карман, зыркнул на притихшего Федыку и в воцарившейся гробовой тишине важно проследовал к выходу сквозь расступившуюся толпу.

Пару дней после этого случая мальчишка ходил король королём. Потом слухи о непомерном Витькином богатстве докатились до мамы и бабушки. Они стали требовать часть выигрыша, ведь жили впроголодь. Целый вечер потратил паренёк, втолковывая им, не верящим, что то была лишь шутка. Но шутки кончились на следующий день, когда новоявленного богача поймал на заводе парторг Степанов и стал настойчиво намекать на то, что настоящие советские патриоты всегда переводят большую часть выигрыша в Фонд обороны. Долго же Витьке пришлось доказывать, что он не верблюд.

Однажды его пораньше освободили с работы. Завалившись домой, Витёк обнаружил одного из подселенцев, выскальзывающим из бабушкиного угла. На сей раз «отличился» тихоня Семён. Он принялся судорожно поправлять занавеску, словно ради этого неотложного дела сюда и подошёл.

– Да что ж такое? Мёдом там, что ли, намазано? То один залезет, то другой, – разозлился Витька. – А ну, отвечай: что

ты там искал?

– Н-ничего не искал, п-показалось тебе, – оправдывался Семён. Но потом сознался, что очень ему любопытно стало бабушкину икону получше рассмотреть, да так её и не нашёл.

Витька помнил, что и сам частенько любопытствовал по этому поводу. Ну, а вдруг не за этим Семён туда лазил? Уж не батино ли прощальное письмо он там искал? И не он ли в таком случае сдал отца НКВД-шникам? А Витька-то грешил на Степана! Как же тут разобраться?

...Наступил вечер и вся семья была в сборе. Тётя Глаша пришла на этот раз вся в слезах. Лишь одного взгляда на их соседку-почтальоншу хватило, чтобы понять, что произошло. Всё внутри Витьки оборвалось. Тётя Глаша не могла из себя выдавить ни слова, только редела навзрыд. Бабушка опустилась на табуретку и заплакала, лицом уткнувшись в свой фартук. Мама отвернулась к окну, крупные слезы ручьями текли по её щекам. Скоро настроение взрослых передалось толком ничего не понимающим малышам, они тоже все начали плакать. И только Витька стоял как столб; ни слезинки не вынырнуло из его глаз, уставившихся в одну точку на потолке. Он был весь напряжён и не знал, сколько времени всё это продолжалось. Наконец тётя Глаша, так и не проронив ни слова, приблизилась к пареньку, сунула, не глядя, в Витькину руку похоронку и, охая-всхлипывая, поплыла к выходу.

Мальчишка стоял убитый горем. Ему вспомнились ба-
тины слова, сказанные тем далёким тёплым вечером 22 июня
1941 года: «Остаёшься за старшего, сын».

18. ГОЛОД

Медленно близилась к завершению вторая военная зи-
ма. Уже и дни стали заметно длиннее, и солнышко, выгляды-
вая всё чаще, стало, робея ещё, малость пригревать. Огром-
ные сосульки, свисавшие с невысоких крыш заводских бара-
ков почти до самой земли, начинали в такие минуты плакать,
словно предчувствуя свою скорую неизбежную кончину.

На днях политинформаторы, которые имелись в каж-
дом цехе и всякое утро сообщали заводчанам о делах на
фронте, порадовали тружеников тыла известиями о большой
победе наших войск под Сталинградом. Окружённая немец-
кая армия, командовал которой фельдмаршал Паулюс, дол-
го и упорно сопротивлявшаяся, наконец полностью уничто-
жена. А остатки её, многие тысячи солдат и офицеров вер-
махта, начали сдаваться в плен. Сдался, не решившись по-
кончить с собой, и сам фельдмаршал. В Германии Гитлер,
ещё по осени хваставший, что Сталинград уже взят, даже
объявил по поводу этого сокрушительного поражения трёх-
дневный траур. А в холодных цехах филейского завода все-
знающие бабы поговаривали, что именно с данной победы и
начнётся, наконец, долгожданный перелом в ходе этой кро-
вавой войны...

Витька и Миша чистили от снега тропинку у дома, вслух размышляя.

– В Сталинграде наши фрицев разгромили; может, скоро и из-под Ржева, где папка лежит, вышибут? – спрашивал Витёк.

– Земля ему пухом; вышибут обязательно. А моего отца на войну не пустили. Ничего не поделаешь: 58-я статья, враг народа – и точка. Уголовников на фронт берут, пожалуйста. А политическим никак нельзя, – вздыхал Мишка.

– Зато твой батя хоть жив.

– Мой-то жив, если можно это жизнью назвать... Да, погиб твой папка. Но хоть и был он в штрафниках, а всё ж в бою пал смертью храбрых. Все обвинения с себя кровью смыл. И наград не лишён, и вы пенсию получаете. А мой жив, но знаешь ли ты, каково там? Если на свободе людям сейчас вон как туго приходится, как же тогда в лагерях? Хорошо, если хоть инвалидом вернётся, а жизнь вся одним анекдотом навсегда испорчена.

– Не повезло нашим папкам. Скажи, Миш, как думаешь, из-за кого мой отец в штрафбате оказался? Кто же всё-таки, по-твоему, его письмо в органы сдал?

– Не знаю, Витюха, не знаю. Либо Семён, либо Степан. Кто-то из них двоих. Больше, вроде, и некому. Мне-то, поди, доверяешь?

Голодный Витька топал из заводской столовки в штаб

ВУП. Из голенища правого сапога (как у многих рабочих) торчала завёрнутая в тряпицу личная ложка – вещь дефицитная. Навстречу ему попадались группки рабочих, спешивших на обед. Витька пропускал мимо ушей обрывки доносящихся фраз. Как обычно, все разговоры лишь о еде.

Паренёк и сам только что отоварил обеденный талон, но в животе по-прежнему урчало. Да разве хватит растущему организму тарелки жиденькой похлёбки, положенной на обед? Вода, немного капусты и картошки – вот все её ингредиенты.

Баланда эта разливалась в шершавые железные миски, изготовленные полукустарным способом здесь же на заводе. В небольших неровностях тарелок застревали махонькие кусочки драгоценной пищи. Витька, как и все заводчане, всегда старательно пытался их извлечь. Для этой цели шли в ход ложка, кусок хлеба, а иногда и палец. И всё же, как ни стремились голодные работяги, а досконально вычистить такую миску невозможно.

Но как только покушавший заводчанин, поскребя-помучившись, отодвигал от себя опустевшую тарелку, её тут же хватал подскочивший человек, чтобы попытаться ещё раз выскрести остатки еды. Прозывали таких людей блюдолизами. Это были такие же рабочие, разве что голод они совсем уж терпеть не могли. Во время обеденного перерыва, съев побыстрее свою порцию, блюдолизы следили из-за колонны в углу, чтобы успеть схватить чью-нибудь отодвинутую та-

релку. Витька заметил, что к концу каждого месяца стайка блюдолизов всегда вырастала – потому, наверное, что некоторые бедолаги, не вытерпев, проедали раньше срока выдававшиеся в начале месяца продовольственные карточки.

Чувство голода месяцами не покидало мальчишку. Он рос с этим чувством, с ним ложился спать и вставал. Иногда уже казалось, что голод стал чем-то естественным. Но нет, привыкнуть к нему невозможно. Скорей бы весна! Снова можно будет пестики кушать. Витьке вспомнились братишки-сестрёнки прошлым летом. Росточком малые, с хуленькими ручками и ножками. При этом у каждого круглое пузико, распухшее от травы. Посмотреть, будто мячики проглотили. Брюхо набито, а голод никуда не делся.

А ещё в конце весны можно пескарей в Курье и в Юрченке плетёными корзинами ловить, если время после работы останется. Ведь Витёк просился, не переставая, на производство. Там, как он теперь понял, и работать престижней, и зарплата поболее. Да к тому же за выполнение нормы с недавних пор ввели поощрение: ржаной пятидесятиграммовый пончик. А особо отличившимся рабочим начальник цеха, по согласованию с парткомом мог даже выписать премию – аж 200 грамм гороховой муки!

В одном из цехов удалось Витьке разжиться выпущенной на предприятии газеткой. Называлась она «Заводский большевик». Читать газеты он любил. Взгляд остановился на заголовке «Работники завода – бойцам Красной Ар-

мии», там сообщалось: «С большим успехом проходит на заводе сбор тёплых вещей для бойцов Красной Армии. Коллектив цеха № 13, кроме зимних вещей, сдал наличными 630 рублей для приобретения подарков фронтовикам. 3000 рублей наличными собрал цех № 3. меховые рукавицы, валенки, ватные брюки, пять шапок-ушанок, простыни, бельё и другие вещи посылают на фронт рабочие и служащие цеха № 16». Вот молодцы, радовался Витька; в самом деле – и тыл, и фронт едины в борьбе за свободу Родины.

Вечерело. Работавшие в день передавали завод ночной смене. Ненадолго умолк круглосуточно бухавший на всю Филейку паровой молот. Без его привычных мерных ударов стало как-то неуютно, тоскливо, но вскоре всё вернулось на круги своя. Заступившие в ночь кузнецы оживили механизм. Мощные удары молота возобновили свой ритм, приближавший Победу.

По тёмным филейским переулкам мимо неказистых бараков усталый Витька плёлся домой. Давно наступили зимние сумерки. У костерка за стройбатовской столовкой мелькали силуэты. Стройбатовцы! Вот кому ещё хуже. Витьке часто встречались эти невысокие ростом прокопчённые, как попало одетые азиаты. В зимнюю стужу – на ногах дырявые ботинки на деревянной подошве. ветхое, грязное, сменившее не одного хозяина обмундирование не спасало от холода. Одежду эту, зачастую снятую с погибшего в бою красно-

армейца, подлатав, выдавали стройбатавцам. Трудились они на самых простых и тяжёлых работах. Копали котлованы, долбили мёрзлую землю, таскали её на носилках. Кормили их хуже всех.

На улице рядом со стройбатовской столовой была выкопана яма, куда вываливали отходы с кухни (хотя какие уж там могли быть отходы; и так, вроде бы, всё, что можно съесть, шло в пищу). Что туда выбрасывали, трудно сказать. Но говорят, голод – не тётка. Вечерами голодные стройбатовцы, сгрудившись, рылись в этой яме, палками вороша отходы. Что-то находили, складывали это «что-то» в котелки, нагребали туда снег, варили эту бурду на костре и ели. Так и выживали.

Витька шёл своей дорогой и представлял на ходу, как, придя в тёплую избу, усядется вместе со всеми домашними возле дымящейся кастрюли с варёной картошкой, как разольёт бабушка по кружкам молочко из бидона. И от мыслей этих аппетит только усиливался.

Тут заметил он под ногами бумагу, чуть присыпанную февральским снежком. «Хорошо! – подумал парнишка, нагибаясь за ней. – Сгодится папироски с самосадам крутить!». Витёк поднял бумагу и ахнул: «Да ведь это хлебные карточки. Как же их много, ведь до конца месяца-то ещё далеко!» Он быстренько осмотрел находку. На семь человек. А у Витьки в семье как раз семь ртов. «Вот повезло, так повезло!», – обрадовался мальчишка, – «Это ж теперь до конца

месяца можно всей семье досыта наесться!»

Сияющий Витька влетел в избу и с порога сообщил радостную новость:

– Ну вот, теперь поедим! – с этими словами Витёк, вынув из-за пазухи драгоценную бумагу, протянул её маме. Довольный мальчишка ждал, что сейчас все начнут радоваться вместе с ним. Но что-то было не так.

– Ты где это взял? – строго спросила мать.

– Ну, не украл же! Нашёл, на дороге валялись, – довольный Витька подумал, что уж теперь-то он точно увидит радость на мамином лице.

Мать опустила взор, помолчала, о чём-то размышляя. Потом подняла на сына глаза, в которых застыла боль, тихо спросила:

– А ты подумал, что станет с теми людьми?

Витькиной радости как не бывало. Мальчишке стало так стыдно за то, что ему и в голову не пришёл этот простой вопрос: что станет с теми людьми? Он представил на мгновение, что почувствовал, если бы их семья лишилась хлебных карточек на месяц. Но у них-то хоть какие-то припасы с огорода хранятся. А есть эвакуированные семьи, у которых, кроме этого хлеба, других вариантов выжить просто нет.

На обороте бумаги стоял штамп-прикрепление к ближайшему магазину, тому же, к которому прикреплена и Витькина семья. Прозывали в народе тот магазин стройба-товским, хотя к стройбату он абсолютно никакого отноше-

ния не имел, разве что располагался в бараке неподалёку от стройбатовской столовки. Вскоре Витёк с мамой разговаривали с кассиром этого продмага. Выяснилось, что к кассиру уже приходила заплаканная женщина, спрашивала, не нашёл ли кто их хлебные карточки? Сказала, что придёт ещё. Мама оставила бесценную бумагу кассиру. Та попросила ещё и записать их адрес.

В тот же вечер, когда поужинавший, но всё такой же голодный Витька растянулся на постели на полу, к ним пришла та самая женщина. Долго она причитала, плакала, теперь уж от радости, благодарила их. И всё время повторяла: «Вы нам жизнь спасли, вы нам жизнь спасли». А когда узнала, что это Витька нашёл их хлебные карточки, чуть ли не в ноги ему упала и сказала, что будет Богу за него молиться.

Витьке было очень неудобно от этого, ведь он ничего особенного не сделал, да и если б не мама...

Потом та женщина ушла. На душе вдруг стало легко. Засыпая, Витька думал: «Хорошо, что всё закончилось именно так и хлебные карточки нашли своих хозяев. И хорошо, что скоро весна. Вначале будут пестики, а потом и пескари...»

19. ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

И пришла весна! Филейка, пригретая ласковым солнышком, начала потихонечку оживать. Пробуждались от зимнего сна её поля, холмы, перелески. Оживали криками

детворы и лаем редких собачонок деревни. На лица её обитателей всё чаще забегала в гости улыбка. Ещё совсем недавно – зимой, казалось, что Филейка умерла. Лишь завод – её сердце – работал так же, как всегда – на пределе возможностей. Для завода, дающего оснастку и вооружение фронтовой авиации, не существовало времён года и прочих причин и обстоятельств. И вот Филейка жива, как жива вся страна и её народ, сумевший ценой огромных жертв совершить невероятное – переломить ход почти проигранной войны.

Красная Армия наступала на пятки фашистам, спешно отводившим свои войска с Северного Кавказа, чтобы не оказаться в ещё одном окружении после разгрома под Сталинградом. Был во второй раз, теперь уже окончательно, освобождён от немцев многострадальный Ростов-на-Дону.

С радостью слушал Витька, стоя под рупором в толпе заводчан, сообщение Совинформбюро. Левитан, своим гулким голосом победно вещал: «Четвёртого марта западнее Ржева наши войска, продолжая развивать наступление, овладели городом. А также заняли крупные железнодорожные станции Оленино и Чертолино. Железная дорога Москва-Ржев-Великие Луки на всём протяжении очищена от противника».

Во время радиосообщений люди стояли молча. Соблюдали тишину, чтобы не упустить чего-то важного. Ловили каждое слово, даже интонацию диктора. Когда говорилось о наших победах, лишь кивали друг другу, улыбаясь, да хлопа-

ли по плечу. Улыбался сейчас и Витька, с трудом сдерживая слёзы. Значит, не напрасны были жертвы, не зря батя жизнь свою положил. Освободили наши войска город Ржев, хоть и больше года на это ушло; откинули агрессоров ещё дальше на запад.

Весна! Небо смотрит добрее, и стало как будто чуть легче выживать. На заводе во время обеденных перерывов читали короткие лекции по специально написанным в это голодное время книгам академика Рудницкого. Темы лекций: «Как устроить огород» и «Дикорастущие съедобные растения». Слушали их в основном рабочие, эвакуированные из других городов. У местных-то деревенских и так огороды всю жизнь были. Да и про дикорастущие съедобные растения знали все не понаслышке. Как только начал сходить снег и на проталинах появилась первая травка, устремилась детвора на сбор пестиков. А после и щавель подоспел, и луговой лук. Всё годилось, чтобы хоть как-то набить урчащий желудок.

В многотиражке завода № 32 частенько появлялись заметки под лозунгом: «Каждый метр земли – под огород!». В газете ставили в пример другим некоторым сознательных жителей заводского посёлка, обработавших небольшие полоски земли прямо под окнами бараков. Призывали следовать их примеру. Был брошен клич: «Устроить огород может и должен каждый!»

Витьке давно уж надоело разносить повестки по цехам; хотелось работы мужской, настоящей. Прежде всего при-

влекали мальчишку большие металлообрабатывающие станки. Особенно нравились строгальные. Витёк зачарованно наблюдал, как резец такого станка легко, словно нож масло, снимает раз за разом стружку с железной заготовки. Как под умелым управлением станочника из куска металла, получается деталь нужной формы.

Очень желал Витька стать строгальщиком, мечтал об этом. Наконец решился как-то раз и пошёл на приём к начальнику 9-го цеха товарищу Жигульскому. Однако тот был на совещании у начальника производства товарища Горюнова*. Пришлось идти с разговором к мастеру строгального участка. Робко стал расспрашивать того: не нужны ли, мол, вам рабочие на станки?

[*Примечание: Горюнов Сергей Александрович – начальник производства, а с 1943 г. директор завода № 32.]

Мастер, пожилой мужчина, приподняв очки, глянул сверху вниз, на «великана», стоявшего перед ним. Поинтересовался: уж не он ли собрался работать? И тогда Витёк, сбиваясь от волнения, рассказал ему, как на духу, о своей мечте. Мастер не перебивая, с уважением, как показалось мальчишке, выслушал его просьбу. Но ответом своим не порадовал. Сказал Витьке, что тот маловат ещё ростом, поэтому не сможет дотянуться до рукоятки суппорта, изменяющего угол подачи резца, и никакие подставки под ноги тут не помогут. Да и силёнок для двенадцатичасовой смены на строгальном станке нужно ещё поднакопить, не каждый взрослый справ-

ляется. «Подрастёшь – приходи!» – изрёк мастер, пожав на прощание Витькину руку.

Были у паренька и другие попытки: стать токарем или фрезировщиком – но результат был всё тот же. Обычно, выслушав Витькину просьбу, осмотрев скептически малыша и узнав, что тому лишь 13 лет, начальники и мастера отвечали: «Иди-ка, паренёк, гуляй!».

Однажды принёс Витёк повестку на курсы ВСЕВОБУ-Ча своему знакомому старшему приятелю Кольке-одесситу. Принёс, как обычно, прямо на рабочее место. А трудился Колька не где-нибудь, а в цехе номер 6, то есть – в кузнице. Из-за страшного грохота, производимого механическими молотами, разговаривать толком невозможно. Но вечером в учебном бараке Витька отыскал Колю, и ребята поговорили.

– Видишь, как оно; скоро 18 мне стукнет, если бронь снимут, на фронт пойду. Сейчас где-то под Харьковом бои идут, а мне, может, выпадет Одессу-маму освободить, – говорил Колька. – Сам-то как? Батька что пишет?

– Убили батьку. Под Ржевом. – Витёк, только что радовавшийся встрече с приятелем, помрачнел. – А меня на нормальную работу не берут. Куда уж только не пробовал.

– Вон как. Да, война она не разбирает... А ты вот что, иди к нам слесарем в ремонтную бригаду. Нам как раз обещали штат увеличить, ученика дать. А то объёмы растут, и мы не справляемся. Только учти, работа не из лёгких.

– Я бы с радостью, – отозвался Витька.

– Вот и приходи, парень ты смышлёный, а с механиком нашим я завтра же поговорю.

И вот, когда все вопросы, связанные с переводом, решились, стал Витька работать учеником слесаря в шестом цехе. Недавно построенное здание кузницы являлось самым значительным сооружением на заводе (высотой метров девять!). Внутри громыхал один большой паро-воздушный молот и ещё шесть молотов поменьше, да прессы. Рядом с молотами располагались печи. Хозяйство это работало на мазуте, который привозили на телеге в деревянных бочонках. Пол земляной, лишь около молотов лежали железные плиты, на которых стояли во время работы кузнецы. За эту особо тяжёлую работу кузнец получал повышенную пайку – 1 кг хлеба в день. Но ведь почти у всех дети, да не по одному, которых с этой пайки кормили. Тех, кто регулярно перевыполнял норму, поощряли талонами на ДП (дополнительное питание), которое обычно выражалось в виде миски мучной заварихи.

Через всю стену цеха тянулся закопчённый транспарант: «ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!» Не просто лозунг; в нескольких словах выражался весь смысл жизни каждого заводчанина. И именно здесь, в кузнице, слова эти превращались в материю. Кузнец поднимал зажатую в специальных клещах заготовку, раскалённую в печном жаре. Подносил под движущийся в готовности вверх-вниз бо-

ёк молота и кивком головы давал команду напарнику. Тот, повернув рукоятку, обрушивал молот на заготовку. Вот они, поковки, становящиеся деталями оружия Победы.

Участок этот – важнейший для завода, поэтому чинить выходящее время от времени из строя оборудование требовалось быстро. Механизация почти на нуле, тяжеленные детали ворочали вручную. В бригаде по ремонту молотов и прессов трудились семеро. Бригадир и двое взрослых рабочих, эвакуированные с заводом из Москвы, Колька из Одессы, два 16-летних деревенских паренька, мобилизованные из колхозов Кировской области, и он, Витька, единственный в бригаде местный житель – да и то переехавший на Филейку с семьёй из глубинки незадолго до войны. Такой же примерно расклад наблюдался и в других подразделениях 32-го завода. Москвичи, которых на заводе чуть ли не половина, частенько подшучивали над вятскими ребятами, передразнивая их говор. А местные не обижались; давно уж привыкли к московскому «аканью» и почти не замечали его.

Работали много и тяжело. Когда совсем выматывались, бригадир объявлял перекур. Во время таких пауз ремонтники усаживались, где придётся, разговаривали, обсуждали положение на фронтах. Во время одной из таких передышек узнал Витёк, потрясшую его поначалу новость. Бригадир их, высокий мужчина с приятным лицом, не таясь, рассказывал, что зимой ему не раз приходилось охотиться на бездомных собак, чтобы как-то прокормить голодающее се-

мейство. Витька вначале возмущился в душе: как можно собачатину жрать?! Но потом рассудил: это его семье проще, всё ж своя изба с огородиком, да коровка молочко даёт. Куда бы без всего этого? А как эвакуированным выживать? Вот, кажется, и нашёлся ответ на мучивший Витьку вопрос: куда пропали птицы с голубятни? Скорее всего, голубей тоже кто-то съел.

Чем ближе лето, тем жарче становилось в кузнечном цехе. Всё больше донимали копоть и шум. Однажды, знойным майским днём, дотерпев кое-как до обеденного перерыва, рванули пацаны из душного цеха к размещавшейся рядом градирне. В сооружённом из просмолённого дерева резервуаре остывала вода, перед тем, как вновь быть запущенной в систему охлаждения компрессоров. Мальчишки прозвали то место бассейном.

Побросав прямо на землю пропотевшую насквозь одежду, ребята с гиканьем сиганули в теплую воду «бассейна» в чём мать родила. Какое же это блаженство! Парнишки брызгались и кричали, ничего не замечая. Не заметили они и проходившего мимо парторга. Тот, подкравшись, отругал мальчишек за нарушение порядка, собрал одежду – да и унёс со словами: «Получите у вашего начальника цеха и портки, и выговор!».

Вот и покупались! Пацаны опечалились. Выговор грозил лишением и без того небольшой зарплаты на 20 процентов в течение нескольких месяцев. Да и как идти к начальни-

ку гольшом? Пришлось ребятам смастерить из веток берёзы что-то вроде набедренных повязок. В таком непотребном виде, сильно смущаясь, подтолкнув вперёд младшего из них – Витьку, зашли ребята, потупив взоры, в кабинет начальника кузнечного цеха.

– Ну, вы и папуасы вятские! – не удержался от смеха начальник-москвич и добавил, пародируя местный говор. – Лико чо! Лико чо!

– Простите нас, Александр Фёдорович, мы больше так не будем. Жарко стало, решили вот искупаться, – мямлили провинившиеся.

– На втором этаже душ имеется, там купайтесь!

Начальник кузницы, товарищ Ветров, был человек добрый. Выговор не объявил и зарплату урезать не стал. Поругал для порядку – да и определил обычное для мелких нарушителей наказание, установленное в цехе. Пришлось ребятам оставаться после смены и отмывать тряпками, лазя по стремянкам, огромные, вечно грязные от копоти окна кузнечного цеха. Заодно и лозунг отщёрли.

В конце весны бабушка вдруг тяжело заболела, слегла. Никто не мог понять, что с ней. Врачей толковых на Филейке не водилось. Все более-менее понимающие медики – либо на фронте, либо в многочисленных госпиталях города. У докторов и так нагрузки хватало лечить раненых красноармейцев, и уговорить кого-то из них добраться из города до

Филейки, чтобы осмотреть слёгшую старуху не было никакой возможности. А пришедшая из заводской санчасти докторша, послушав бабушку, дала ей каких-то таблеток. Да они не помогали.

Бабушка сохла на глазах. Она уже и не ела ничего, изредка лишь мочила губы водой, поднесённой в чашке. С каждым днём она угасала. «Пора мне к сыночку моему, пожила на земле, хватит», – сказала она как-то родным. А потом призвала к себе маму, попросив остальных отойти, и долго-долго шептала ей что-то на ухо.

В тот же вечер привела мама к бабушке странных людей. В дом вошли три очень пожилых, с длинными седыми бородами, старца. Была с ними и старушка не намного моложе бабушки, но с виду довольно бойкая.

Они плотно занавесили покрывало, отделявшее бабушкин угол – даже маму туда не пустили – и принялись что-то нашёптывать. «Молятся, что ли? – задавался вопросом Витёк. – Хорошо хоть подселенцев сегодня нет и никто из посторонних всё это не видит». Действительно, так получилось, что по странному стечению обстоятельств все подселенцы этой ночью работали.

Витька, как и остальные домашние, давно уже лежал в постели. Вот только заснуть он никак не мог. Всё прислушивался к шёпоту, доносящемуся из-за занавеси. Ворочался, время от времени проваливаясь в дрёму. Наконец, пришло утро. Невыспавшийся Витька собирался на завод. Он

начал уже всерьёз опасаться, что вернувшиеся с ночной смены подселенцы застанут у них в избе этих богомольцев. А они, как считал мальчишка, явно антисоветский элемент. Но тут старцы с пришедшей старушкой вышли из бабушкиного угла. Поклонившись обитателям дома и одарив их добросердечными взглядами, покинули они Витькину избу, унося с собой какую-то большую коробку.

Интересно, чегой-то они понесли? Витька мог поклясться, что приходили они к ним в дом с пустыми руками.

20. HERNIA INGUINALIS

Прошло несколько тягостных дней после визита таинственных старцев. Витёк догадывался, что являлись они неспроста. Помолились за бабушку и унесли ту древнюю икону, что была у неё запрятана. А та старушка, что с ними приходила, наверное, станет новой её хранительницей. Единственное, что Витька никак не мог понять – почему среди верующих такое внимание именно к этой иконе? Ведь, когда разрушали церкви, образов этих валялось в округе бери – не хочу! Многие граждане, сбросившие с себя религиозные путы, и брали – для хозяйства. Кто полку в избе из икон смастерит, кто – кормушку для скота. Но к этому образу, похоже, отношение было особое; именно его верующие желали сохранить во что бы то ни стало и от поругания всячески сберегали.

Бабушка умирала. Лежала на своём одре молча. Не ела

и даже глаз не открывала. Исхудала – кожа да кости. Мама и Витька по очереди ухаживали за ней, как могли. Тяжело было видеть такую бабушку. Но однажды, где-то в начале июня, когда Витёк протирал мокрой тряпочкой бабушкины губы, она приоткрыла рот. Витька сразу сбежал за водой. Бабушка сделала несколько глоточков. Отдышалась, покряхтела и тихо прошептала: «Кашки бы». Ошарашенный паренёк кинулся к печке. Второпях задел пустой горшок, который грохнулся на пол и покатился под лавку. Но мальчишке было не до пустяков. Бабушка столько дней не ела – и вот теперь просит кашки! Да где ж взять? Крупы в доме не имелось. Витька поставил кастрюлю с водой на огонь, насыпал туда муки. Пока готовилась завариха, парнишка всё бегал к бабушке и приговаривал: «Сейчас, сейчас, уж скоро готово будет». Но бабушка на бормотания эти никак не реагировала. Минут через двадцать мальчишка внёс в бабушкин угол большую тарелку густой, дымящейся заварихи. Зачерпнул ложечку, подул на неё и стал уговаривать: «Ну поешь, бабуш, вон как вкусно!».

И тут, к его удивлению, бабушка приоткрыла глаза, а затем и пригубила с ложечки. Съела и вторую ложку. Но когда довольный внук поднёс ей третью, остановила его взглядом.

– Покушай ещё, ведь мало съела, – уговаривал Витёк.

– Спаси тебя Боже! Я наелась, – прошептала бабушка. – Желудок-то у меня теперь, как у воробья.

«Наверное, невкусно приготовил, – подумал Витька. Попробовал: «Да, точно невдосоль. Мама сказала: экономить, а то до конца месяца не хватит. Эх, уж по такому-то случаю зря соли пожалел!»».

Бабушка умолкла и, кажется, вновь провалилась в забытье. Но с тех пор начала она день за днём потихонечку поправляться. Через неделю стала садиться в кровати. А через две – начала ненадолго вставать.

Тяжела работа в кузнечном цехе! Витёк старался изо всех сил, чтобы не ударить в грязь лицом перед старшими товарищами по бригаде. В кузнице вечно стоял дым коромыслом, нечем дышать. От печей шёл невероятный жар. Паровые молоты били, словно обухом по голове, так что после двенадцатичасовой смены гул в ушах стоял ещё долго.

Кузнечный молот представлял собой механизм высотой метра три. Когда он ломался, требовалось его разобрать. Для этого ремонтники устанавливали над ним большую железную треногу – так, что молот оказывался внутри неё. К верхушке треноги крепились блоки с тросами, которыми поднимали и опускали тяжеленные части ремонтируемого механизма.

Однажды, во время подготовки к очередной разборке молота, Витька, чтобы показать, что он работает не хуже других, в одиночку схватил железную ногу этой конструкции. Подтащил эту тяжесть к месту установки и, собравшись

с силами, рванул железяку вверх. Сильнейшая боль пронзила мальчишку, в глазах потемнело, но он терпел, закусив губу. Наконец, тренога была собрана. Витька с трудом разжал побелевшие пальцы. Боль была адская. Паренёк, согнувшись, рухнул на земляной пол кузницы прямо под эту треногу, свернулся калачиком и завыл.

– Вот здесь больно, – отвечал сквозь слёзы, на расспросы бригадира мальчишка, показывая на пах.

– Грыжа у тебя, надорвался; говорено же: на рожон не лезть, э-эх! – бригадир выругался трёхэтажным матом.

Витьке помогли осторожно подняться, переодели и отправили в санчасть. Кое-как доплёлся он до заводской поликлиники, разместившейся в каменном братском корпусе закрытого и разогнанного перед войной филейского Александро-Невского монастыря. Скрюченный мальчишка протиснулся в бывшую монашескую келью, превращённую во врачебный кабинет. За столиком сидела та же самая молоденькая докторица, что приходила в конце весны осматривать бабушку. «Плохо дело; такая много не налечит», – пронеслось в Витиной голове.

Медработница второпях выслушала сбивчивые Витькины жалобы на боль в «том самом месте». Долго разбираться времени у неё не имелось, очередь-то была ещё ого-го. Быстренько зачем-то послушала стетоскопом, как Витя дышит, – да и выписала пареньку больничный и направление в городской вендиспансер.

Как в тумане добрался Витёк с Филейки до улицы Энгельса. Не раз, когда боль становилась совсем невыносимой, готов был он снова грохнуться на землю, но как-то дошёл. Врач-венеролог, пожилой еврейчик, с недоумением взглянул на съёжившегося мальчишку. Обычно в его кабинет заходили пациенты постарше. Прочитал направление.

– Ну-с, молодой человек, раздевайтесь, будем смотреть, – картавя, молвил эскулап.

Врач в очках и с бородкой всем видом внушал Витьке уважение. Такой точно вылечит, как пить дать! Оглядываясь по сторонам, паренёк начал снимать рубаху. Доктор рассмеялся:

– Рубаху-то, голубчик, можете не снимать. Штаны снимайте и ложитесь на кушетку.

Оставшись без портков, Витька лёг, где сказали. Венеролог придвинулся, поправил очки. Оттянул рукой мальчишеское хозяйство и принялся внимательно его рассматривать. Витьке было крайне неудобно оказаться в таком дурацком положении.

– Так на что, собственно, жалуемся? – наконец поинтересовался медик.

– На работе тяжёлую железяку поднял, и тут очень больно стало и сейчас болит, – всхлипывая, объяснил Витька.

Венеролог распрямился, сплюнул в сердцах и прокартавил:

– Ты хоть представляешь, куда тебя направили?

– Догадываюсь, – простонал парнишка.

– Ингуиналис херния, – задумчиво пробормотал себе под нос эскулап какую-то непонятную Витьке абракадабру.

– Что такое? – испугался мальчишка. – Что-то не расслышал я Вас.

– Грыжа, говорю, у тебя паховая... Ну так вот, молодой человек, при всём моём желании я тебе помочь ничем не смогу, специализация не та, – огорчил врач, а потом, немного поразмыслив, наверное, чтобы как-то утешить Витьку, добавил. – Вот подрастёшь, взрослую болезнь подхватишь, тогда – пожалуйста, приходи, вылечу.

К вечеру добрался обезумевший от боли мальчишка домой. В слезах рассказал он маме и бабушке о приключившейся с ним беде. Бабушка, много чего умевшая, успокоила внука.

– Я тебя вылечу, – твёрдо сказала она. – Вот для чего меня Боженька на этом свете оставил.

Бабушка велела внуку лечь на лавку, задрала ему рубашку, приспустила штаны. Затем принялась разглаживать живот – от пупка и книзу. Чтобы шершавые натруженные руки лучше скользили, она их время от времени намыливала. Бабушка то нажимала на живот, то поглаживала, при этом всё шептала молитвы. Витьке было от этих прикосновений то больно, то приятно. Такое ощущение, словно бабушка хворь из него вытягивает. Продолжалось это часа два, а когда бабушка закончила, почувствовал Витька, что болеть

стало чуточку меньше.

Теперь Витька с бабушкой поменялись местами. Внук лежал дни напролёт, потихонечку вставая лишь в туалет, а бабушка поила и кормила его с ложечки, да каждый вечер повторяла своё лечение. И Витьке становилось всё лучше. Он уже снова мысленно рвался на завод. Особенно, когда прочитал в принесённом подселенцами номере «Заводского большевика» статью «Аулов мстит врагу».

Там писали: «Молодой слесарь цеха № 20 тов. Аулов свой труд расценивает как выполнение боевого задания на фронте и делает по несколько норм за смену. Аулов эвакуирован из Тульской области, фашисты убили всю его родню, но парень не пал духом. Своим ударным трудом Аулов мстит гитлеровским головорезам за их зверства. Недавно тов. Аулов утверждён кандидатом в гвардейцы трудового фронта».

Скорей бы поправиться – и на завод, за батю мстить фашистским гадам! Да стать бы гвардейцем трудового фронта, вот это дело почётное!

В середине лета над Вяткой установилась жаркая погода. Но ещё жарче было под Курском, где начинала разворачиваться главная битва летней кампании 1943-го года. Фашисты решили разом взять реванш за все свои неудачи последнего времени. Гитлер поставил на карту всё, сосредоточив на Курской дуге огромные силы. Он желал резкими,

неожиданными ударами окружить сосредоточенные на курском выступе соединения Красной армии. Это должно было вернуть Германскому командованию стратегическую инициативу.

На Филейку возвращались израненные отвоевавшиеся солдаты. Калек, комиссованных из армии по состоянию здоровья, становилось всё больше. Пришёл на костылях с войны и дядя Илья, живший через дорогу. Пришёл с медалью и с пустой правой штаниной, низ которой, чтоб не болтался, был заправлен в карман солдатских брюк. Попервоначально о войне он вообще ни слова не говорил. Всё вздыхал только, что не может больше воевать. И, конечно же, вернулся он совсем не таким удальцом, каким был раньше. От того шапкозакладательского задора, с которым он уходил на фронт летом 41-го не осталось и следа. Война оказалась совсем не такой, как её представляли. Потом, оттаяв, он много чего Витьке пона-рассказывал.

Особенно поразил Витьку рассказ о том, как стоявший в резерве, ещё толком не вооружённый и не обмундированный полк дяди Ильи вдруг неожиданно бросили на передовую. Начиналась тогда первая военная зима, но зимнее обмундирование выдать им ещё не успели. Пошли они в атаку с одной винтовкой на троих, да и патронов-то имели по пять штук на винтовку. Но смогли красноармейцы в рукопашной сапёрными лопатками побить врага в том бою. А после замерзали они несколько дней в отвоеванных око-

пах, отбивая многочисленные атаки противника. Боеприпасов подбросили, а с одежкой было по-прежнему худо. Особенно мёрзли ноги в лёгких башмаках. Однажды ночью, коченя в дозоре, заметил дядя Илья вражеского разведчика в маскхалате, ползущего к нашим позициям. Взял его на прицел, но не успел выстрелить – враг сам подорвался на mine. Да так, что его оторванная нога прилетела метров за пятьдесят прямо к дяде Илье. Какого же было его удивление, когда увидел он на оторванной ноге фашиста наш русский валенок, очевидно снятый тем с убитого красноармейца. Что ж; померял – подходит. Валенки в той ситуации могли спасти жизнь, поэтому пришлось ползти за вторым. Фрицы открыли огонь, но дядя Илья прорвался к воронке, где лежал убитый немец и под градом пуль стащил с трупа валенок... «А теперь, вишь, мне и одного валенка хватит», – вздыхал отвоевавшийся боец.

Из таких вот эпизодов, о которых никогда не напишут в газетах, и состояла, в основном, настоящая война.

Витька всё ещё отлёживался, когда проститься с ним зашли его старшие приятели Мирон и Кузя. Стукнуло им уже лет по шестнадцать, и отправлялись они на учёбу в школу юнг на Соловецких островах. Их мечта сбылась, впереди маячила служба в Военно-Морском Флоте. Витька уже знал, что Соловки расположены посреди Белого моря, в прифронтальной полосе.

Мальчишкам вспомнилась вдруг та рыбалка 22 июня

41-го года, когда Витька чуть не утонул. Повспоминали и своих убитых отцов: Михаила Поликарпыча, Александра Климентьевича – и... крепко обнялись на прощание.

– Ну, ты тут слишком-то не надрывайся, Вить! Мы на флоте за тебя повоюем, – шутили Мирон и Кузя.

– Куда же флот без авиации? Поработаю здесь за вас, чтобы наши самолёты там ваши корабли с неба получше прикрывали, – нашёлся Витька...

Вскоре бабушка в последний раз разгладила внуку живот.

– Спасибо, бабушка; вроде, совсем я поправился, – радовался мальчишка.

– Не меня благодари, а святых угодников Божиих Косму и Дамиана, да Николу Чудотворца. Их молитвами ты жив и здоров. Да и я тоже. «Опять бабушка за своё принялась, но спорить с ней бесполезно», – думал Витя. Вслух же с хитринкой спросил:

– Как же мне Николу благодарить, икону-то ведь унесли от тебя, кажись?

– Икона та – чудотворная, схоронена в надёжном месте, не пропадёт... Молиться можно и без иконы. А ты, Витюша, забудь про икону ту до поры, до времени. Забудь, ровно и не было её. А когда время придёт, она тебе о себе сама напомнит.

21. КМИТЛЫВЫЙ

До конца больничного оставалось ещё несколько дней, но Витёк чувствовал себя совсем здоровым. Потому, когда филейские ребята позвали на футбол, вопрос: идти или оставаться дома? – для Витьки не стоял.

В те дни в городе только и разговоров было, что о футболе. Ещё бы; ведь в Киров приехала самая знаменитая команда СССР – ленинградское «Динамо»! Те самые герои-футболисты, сыгравшие легендарный матч 6 мая 1942 года в блокадном Ленинграде. Матч этот транслировали по радио на весь мир. И весь мир поверил: Ленинград жив несмотря ни на что – раз там даже в футбол играют. Шокированы были и немцы, услышавшие тот репортаж. Они считали, что в осаждённом городе и в живых-то никого не осталось. Ведь ещё в апреле 1942-го года немецкая пропаганда утверждала: «Ленинград – город мёртвых. Мы не берём его пока лишь потому, что опасаемся трупной эпидемии. Мы стёрли этот город с лица земли».

Радиотрансляция футбольного матча опровергла доводы вражеской пропаганды. Но если бы мир видел эту игру воочию! Поначалу медленные передвижения истощённых футболистов по полю мало напоминали спортивное состязание. Если игрок падал – встать самому сил уже не было. На помощь приходили немногочисленные зрители, которые, как могли, подбадривали футболистов. Но постепенно игра наладилась. В перерыве на траву не садились; знали: сил подняться – не будет. После матча игроки покидали поле в

обнимку, чтобы не упасть. Матч в блокадном городе дался нелегко. Без преувеличения, это был подвиг. Весь мир узнал, что Ленинград жив и сдаваться не собирается!

Ленинградские спортсмены, как истинные патриоты, защищали свой осаждённый город, сражаясь в частях Красной армии на передовой, воюя на кораблях Балтийского флота и даже в партизанских отрядах.

И вот летом 1943-го года ленинградские футболисты, теперь уже откормленные и набравшие форму, отправились в тур по стране. Цель та же: подбодрить народ, показать самим себе и всему миру, что дела наши – в порядке, раз в СССР думают не только о войне. Толпы восторженных кировчан встречали героев. На груди у футболистов поблескивали медали «За оборону Ленинграда». Болельщики преподнесли гостям огромные букеты цветов. Секрет большого размера и веса букетов оказался прост: в каждом из них маскировался немудрёный подарок – бутылка водки.

На переполненном кировском стадионе «Динамо» состоялись уже два матча. В первом ленинградские гости сыграли с кировским «Трактором». Игра интересная, но, что называется, «в одни ворота» завершилась с разгромным счётом 12-0 в пользу гостей. Через несколько дней ленинградцы провели второй матч – со сборной Кирова. Игра оказалась более упорной. Кировчане постоянно атаковали, но забить никак не получалось. В итоге – опять крупное поражение: 11-1 в пользу ленинградцев. И вот он, третий, завершающий

серию матч. Ажиотаж в Кирове царил грандиозный. Кое-как протиснувшись на стадион за час до начала встречи, филейские ребята сумели занять места.

– Шутки кончились! Уж сегодня-то наши игру покажут, – рассуждали сидящие рядом болельщики.

– Ещё бы, то разминка была, а сегодня наша основная команда «Динамо-Киров» реванш возьмёт! Состав-то усиленный выйдет, проигрывать нашим надоело, – вторили им другие.

И верно, на 25-й минуте нападающий кировчанин Михайлов, к восторгу болельщиков, открыл счет. Однако ленинградцы быстро взяли себя в руки, и голы опять посыпались в ворота кировчан. В итоге: 8-1. Но болельщики всё равно остались довольны!

Когда поправившийся Витька заявился после больничного на завод и показал механику справку о переводе на лёгкий труд, тот только руками развёл: «Ну, где ж я тебе в кузнице лёгкую работу найду?! Давай, сам по цехам подыскивай да переводись». Ничего не поделаешь, пришлось Витьке снова искать работу. Стал опять расспрашивать своих знакомых, и вскоре нашёлся подходящий вариант – телефонная станция.

Заводской телефонкой руководил Василий Климук – высокий широкоплечий хохол лет тридцати с доброй улыбкой и пронизательным взглядом. Был он из эвакуированных.

А в подчинении у него: женщины-телефонистки да ватага из семи филейских пацанов лет по 14–15. Речь свою Климук перемежал колоритными украинскими словечками.

– Так шо тебе змусило уйти из кузнечного цеха? – поинтересовался Климук. – Платят-то там, мабуть, побільше, чем у нас?

– Травма у меня получилась, – ответил Витёк, и, показав справку, поведал о случившемся.

– Тоби краще отдохнуть с полгодика. Может, після и лёгкий труд не знадобився.

– Семья у меня большая, а я самый старший из мужчин, отец на фронте погиб. Мама только работает, да я. Семь ртов кормить надо, – заявил 13-летний паренёк.

– Понятно, – покивал начальник. – А образование-то есть яке-небудь?

– Конечно! Четыре класса закончил, – похвастался мальчуган. – И в пятом учиться начинал, да война помешала.

– Так, хлопче; похоже, у тебя с твоим образованием понятия об электрическом токе, а тим паче о телефонной связи зовсим нема, – Климук тяжело вздохнул, покачал головой, – вы ж там у себя в деревне до сих пор с керосинками сидите. Лампочку Ильича-то, мабуть, в перший раз тильки тут, на заводи, и побачив?

– Ваша правда, – потупился Витька. – С электричеством дела не имел, но я смышлёный, научусь. Что там такого сложного?

– Добре, визьму тебе, коли кажешь, кмитлывый, – согласился начальник. – Но и нашу работу особливо легкою не назвеш. А наперёд знай: куди не треба – не лизь! Электрик, он ведь, можно сказати, як сапёр, всего два раза в жизни ошибиться может. Первую ошибку ты уже зробыв, когда профессию выбрал. А вторую краще не делать, с электричеством шутки погани!

На первое время запретил начальник Витьке лазить по столбам, пока тот после травмы не окрепнет. И назначил ему наставником бригадира связистов-монтёров – самого старшего из них, шестнадцатилетнего Сеню Криницына, чтобы тот всё показал-рассказал, да поднатаскал новичка.

Сеня начал процесс обучения с короткой экскурсии. Витьке было всё в диковинку. Хлопая ресницами и наострив уши ходил он за наставником, а тот рассказывал, что связь между заводскими абонентами осуществляется через коммутатор на целых 100 номеров! Этот аппарат представлял собой большой шкаф, чем-то напоминавший пианино, за которым сидели две телефонистки. Они целыми днями вручную соединяли желающих говорить. Одна телефонистка – женщина пожилая, строгая. Зато другая – молодая и, как заметилось Витьке, очень даже красивая. Она взглянула на Витьку, и, ласково улыбнувшись, чудным голоском сказала, как пропела: «О, какого хлопца к нам приняли, тепер у нас работа пойдёт!».

Звали её Варей, и было ей восемнадцать лет. Жених её

воевал, да и сама она просилась на фронт, имея за плечами курсы снайперов. Первая красавица на заводе. С того самого дня как встретит Витьку, всегда шутила: «Подрастай, паренёк скорей, будешь лучшим женихом. А глаза-то какие? Голубые-голубые, всех девок с ума сведут! Только очень уж ты маленький, вырастай побыстрей. Эх, не обещалась бы моему Егорушке ждать, вот из-за этих синих глаз с тобой любовь бы закрутила!». Шутки эти и смущали, и радовали Витьку. И не знал он, что на них ответить.

За стеной телефонной станции в небольшом помещении размещалась аккумуляторная. Оттуда шло питание системы телефонной связи постоянным током. В аккумуляторной собирались в начале каждого рабочего дня ребята-монтёры на разнорадку. Проводил её всегда сам начальник телефонки Василий Климук. Широко улыбаясь, с шутками-прибаутками давал он задания монтёрам. Называл ребят не по именам-фамилиям, а по придуманным им прозвищам. Говорил так: «На подсобном ветер сплёл провода, на столб ползет Маугли, он, шо твоя обезьянка, по столбам лазить любит. Ты, Тетерев, отправляйся в компрессорную, там слышимость погана. В 22-м цеху короткое замыкание, на короткое у нас за- всегда ходит Длинный. Ну, а бригадир отважный Робин и его старший помичник Кмитливый – в заводоуправление, обрыв провода устранять». «Кмитливый» по-украински значит «смышлёный». Витька заработал это прозвище после первого разговора с Климук, когда сам о себе так сказал.

Но хоть и прозвали Витьку Кмитлывым, а физическая природа электрического тока, свойства проводников и изоляционных материалов, а тем паче передача голоса по проводам – всё это долго ещё оставалось для деревенского паренька тайной, покрытой мраком.

У проходной 32-го завода всегда торчали 2-3 торговца табаком. На шеях у них болтались сумки с товаром, который они продавали желающим, насыпая коробком в бумажку или в кисет. Пробовал торговать бабушкиным самосадом и Витёк, да прибыли особой что-то не получилось. Видать, не горазд он оказался к торговому делу; забросил.

Вообще-то, талоны на табак полагались всем работающим, по возрасту не ограничивали. Витька, как все, отоваривал их и покуривал вполне открыто. Лишь при маме и бабушке дымить как-то стеснялся. Но однажды у мальчишки сильно распухла щека. От пронзительной зубной боли Витька не знал куда деться. Лекарств в доме не водилось. Тут-то мама и вспомнила, что когда у бати случалась такая беда, он обычно втягивал табачный дым и подолгу держал его за щекой у зуба, чтобы полегчало. Витьке предложили попробовать. И вот он, сидя на подоконнике, стал курить, стараясь выгонять дым из избы на улицу. У проходивших мимо соседских ребят чуть челюсти не отпали:

– Вить, а чо, тебе мама уже прямо дома курить разрешила?!

– Само собой; всё как положено, – не моргнув глазом, отвечал довольный мальчуган.

...Завершалось лето сорок третьего года новыми победами Красной армии. Главная из них – разгром немцев на Курской дуге. Наши войска продолжали отвоёвывать захваченные противником города и сёла. Освободили Орёл и Белгород, а затем и Харьков. Победы не давались стране даром, оплачивались жизнями тысяч и тысяч её сынов и дочерей. После Курской дуги Германия больше так и не смогла собрать силы для крупного наступления. А Красная Армия, напротив, с каждым днём становилась всё сильнее. Достигалось это в первую очередь благодаря невероятному самопожертвованию тружеников тыла. Такой мобилизации всех сил и средств, всех мыслимых и немыслимых резервов не знала ни одна страна мира. В той же Германии ещё и не думали привлекать к тяжёлым работам женщин, а у нас с самого начала войны и женщины, и дети вкалывали по 12 часов в день без выходных и отпусков. Потому и смогли обеспечить армию всем необходимым и переломить ход войны...

Свободного времени почти не было, а чуть появлялось – надо вновь заготавливать дрова и сено. Витькиной семье, как потерявшим отца на фронте, выдали разрешение косить для коровы на неудобных местах траву, оставшуюся после основного сенокоса. Витька с мамой находили такие участки в заболоченных местах у железной дороги за Боровым озером. Косили, метали сено в маленькие стожочки. Иногда помогал

им в этом деле и их подселенец Мишка Зорин. Нелегко голодными уйти за много километров и махать там косою да вилами. Пить хотелось, а ручья рядом нет. Тогда придумали класть на болотину платок и пить через него. На одно надеялись: что смётанное в стожки сено до осени никто не утащит.

Чем дольше Витёк общался с Мишкой Зориным – тем больше вопросов, на которые ответить сложно, у него появлялось. Ведь Мишка – далеко не дурак, поумнее остальных подселенцев. Да и жизнью он битый, отец в лагерях. Вроде, должен понимать, что к чему. Тогда почему он частенько позволяет себе всякие антисоветские высказывания? И всё это ему – как с гуся вода! Может, он – провокатор? Может, сам своего отца и сдал в НКВД? Да нет, бред. Хотя он же говорил: мол, сейчас время такое – даже дети на своих родителей доносят. Уж не про себя ли сказал? И не он ли спёр то письмо, из-за которого батю упекли в штрафбат, где он и погиб?

22. НАДОЕВШИЙ ВЕТЕР

Новая работа Витьке нравилась. Имелась в ней какая-то доля романтики, отваги. И хоть знания мальчишки в области электричества по-прежнему оставались крайне скудны, но кой-какой навык при помощи ребят из бригады он нарабатал.

Связь и внутри завода, и с городом осуществлялась посредством проволочных воздушных линий. К столбу кре-

пилось штук пять-шесть перекладин, называемых траверсами. А на каждой траверсе – 8–12 изоляторов, по которым тянулись от столба к столбу тонкие оцинкованные провода.

В ветреную погоду провода обрывались или могли просто переплестись меж собой. Случалось короткое замыкание, и связь прерывалась. Монтёрам приходилось хоть в дождь, хоть в снег висеть, опоясавшись страховочными ремнями, на столбах, устраняя повреждения. Да ещё и новые линии тянули к построенным объектам. В этом и заключалась, в основном, работа. Как и раньше, на помощь Витьке приходило воображение. Сжав зубы, лез он под затяжным осенним дождём на столб, представляя себе, что устраняет обрыв связи на фронте и что именно от его действий зависит успех крупного сражения. Тем более что и погибший на войне батя был связистом.

Начальник телефонки Василий Климук замечал успехи «кмитлывого» Витьки. Сам же он пользовался у своих подчинённых ребят-монтёров железным авторитетом. А ещё сильнее уважали начальника после такого случая. Климук, работавший также по совместительству ещё и киномехаником в заводском клубе, пригласил своих работников культурно отдохнуть. И вот вся бригада связистов-монтёров, семеро филейских пацанов, принарядившись по такому случаю, заявила в клуб. Занимал очаг культуры 32-го завода половину барака в Южном посёлке; во второй половине размещались обычные жилые помещения.

Начали с небольшого концерта самодеятельности. Заводской хор исполнил с импровизированной сцены всем известную грозную песню:

*Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идёт война народная,
Священная война!*

Собравшиеся на концерт в небольшом переполненном зале люди ненадолго вырвались из монотонности тяжёлых буден. Они так истосковались по хоть какому-то развлечению, что вскоре позабыли и про голод, и про усталость. На лицах заводчан появились и улыбки, когда юных гимнастов с будёновками на головах, построивших из своих тел пирамиду, сменил комический дуэт, исполнявший частушки. После каждой частушки пели артисты короткий припев:

*Что такое «вас ист дас»?**

Немцы драпают от нас!

[*Примечание: Was ist das? (нем.) – Что такое?]

Ребята отбили ладоши, аплодируя весёлому дуэту. Потом погас свет, и на белой простыне, заменявшей киноэкран, замелькали кадры хроники «От Советского информбюро». И пусть показывали выпуски несколько устаревшие, с собы-

тиями двухмесячной давности, всё же приятно ещё раз увидеть кадры о нашей победе на Курской дуге.

Вдруг от входной двери раздался шум, послышалась ругань. Женщина-администратор прикрывала проход, но трое хулиганистых ухарей, отгалкивая и оскорбляя её, пытались пройти в зал. Тогда она обратилась за помощью к киномеханику. Климук тут же вышел в развалочку из своей будки. И надо было видеть, как ловко он один разбросал троих дебоширов, а затем повыкидывал на улицу.

– Молодец, во даёт! – одобрил, сидевший рядом с Витькой, пожилой рабочий.

– Это Василий Климук, наш начальник, – с гордостью ответил Витёк. – Связисты мы!

После кинохроники объявили антракт. А когда ребята вернулись с перекура, зал уже освободили от стульев. Климук завёл клубный патефон. Это чудо Витька видел так близко впервые. Как замороженный, наблюдал он за иглой, скользящей по крутящейся пластинке. Пытался понять, как из всего этого получаются звуки. Из трубы патефона доносилась никогда прежде не слышанная Витькой невероятно-приятная мелодия, и певец мягким голосом мурлыкал:

Сердце, тебе не хочется покоя!

Сердце, как хорошо на свете жить!

Сердце, как хорошо, что ты такое!

Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!

Больше всего поразило мальчишку, что в песне – ни намёка на войну. От необычности слов Витька даже слегка растерялся. Конечно, он догадался, что песня та – в мирное время ещё писана. Но паренёк за эти годы так привык, что всё вокруг словно заточено под войну, пропитано ею, что от беззаботной песенки этой стало ему немного не по себе.

По залу под музыку закружили пары. Женщин в клубе было гораздо больше. Да и сильный пол представляли по понятной причине, в основном, мальчишки да старики. А мужик в расцвете сил был тогда в тылу в дефиците. Поэтому и состояло большинство танцующих пар из двух женщин. Витьку все эти танцы особо не интересовали. Он начал пробираться к выходу – и вдруг кто-то крепко схватил его за руку сзади. Мальчишка даже вздрогнул, обернулся – и обомлел. Перед ним стояла красавица Варя.

– Ну что, кавалер, пригласишь меня на танец, или мне самой тебя пригласить?

Витька от неожиданности, словно язык проглотил.

– Воды, что ли, в рот набрал? Уж и песня скоро кончится, – с этими словами Варя положила Витькину руку на свою стройную талию, а её нежная ручка легла на мальчишеское плечо. До этого Витька никогда не танцевал вальс; он и понятия не имел, что нужно делать – и страшно смутился. К тому же, хоть первая филейская красавица не являлась, конечно, дылдой, но тринадцатилетний мальчуган из-за малого роста едва доставал макушкой до её плеча. Варя вела Вить-

ку в этом танце. И хоть осторожничала, но мальчишка умудрился наступить даме на ногу пару раз. Девушка сделала вид, что не заметила, а Витька покраснел, как рак. И тогда Варя, которая старше мальчишки на целых пять лет, стало так его жалко! Она крепко обняла паренька, прижала к себе. Витькина щека упёрлась в нежную упругую девичью грудь. Словно шаровая молния запрыгала в голове мальчугана. Он хотел отстраниться, но не в силах был это сделать; словно прилип.

– Витька, эх, Витька, – пробормотала Варя и, кажется, впервые она говорила с ним серьёзно. – Я ведь повестку получила, на фронт ухожу. Так долго стремилась к этому. Нормы ГТО сдала, ВСЕВОБУЧ и курсы снайперов окончила, военкома уговорила, а теперь и не знаю, смогу ли там...

Витькины мысли кружились где-то далеко в облаках, но до него всё же дошло, что нужно что-то ответить.

– Повезло вам, Варя, – промямлил паренёк, оторвавшись, наконец, от лакомого кусочка и глядя на девушку снизу вверх. – Я бы тоже на фронт пошёл, немцев бить.

Девушка недовольно сморщила носик:

– Терпеть не могу запах табака! Хоть бы ты курить бросил, Вить. Смотри, курить будешь – не вырастешь. И глаза у тебя, вон какие голубые как небо в погожий день. А если курить не бросишь – потемнеют! – с этими словами чмокнула красавица мальчишку в лоб. Весело рассмеялась – и под звуки неожиданно заигравшей плясовую гармошки упорхнула к своим подружкам.

А Витька долго ещё вспоминал те волшебные прикосновения. Стояло перед его глазами пригожее Варино личико и через несколько дней, когда таскали они с мамой в мешках через плечо за много километров от Борового озера до Суханов заготовленное для коровы в конце лета сено. Вспоминал он о Варе и в следующее воскресенье, когда бабушка уговорила паренька помочь ей сходить в город на базар за всякой хозяйственной мелочью.

Рынок, куда привела его бабушка, располагался прямо перед Свято-Серафимовским собором. Витька знал, что когда-то церковь эту построили старообрядцы, но что это за люди такие мальчишка не догадывался. «Сектанты», – думал он, но и это слово навряд ли смог бы объяснить. Впрочем, перед войной на весь Киров не осталось ни одной действующей церкви, все позакрывали – и Серафимовскую тоже.

На базаре, как и по всему городу, было многолюдно. Ещё бы; ведь на то время в Кирове в эвакуации разместились уже более 50 тысяч человек, а если к этому прибавить находящихся здесь на излечении красноармейцев, размещённых в 18-ти больших госпиталях, да мобилизованных на заводы жителей области, тогда понятно становилось, как сильно увеличилось в войну население города.

Как же Витька удивился, когда бабушка, недолго потолкавшись в торговых рядах, вдруг, подхватив внука под локоть, юркнула в оказавшуюся незапертой дверь храма. Но

ещё больше поразился Витёк, очутившись внутри и обнаружив там не какой-нибудь склад или музей атеизма, даже не просто запустелое помещение, как того можно было ожидать. В полумраке храма на мальчишку глядели лики святых, освещённые десятками свечей, приятно пахло ладаном, а посреди храма стоял самый настоящий живой поп во всём своём облачении!

У парнишки от такого неожиданного зрелища глаза на лоб полезли. Священник же, не обращая внимания на нескольких невзрачных богомольцев, уставился прямо на Витьку (во всяком случае, мальчишке так показалось), а затем, словно именно к нему обращаясь, трижды властным басом пропел: «Лица оглашенные, изыдите!» Витькины колени слегка задрожали. Поп же продолжал гнуть своё: «Да никто от оглашенных, а только лица верные, паки и паки миром Господу помолимся!»

Всё это происходило как во сне, словно всё это Витьке чудилось. «Как такое возможно?! За стеной рынок, толпа людей, которые даже не догадываются, что здесь происходит». Тут вдруг Витькины размышления резко оборвались. То, что он увидел, поразило его ещё больше. Икона! Та самая, бабушкина икона висела на самом почётном месте. Витёк огляделся. Бабушка в дальнем углу церкви о чём-то шепталась с пожилым человеком, в котором Витька узнал одного из трёх старцев, что приходили к ним домой.

Вскоре бабушка вернулась и, сунув внуку в руки то-

ленькую длинную свечу, приказала поставить её в благодарность Николаю Угоднику. Как ни странно, но пионер Витька не посмел ослушаться. Словно замороженный, приблизился он к той иконе. Мальчишка затылком чувствовал, что все прихожане смотрят сейчас на него. Кроме голоса священника, читавшего молитвы, тишину храма ничто не нарушало. Витёк не знал, что должен сделать. Возжёг свечу, поставил, слегка поклонился образу и довольно громко произнёс: «Спасибо!»...

– Бабуш, мы что, на тайной службе в церкви были? – допытывался Витька по пути домой.

– Господь с тобой! В прошлом годе, как раз перед битвой той Сталинградской решила власть по одной церкви в каждом крупном городе открыть да верующим чуток свободы дать, чтоб молились о даровании побед, – объяснила бабушка. – Ох, уж как не рады были безбожники энти воинствующие, ох, как не рады!

– А икона? Я вначале думал, что та самая, которую ты у себя в углу прятала, – не унимался внук, – но когда ближе подошёл, да рассмотрел, что-то засомневался.

– Придёт времечко, сам всё узнаешь, не сейчас, – отвечала бабушка.

...После ранних осенних заморозков перестали попадаться Витьке грибы и ягоды, которые он имел счастье изредка находить в маленькой рощице на заводской территории. Эти несколько деревьев – всё, что осталось от леса, сто-

явшего на месте 32-го завода. Порывистый ветер уносил с них листья куда-то далеко-далеко. Так же и неведомая сила войны, словно ветер, подхватывала достигших призывного возраста филейских ребят и уносила куда-то на запад. Ушёл на фронт страстно того желавший Григорий, старший брат Кузи. Ушёл не очень-то туда рвавшийся Витькин обидчик Федька-Штырь. Ушёл и Колька-одессит. В начале войны на Филейку прибыло более двухсот ребят из Одессы, но время шло, и оставалось их всё меньше и меньше. Ушла воевать снайпером и красавица Варя.

А надоевший ветер дул всё сильнее, и неведомо было, когда же он поутихнет...

23. УРОКИ НЕМЕЦКОГО

После Сталинграда и Курска в советском плену оказалось немало фрицев. Витька знал по кадрам кинохроники, какими огромными колоннами водили захваченных фашистов по Москве. Но совсем другое дело – взглянуть на этих извергов живьём. Витёк слышал от знакомых, что на Филейку пригнали пленных немцев. Знал, что когда-нибудь их повстречает, с ненавистью думал о них. А когда увидел живьём – растерялся.

Побитые солдаты вермахта – измождённые, обросшие, грязные, одетые кто во что горазд – вызывали скорее жалость. И это стало для мальчишки откровением. Как можно их жалеть?! Они столько зла нам причинили – и тем не

менее. Витька, конечно, не подавал виду, и, как все ребята, недовольно поглядывал в сторону фрицев, долбивших ло-мами и лопатами промёрзшую землю. Пленные под присмотром двух вооружённых красноармейцев рыли траншею около подсобного хозяйства, рядом со столбами телефонной линии, чинить которую прислали Витькину бригаду.

Денёк выдался солнечный, морозный, и пацаны решили поспорить на талон дополнительного питания: кто дольше проработает, не разгибая ушей шапки. Так и висели на столбах, обдуваемые холодом. Коченея, соединяли провода: то на одно ухо шапку надвинут, то на другое. Укутанные в бабьи платки немцы в перерывах грелись у костерка, с недоумением поглядывая на русских мальчишек.

Появился начальник телефонки Василий Климук. Проверив работу монтеров, остался доволен. Собрался уходить, но, повнимательнее приглядевшись к подопечным, смачно выругался и приказал развязать шапки-ушанки. Мальчишки с радостью подчинились, так как уши от холода уже чуть не отпали.

Климук взглянул на пленных фрицев, и весёлый огонёк блеснул в его глазах. Он подозвал Витьку-Смышлёного.

– Ну шо, Кмитливый, бачишь того фашиста, шо всех вице? Вин у них за старшого. Подь до него, скажи: «Ду ист швайн!»

– А что это? – спросил Витька.

– Иди, иди, писля дизнаешся.

Витька приблизился к кучке немцев, окруживших костёр. Покашлял. А когда на него обернулся тот высокий, громко крикнул:

– Ду ист швайн!

– Was? – прошипел фриц.

– Я говорю: ду ист швайн!* – вновь прокричал Витька.

[*Примечание: Du ist Schweine! (нем.) – Ты свинья! Самое оскорбительное выражение у немцев.]

Немец подскочил, как ужаленный. Схватил палку и, крича непонятные слова, бросился за удиравшим со всех ног мальчишкой. Ещё чуть-чуть и одной жертвой фашизма могло стать больше, но конвоир резким окриком остановил разгневанного фрица, а мальчишек отругал. Климук же только похохатывал:

– Юмор, треба розумиты! Подумаешь, дуже не подобається нимцам слово «свинья».

На следующий день после обычной утренней разрядки прочитал им начальник письмо от бывшей их работницы Вари, ставшей снайпером РККА. Она передавала всем работникам телефонки привет поимённо. И скромно сообщала, что по службе у неё есть первые успехи. Витька прикрыл глаза, вспоминая, как танцевал с красавицей Варей, как лежала её ладошка в его руке. Приятные воспоминания были прерваны ещё одной новостью. Их начальник Климук, который так нравился ребятам за удалой весёлый нрав, огоро-

шил подчинённых, сообщив, что вскоре уезжает «на ридну Украину». Направляли его на восстанавливающийся где-то под освобождённым Харьковом завод. У них же скоро будет новый начальник; что за человек – неизвестно, но ребята его почему-то заранее невзлюбили.

Однажды довелось Витьке тянуть телефонную линию к недавно построенному зданию котельной. До пуска котельной технологический пар на заводе получали с помощью двух паровозов, установленных рядом с литейным цехом. Полуголодные кочегары, работающие на паровозах, проявляли чудеса мужества. Летом там царила жара, как в преисподней. Зимой же, напротив, вокруг паровозов образовывалось эдакое ледяное царство, внутри которого кочегары вкалывали круглые сутки, безостановочно давая пар кузнице.

Наконец, в 1943-м году на смену паровозам пустили котельную. Как же удивился Витька, когда, зайдя в котельную, увидел тамошних кочегаров. У раскалённых топок котлов стояли мобилизованные из вятских деревень на 32-й завод девушки. Ясное дело, это было нарушением всех правил, но что поделаешь; как говорится, война всё спишет. У Витьки слёзы наворачивались на глаза, когда смотрел он на молоденьких девчушек, что всего на 3-4 года его постарше. Надрываясь, перебрасывали они тоненькими ручками тонны угля и шлака, сверхчеловеческим трудом приближая Победу.

Зимой во время войны всегда сложнее. Смерть постоянно где-то рядом. Витька видел, как многие люди пере-

двигаются по заводу, еле переставляя ноги. Лица заводчан опухли от голода. По работе Витька бывал в разных цехах завода. Видал всякое. Сидит рабочий у станка; деталь ещё крутится, а рабочий уже мёртв. Однажды зашёл в туалет, а там труп у чуть тёплой батареи.

Как-то раз в самые холода случилась авария на водопроводе в районе располагавшегося неподалёку недостроенного латунного завода. Мороз тогда вдарил ниже -40 градусов. А завод № 32 из-за отсутствия воды оказался на грани полной остановки. Могла выйти из строя и новая котельная. На ликвидацию аварии как в бой бросили заводскую бригаду под руководством И.И. Петухова. Для замены лопнувшей трубы необходимо было закрыть вентиль в колодце. Но откачать из колодца воду, как ни старались, не смогли. Её пропускала задвижка, находящаяся за несколько километров. Стало понятно, что закрыть отверстие можно лишь прыгнув в колодец. Мороз уже -43 градуса! В эту решающую минуту добровольно бросился в колодец, словно на вражескую амбразуру, И.Н. Носков. Он нащупал отверстие и ногой закрыл его. Так и стоял по горло в ледяной воде примерно в течение часа, пока не выкачали воду и не перекрыли вентиль. Героя, совершившего подвиг, вытащили из колодца без сознания. Леденеющего на морозном ветру увезли его на лошади домой. Там долго тёрли спиртом, и на следующий день Иван Николаевич вышел на работу. А завод продолжил давать продукцию фронту.

Технический спирт на завод доставляли из Уржума. Как-то работник, что этим делом занимался, тяжело заболел, слёг. Стали искать по цехам, кого бы послать. С основного производства рабочего не снимешь, решили отправить кого-нибудь с телефонки. Этим «кем-то» и оказался Витька. Дали ему лошадёнку, запряжённую в сани, нагрузили пустые бочки, сено, выдали хлеба в дорогу, проинструктировали наспех – и ездай, счастливого пути.

Так как боялся паренёк заплутать на переметённых снегом дорогах, решил он ехать по замёрзшему руслу Вятки. Пусть крюк получается немалый, а тише едешь – дальше будешь. Страшно одному в путь отправляться, да куда денешься – приказ! По дороге останавливался ночевать в прибрежных деревнях. Сразу договаривался с хозяевами, что и на обратном пути у них заночует и оставлял в тех местах запас сена для лошади. Лишь на пятый день добрался мальчишка до Уржумского спиртзавода. Всего же Витькина экспедиция полторы недели длилась. Но ничего, справился.

В свободное от работы время Витька, как и другие пацанята из филейских деревень, промышлял сбором сена для коровы. По заснеженной лесной дороге, ведущей от озера Борового в сторону Ганино, колхозники постоянно возили на санях сено для ферм. Дорожка узкая, и сено, зацепляясь за ветви, оставалось клочками на деревьях и на земле. Эти-то клочки и собирали ребята. Они приходили на ту лес-

ную дорожку заранее, делили её на участки. Сено дозволялось брать только со своей территории. И ждали. Чаще бывало так, что проходила лишь пара подвод и возвращались домой не солоно хлебавши. Но иногда подвод шло много, и драгоценного сена оставалось столько, что оно с трудом помещалось на салазки. Перед тем, как двинуться в обратный семикилометровый путь, таща за собой по сугробам салазки с сеном, Витька подкреплялся припасённым за пазухой куском хлеба.

Одним из любимых занятий Витьки стало ежедневное изучение карты фронтов. Эта большая карта висела на заводском заборе у проходной. К радости жителей Филейки, линия фронта, пусть очень медленно, но всё же отодвигалась на запад. Там же, над проходной, торчали радиорупоры. Ежедневно во время выпусков Совинформбюро под ними собиралась толпа народу. Особенно же много людей приходило послушать речи Сталина и ответы на вопросы иностранных журналистов. Говорил вождь не спеша, с присущим ему характерным грузинским акцентом. Люди внимали словам Сталина, затаив дыхание. Короткие фразы поражали слушающих точностью. Очень часто толпа взрывалась аплодисментами.

Главным событием третьей военной зимы стал окончательный прорыв блокады Ленинграда в конце января 1944 года. Свою героическую страницу в летопись победы под Ленинградом вписала и 311-я стрелковая дивизия, сформиро-

ванная в Кирове. В дивизии этой с самого начала воевал дядя Зиновий. И хоть побывал он во время обороны Ленинграда во многих переделках, но был словно заговорённый. Без единой царапины, редкое везение! Витька читал в его письме, как прошлым летом их батальон отвели на отдых с передовой в глубокий тыл. А глубокий тыл во времена блокады на Ленинградском фронте находился километрах в 7–8 от противника. И поплыли дядя Зиновий с сослуживцем-земляком на лодке порыбачить на маленький островок, торчащий посерёд озера. Что-то не клевало; думали, совсем без рыбы возвращаться придётся, засмеют. Как вдруг, откуда ни возьмись, появились фашистские самолёты. Укрыться на островке негде. Немецкие лётчики, летевшие на задание, заметили красноармейцев и решили попутно их уничтожить. Сколько бомб упало, трудно сказать, но дяде Зиновию показалось: очень много. Ни одна из них не попала в островок, в землю которого что есть мочи вжимались два бойца. А лётчики люфтваффе, видать, торопились и, не задерживаясь, пролетели дальше. Вокруг острова всплыло огромное количество оглушённой взрывами рыбы. Вятские мужики и набрали полную лодку сослуживцам на уху. Такая вот рыбалка...

В самом начале весны с сильным жаром слегла Витькина сестра Маша, которой не исполнилось ещё и восьми лет. Тогда все они переболели. Тяжело пришлось. Витька-то на ногах болезнь перенёс, даже на работу ходил. А слабень-

кая Маша была настолько плоха, что домашним казалось – не выкарабкается. Все думали, придётся вскоре снести её на Филейское кладбище. Но, видно, и на сей раз помогли бабушкины молитвы и растирания – ожила сестрѐнка.

Вскоре после этого случилось ЧП. В задней стенке сѐней избы какие-то злоумышленники проделали дыру и выкрали хранившийся там мешок зерна. Пропажа принадлежала Мишке Зорину, зерно то привѐз ему намеренно родственник из Климовки. Заявили в милицию – дело-то нештучное! После быстрого расследования и опроса всех жильцов выявили подозреваемых. Ими оказались подселенцы Семѐн и Степан, давно живущие с Витькиной семьѐй. Неприятно было на душе из-за этого. Воришек куда-то увели, больше Витѐк их не видел. Что с ними стало? Вероятно, их судили и, скорее всего, отправили на фронт искупать вину.

Немного погодя переехал на освободившееся в бараке место, поближе к своим друзьям из бригады, и Мишка Зорин. В тесной избе как будто прибавилось пространства, но Витька по-прежнему спал на любимом месте – на полу возле печки. Завернувшись в лоскутное одеяло, перед тем, как уснуть, подолгу думал о красавице Варе. Часто вспоминал волшебные прикосновения к девичьему телу и удивившие Вариньки слова, что если Витька не бросит курить, то его светло-голубые глаза потемнеют. Мальчишке было интересно: возможно ли такое? Но бросать курить он и не думал.

24. НОВЫЙ НАЧАЛЬНИК

Весну 1944-го ознаменовали новые победы Красной армии. В упорных кровопролитных боях освобождались от оккупантов советские города и сёла. Для их восстановления требовались люди. Находящиеся в эвакуации в Кирове рабочие начали потихонечку уезжать в западные области СССР. Но уехать ближе к дому было им, мобилизованным на оборонные заводы не так-то просто, требовались многочисленные согласования и разрешения. Тем не менее, Витькин начальник Василий Климук такое разрешение получил и, пожелав пацанам успехов в работе, отчалил на родину, на Украину.

Новым начальником телефонной станции назначили Ивана Николаевича Малышева. В отличие от прежнего балагура Климук, не нюхавшего пороха, Малышев был демобилизованным из армии по ранению и контузии офицером-фронтовиком. Он плохо видел. Возможно, проблемы со зрением – результат ранения. Ведь с таким неважным зрением в действующую армию, вроде, не берут. Умный, серьёзный человек, настоящий труженик. Но не привыкшие к армейской дисциплине филейские мальчишки-связисты к новому начальнику отнеслись, мягко говоря, недружелюбно.

Как и при Климук, все связисты-монтёры перед началом рабочей смены собирались в аккумуляторной, курили. Малышев, заходясь кашлем от табачного дыма, давал задания по устранению неисправностей каждому, но делал это

без всяких там шуток-прибауток. Говорил очень серьёзно и по-военному кратко.

– Вопросы есть? – завершал начальник инструктаж.

– Нету, понятно всё! – с ехидцей отвечали пацанята.

Скомандовав приступить к работе, новый начальник уходил. Работнички же оставались, как ни в чём не бывало, на месте. Болтали, пуская колечки дыма, передразнивали комиссованного фронтовика да посмеивались: «Контуженный он, что с него взять! Не курит даже!». Через какое-то время Малышев вновь появлялся в аккумуляторной. Не подавая виду, он снова вполне сдержанно повторял задания и уходил. А ребята всё «хи-хи» да «ха-ха».

Продолжалось это до тех пор, пока разгневанный начальник, ругаясь самыми последними словами, чуть ли не пинками выгонял подчинённых на работу. И вся эта история повторялась с завидной регулярностью каждое утро.

Впоследствии, вспоминая конфликт, возникший между ребятами и их новым руководителем, Витька терялся в догадках, не находя объяснения, почему они с самого начала так настроились против нового начальника. Понятно, что у строгого Малышева опыт общения с подчинёнными-подростками равнялся нулю, никак не мог он найти с пацанами общий язык. Не знал фронтовик с какого боку к ним подойти; с солдатами-то на фронте ему, оказывается, проще было. Да и стиль работы прежнего начальника-хохмача Климука ребятне больше нравился. Но всё же!..

Как-то раз Витька с напарником Толей по прозвищу Тетерев, вытолканные Малышевым из аккумуляторной, шли на очередное задание. Толик, что на пару лет постарше Витьки, и в работе опыт имел немалый. Когда проходили мимо котельной, бросилась им в глаза огромная куча угля – такая высокая, что от вершины до электрических проводов, что нависали прямо над углём, оставалось всего лишь метр-полтора.

– Чего это они прям под проводами уголь наворотили?! – недоумевал Витька. Ежели кто случайно провод заденет, сразу кранты придут; как-никак, ток 380 вольт – не шутка!

– Да кто ж туда, к проводам, полезет? Дураков-то нет. Ясное дело – шибанёт сразу насмерть! – отвечал Толик.

Ребята направились к заводской пожарной части, которая располагалась в бараке за территорией предприятия, с северной стороны. Им предстояло тянуть туда «воздушку» от завода. А надо сказать, что связисты, хоть начальника своего и не любили, и всячески старались ему насолить, злили его – но, тем не менее, оказавшись на рабочем месте, исполняли обязанности на совесть. Понимали, что неприязнь к начальнику – это одно, а работа есть работа! Но всё же трудились с таким гонорком: что, мол, не маленькие мы, сами с усами, дело и без начальника знаем – и нечего за нами приглядывать!

Часа через три Витька, висевший в тот момент на

столбе, ввёртывая изоляторы, увидел вдалеке идущего к ним начальника.

– Малышев к нам с проверкой идёт, – крикнул он вниз напарнику.

– Ага, слазь, пора в бильярд играть! – весело отозвался тот.

Витька, обхватив покрепче столб, скинул с ноги петлю. Проволочная петля, скользнув по столбу, упала на землю. Витька же, оставшись на верхушке без всякой страховки, слегка разжал обхватывающие дерево руки и лихо, со свистом спикировал по столбу на землю. Вообще-то, работать на высоте без страховки запрещалось. Но таскать с собой железные «когти» и страховочные ремни ребятам неохота. Вот и изобрели они такой способ лазанья по столбам – с помощью одной только проволочной петли. А сколько радости в лихом скоростном спуске, от которого все телогрейки у монтеров спереди в занозах и мелких дырках... ну, да это всё мелочи!

Бросив работу, связисты скрылись из-под самого носа подслеповатого начальника в пожарном бараке. Там имелась небольшая комната отдыха. На стенах висели свежие газеты, а посреди помещения стоял неведомо откуда притараканенный бильярдный стол. Схватившись за кии, мальчишки, как ни в чём не бывало, принялись гонять шары. Вошедший следом Малышев не стал их прерывать. Он долго рассматривал, щурясь, газеты; ожидал окончания партии. Наконец,

Толян радостно вскрикнул, закатив решающий шар. Начальник прокашлялся и спросил:

– Как идёт работа?

– Очень хорошо, – дерзко заявили пацанёнки. – Только мозоли на ладошках от кия натёрлись.

– Пойдёмте, проверим, что вы сделали.

– А, ладно-ладно, идём! – ответили, перемигиваясь, ребята и направились вслед за начальником к двери. Но едва Малышев вышел на улицу, ребята быстренько юркнули обратно к столу и начали новую партию. Постояв, ожидая непутёвых подчинённых, на ветру, вернулся начальник в комнату отдыха. Молча, скрипя зубами, дождался он окончания и этой партии. Скомандовал, на этот раз грозно:

– Хватит! Марш на улицу!

– Да-да, идём-идём, – ответили, забавляясь, шутники и пулей вылетели из барака. Начальник шёл следом. Пацаны же, выскочив на улицу, спрятались за телегой с пожарной помпой, стоящей во дворе. Лошадь, запряжённая в телегу, мирно пофыркивала, ожидая появления возницы. Видать, огнеборцы ехать по воду собирались.

Малышев вышел. Обойдя остатки почти растаявшего на весеннем солнышке сугроба перед воротами, близоруко огляделся и направился к телеге. Ребятам показалось, что начальник их увидел. С гиканьем выскочили они из засады. Вздвогнув от неожиданности, выругался разгневанный фронтовик такими отборными словесами, каких ре-

блячи уши ещё и не слыхивали. От этого переполоха даже лошадь вся встрепенулась и чуть на дыбы не встала.

– А ну, живо на телефонную станцию! Если, когда я приду, вас там не будет – тотчас же отдаю обоих под суд! – взревел начальник.

Ребят как ветром сдуло. Долго их в тот день песочили и начальник, и мастер. Поняли сорванцы, что на этот раз палку сильно перегнули. Пришлось извиниться и пообещать исправиться. Впрочем, отношения ребят к новому начальнику всё это не изменило.

Однажды заметили ребята-связисты, что Марина, девушка, пришедшая работать телефонисткой вместо призванной на фронт Вари, очень уж быстро похудела и как-то сразу ослабла. На вопросы о здоровье – отвечала, что всё в порядке. В столовую она ходить перестала; говорила, мол, мама ей из деревни продуктов привезла, ими сыта. А у самой глаза ввалились, да и ходит – еле-еле ноги переставляет. А потом и вовсе прямо на работе, сидя за коммутатором, в обморок грохнулась. Когда привели её в чувство, ребята, понявшие что здесь что-то не так, потребовали показать её карточки на продукты. Тут-то Марина и расплакалась – и всё рассказала.

Оказалось, ещё неделю назад, когда направлялась она вечером в заводскую столовую в Северном посёлке и несла газетный свёрток, в котором хлеб и кошелёк с деньгами и всеми продовольственными карточками, подскочил к ней сзади какой-то парень и, выхватив драгоценный свёр-

ток, убежал. Рассказать об этом горе на работе Марина постеснялась. Знала, что все и так голодают, а тут ещё она со своими проблемами. Решила, что оставшиеся до выдачи новых карточек десять дней уж как-нибудь выдержит. Марину недавно мобилизовали на 32-й завод из далёкой деревушки в Лальском районе, в Кирове родни у неё не имелось. Два дня продержалась она на припасённых сухариках, а потом есть стало нечего. На пятый день без еды и грохнулась девушка в голодный обморок.

Узнавший об этом Малышев сразу выдал талон дополнительного питания. Ребята сбегали, приволокли из столовки тарелку жидкой каши и 200-граммовую пайку хлеба и начали кормить Марину.

– Только сразу всё ей съесть не давайте, а то плохо станет, желудок-то ейный отвык, – предупредил знающий это по собственному опыту Витёк. – Три ложки, и хватит, а через час-другой можно и всё остальное.

Ребята сделали Марине выговор за то, что сразу им всё не рассказала; да и в милицию стоило обратиться, чтобы преступника поймать. А оставшиеся до выдачи карточек дни подкармливали девушку кто чем мог; в результате получилось, что кушала она даже больше, чем обычно.

Но зато, когда, получив от дочери письмо, приехала из деревни к Марине мама и привезла хлеб, молоко и даже пирог с рыбой – благодарная девушка притащила всё это на телефонку и устроила ребятам пир!

Воскресным тёплым вечером возвращался Витёк домой из барака заводского клуба. Это был тот очень редкий вечер, когда показывали кино. В клубе завода № 32 имелся лишь один кинопроектор вместо нужных двух. По причине этого фильмы, каждый из которых был записан на нескольких катушках киноплёнки, шли с перерывами. А фильм в тот раз показывали – что надо! Одно название чего стоит: «В 6 часов вечера после войны»! Эх, когда же настанет это самое «после войны»? А в голове всё крутились слова песни из кинофильма:

Артиллеристы, Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!

Из тысяч грозных батарей

За слезы наших матерей,

За нашу Родину – огонь! Огонь!

Витька перепрыгивал лужи и вспоминал Варю. Да и как не вспомнить! Ведь главная героиня фильма так на неё похожа, да и имя у неё то же – Варя. Вспомнилось, как пригласила его красавица на танец в этом самом клубе. «Понятное дело, – думал с горечью Витька, – здесь в тылу мужчин почти не осталось, вот и позвала его Варя. А на фронте, там всё по-другому. Наверняка ей там офицеры проходу не дают, вон они в фильме-то какие красавцы! Есть ей теперь с кем потанцевать. Да и глупо ему, Витьке на что-то надеяться».

На душе стало как-то особенно грустно. Навстречу

ему попался Толян. Он стрельнул у Витьки табачку и ребята, усевшись на лавочку, скрутили сигарки.

– Что грустишь, Витюха? Из-за Вари, поди? – спросил приятель.

– Вот ещё, с чего бы? – встрепенулся Витька, удивляясь про себя: «Неужели это так заметно?»

– Так ты что же, не слыхал, что ли?! – взглянул вопросительно Толька. – Убили Варю.

– Как?!.. – только и смог вымолвить, задыхаясь, Витёк. Он поперхнулся. Ядовитый табачный дым колом встал в горле. Мальчишка что есть мочи зажмурился, чтобы не выскочили слёзы. На миг Варя представилась ему как наяву. Вспомнились её последние к нему слова: «Хоть бы ты курить бросил, Вить. Глаза у тебя голубые, как небо в погожий день, а если курить не бросишь – потемнеют!» С ненавистью швырнул Витька в грязь дымящуюся самокрутку, растоптал её сапогом.

– Ты чего так?! – удивился Толян.

– Не курю я больше, хватит! – ответил Витёк и, не стыдясь уже слёз, поднял на товарища свои светлые глаза.

25. ЗАВОД-ГЕРОЙ

Жизнь шла своим чередом. Взамен ушедших воевать на предприятие регулярно прибывали новые пополнения. Однажды, выйдя после отработанной смены за проходную, увидел Витёк длинную колонну молоденьких девчат, мобилизо-

ванных на завод № 32 из колхозов Кировской области.

Шли они строем, вздымая тучи пыли, по Филейскому шоссе мимо Витьки и заворачивали на размещение в сторону барачков Южного посёлка. Обуты деревенские девчушки были в лапти с онучами.* Из озорства местные мальчишки-малолетки подбегали к ним и на ходу развязывали у лаптей верёвки. Онучи спадали и путались в ногах. Наклониться и подвязать нельзя, нарушился бы строй колонны. Так и шли девчата, путаясь и ворча, только кулачками грозились – на смех филейской детворе.

[*Примечание: Онучи – портянки. Когда их носили с лаптями, то привязывали к голени верёвками.]

Рассмеялся и Витёк, провожая взглядом «боевое пополнение» – девчушек, уходящих вдоль заводского забора. Взор мальчишки задержался на портретах, висящих на этой ограде. Было их там с десятков, с изображёнными на них гвардейцами трудового фронта. Сиротенко, Ярцев, Золотарёв, Панов... Гвардейцев знали в лицо, их считали героями. Это люди, совершавшие настоящий трудовой подвиг. Витька вздохнул: «Смогу ли я когда-нибудь оказаться в их числе? Работая на телефонке – едва ли!» И вновь его потянуло в станочники...

На следующий день ребята-монтёры наблюдали в аккумуляторной странную картину. Пропало напряжение на зарядку, которое поступало от ртутного выпрямителя переменного тока. Их начальник Малышев, недолго думая, по-

дошёл к подключенному к сети выпрямителю и стал руками щупать контакты.

– Там же 220 вольт! – вскрикнули связисты.

– А? Да-да, знаю, – задумчиво отвечал Иван Николаевич.

Он, послунявив пальцы, прощупал все контакты.

Определив в чём причина, не спеша устранил неисправность. Проверил – работает. И вышел. Пацанята примолкли, словно пытаясь в тихом гуле трансформатора расслышать объяснение загадки. Вскоре тишину нарушил зашедший работник восьмого цеха. Явился он, чтобы оставить заявку на устранение обрыва проводов, но разговор с другого начал:

– Вот вы мне объясните, ребята! И что же это за человек такой ваш Малышев?! Иду я, значит, вчерась мимо котельной, и вижу, как начальник ваш залез на кучу угля и голыми руками провода трогает. Я, говорит, так напряжение проверяю. Но ведь там же 380 вольт!

Рассказ привёл пацанов-связистов в неопиcуемый восторг. Отношение к новому начальнику после этого в корне изменилось. Позднее сам Малышев на удивлённые расспросы ребят рассказал, что после контузии на фронте стал малочувствителен к электрическому напряжению.

– Бог меня от верной смерти спас, когда немецкий снаряд в наш ДОТ прямой наводкой попал. После этого случая стал я напряжение до 600 вольт спокойно выдерживать, – скромно сообщил Иван Николаевич, словно о чём-то само собой разумеющемся. Вот это человечище! Куда уж бывшему на-

чальнику Климуку с таким тягаться!

После таких дел атмосфера в бригаде совсем другая стала. Пацаны и раньше старались выполнять задания, а тут их охватил настоящий патриотический подъём, характерный, впрочем, для всех работников завода. С тех самых пор установился на телефонной станции под руководством Н.И. Малышева твёрдый порядок, нарушать который никто больше не пытался. Да, если честно, мальчишкам и самим давно уж надоел затянувшийся конфликт.

По всему заводу постоянно велась работа по улучшению качества и увеличению количества выпускаемой продукции. Сами рабочие всё время вносили рационализаторские предложения, чтобы дать как можно больше продукции нужной фронту. Не осталась в стороне и телефонка. По инициативе её начальника по всему 32-му заводу, а чуть позже – и по всей Филейке началась постепенная замена устаревших воздушных проволочных линий связи на более надёжные многожильные кабели в свинцовой оболочке.

Немало творчества в этой, казалось бы, обыденной работе проявляли монтеры Пётр Стуков, Семён Криницын и демобилизованный по ранению молодой фронтовик Николай Потапов, который то и дело рассказывал пацанам, каково оно там, на фронте. Да что объяснять! Ведь у каждого отцы и старшие братья воевали, у многих – уже и лежали во сырой земле.

Ребята настолько зауважали начальника, что даже до-

говорились не курить в аккумуляторной, потому что израненный фронтовик, так легко справляющийся с электричеством, плохо переносил табачный дым. Но больше всего этому обрадовался не так давно бросивший курить Витька. Не хотелось ему дышать этой гадостью.

Витя, как и все монтеры, старался изо всех сил добросовестно выполнять порученную ему работу связиста, но станки всё чаще всплывали в его грёзах. От мечты работать на строгальном станке пришлось на время отказаться (нужно ещё подрасти, да силёнок поднабраться). Но попробовать устроиться на токарный станок – можно.

Каждый обеденный перерыв околачивался паренёк в цехе около токарей. Смотрел заворожённо, как трудятся гвардейцы трудового фронта. А вкалывали они самоотверженно, ни на что не отвлекаясь, каждую секунду рабочего времени посвящая выполнению задания. Витька знал, что у гвардейцев есть уговор: пока задание не выполнено – из цеха ни ногой! Так и работали они, бывало, не выходя с завода по нескольку суток. Лишь иногда, когда сил уж совсем не оставалось, прикорнут у батареи ненадолго – и снова за дело.

Если бы не ждала своя работа, Витёк любоваться бы героями сколь угодно долго, не обращая внимания на смог от сгоревшего масла работающих станков и обгоревшей смазки электродов сварки. И пусть в цеху из-за отсутствия вентиляции еле дышалось, а дым стоял коромыслом, так что редкие

лампочки еле просматривались, но висящий и тут огромный транспарант с призывом: «ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!» видел каждый.

Витька всё обдумывал: как бы ему попроситься в токаря – да так, чтоб не отказали. Но дело это решилось само собой. Однажды к Витьке подошёл зам. начальника цеха, давно заприметивший увлечённого станками паренька. Поговорили. Так получил Витёк приглашение учиться на токаря.

Сразу же сообщил он эту радостную новость в ответе на полученное недавно послание от Мирона и Кузи. Его друзья заканчивали обучение в школе юнг на Соловецких островах и готовились к службе на боевых кораблях. Писали, что, скорее всего, направят их на Черноморский флот. Значит, Мироха всё-таки попадёт туда, где потеплее. Витька улыбнулся, вспомнив, как замерзали они в товарном вагоне, пытаясь убежать на фронт осенью 41-го. Главное, что ребята живы! Кто его знает, кому сколько осталось? Вон сколько похоронков приходит.

Вспомнилось Витьке, как и в их дом в 1942-м пришла беда. Казалось бы, сколько воды утекло с тех пор, а словно вчера это было: рыдающая почтальонша тётя Глаша суёт в его руки похоронку.

Мальчишка зажмурился, и вновь перед глазами – папка. Вот выезжает он на своей лошади с территории строящегося завода. Молодой, удалой, сильный. А маленький Витька уже поджидает, кричит ему: «Папка, папка!». Отец обо-

рачивается на голос сына, и добрая улыбка озаряет красивое лицо. Батя подхватывает довольного Витьку, садит рядом, и они направляются домой, к маме. Такого не будет больше никогда...

Обучаться токарному ремеслу прикрепили Витьку к одному из самых опытных на заводе специалистов – 19-летнему Паше Сечину. Познакомившись с ним поближе, Витёк узнал историю своего учителя. Родом он был из-под Брянска. Перед самой войной оказался в Москве, попав в первый набор только что созданных ремесленных училищ. Жил в общежитии у Киевского вокзала, а учился в РУ № 18.

Когда началась война, ремесленники встали к станкам взамен ушедших на фронт взрослых рабочих. С первого дня – никаких поблажек. Работа без выходных и отпусков ежедневно по 12 часов; а бывало, и все 24 часа (если сменщика вдруг болезнь свалит). 19 октября 1941 года, когда фашисты подошли уже вплотную к Москве, ремесленникам отдали приказ следовать пешком на Владимир. В училище открыли вещевой склад, чтобы ребята могли взять в путь-дорогу кому что надо. Пашке достались перчатки, калоши и одеяло. Два дня шлёпали они по грязи среди многотысячной толпы беженцев. Добрались до Ногинска. Денёк там отдохнули, и снова в путь до следующего города. Пару раз случались бомбёжки. Тогда беженцы разбежались врассыпную, чтобы затем вновь продолжить путь.

Так и шли они день за днём, неделя за неделей, пока не попал Павлик в отряд, формирующийся для отправки на 32-й завод. Дальше ехали железной дорогой, подолгу стояли на станциях, пропуская эшелоны, спешащие на фронт. Несколько раз над их поездом кружили самолёты со свастикой, но всё обошлось.

По прибытии в Киров разместили ребят на ночлег в клубе мясокомбината. Местные вятские жители встретили их весьма радушно, помогали, как могли, отрывая от себя последнее. На следующее утро отправились ребяташки на эвакуопункт, что на улице Энгельса. Потом какое-то время жили в помещении опустевшего промтоварного магазина, спали на полках торгового зала. После прохождения санитарной обработки оказались ремесленники на Филейке. Сначала пожил Пашка в землянке, пока не построили барак № 20, надолго ставший его домом. В каждой из четырёх комнат этого барака жило по семьдесят человек, ютясь на двухэтажных нарах.

– Да-а, бывал я как-то в гостях в одном таком бараке! Номер его 25, кажись, – проявил свою осведомлённость Витька. – Условия там, конечно, в начале войны были о-хо-хо!

– Не то слово; буржуйки хоть и топились постоянно, а вода в ведре коркой льда покрывалась, – поёжившись, вспоминал Павел. – Но постепенно обжились как-то.

Начинали работать в возводимых ими же холодных цехах. С питанием была неразбериха. Вначале выстаивали в

очереди за хлебом больше часа, затем вставали за супом. Когда подходила очередь, от двухсот граммов хлеба, что давали на обед, уже ничего не оставалось. Вскоре ради экономии времени обеды начали доставлять дежурные (свои же работники) прямо на рабочие места. Завариха из воды с мукой да мороженная картошка с кусочком селёдки весом 37 граммов – стандартное обеденное меню.

На некоторое время переводили Пашу работать в цех, размещённый в центре города, рядом с главпочтамтом, в деревянном здании кинотеатра «Колизей». Работающие станки, стоявшие прямо в зрительном зале, издавали невероятный шум, усиленный хорошей акустикой. Из-за грохота и крикнешь – не услышат. После смены башка раскальвалась на кусочки. А расположили заводской цех в кинотеатре по причине острой нехватки производственных помещений. Вот и приходилось Пашке ползать на работу по колено в снегу, пешком в одну сторону шесть километров. Тогда, в первое время, приезжие ребята особенно тяжело страдали. Часто случались голодные обмороки.

Как-то двое москвичей, которым наконец исполнилось по 18 лет, пошли в военкомат, чтобы их отправили на фронт. Руководствовались не только патриотическими чувствами, но и здравым смыслом, полагая, что в армии и кормят лучше, и не такая невыносимо-изнуряющая жизнь. А положение сложилось настолько тяжёлое, что даже риск погибнуть в бою уже ни капли не пугал. Так вот, о визите том тут же на

завод телефонировали их начальнику товарищу В.А. Шмелёву. Тот сразу прискакал на лошади и прямо перед военкоматом избил добровольцев резиновым шлангом. Бил от души, синяки потом с месяц держались. В чём-то он был прав. Ведь московских квалифицированных рабочих тогда очень не хватало, кто-то должен был обучать прибывающих на завод из местных деревень малограмотных подростков.

Навсегда осталась в Пашкиной памяти картина: чертёжники, конструкторы, технологи, стоя по щиколотку в воде, не считаясь со временем, работают над выполнением срочного задания. Глубокой ночью люди ложатся поспать на верстаки, не уходя с рабочего места домой, чтобы не тратить на дорогу драгоценное время. Но никто не ноет. Все понимают, что здесь, в цехах завода № 32 проходит их линия фронта.

Со временем те, кто смог выжить, начали привыкать к суровому ритму военного времени. Но и теперь, когда перелом в войне уже, очевидно, произошёл, было вовсе не легко. Работали, как и прежде, в две смены по 12 часов. Пересменку проводили по воскресеньям – тогда работали по 18 часов! Одна смена – с восьми вечера до двух часов следующего дня, а другая – с двух дня соответственно до восьми утра. Выходной день – один раз в месяц, обычно в его начале.

Вся страна работала, не щадя сил, ради Победы. Трудились ради великой цели и люди, которых дороги войны привели в Киров – эвакуированные рабочие вместе с местными

филейскими жителями, объединённые в коллектив завода № 32. Кровью и потом заслужили они самую высокую награду – переходящее Красное Знамя Государственного комитета обороны СССР по итогам Всесоюзного социалистического соревнования. И многочисленные письма благодарных лётчиков, воюющих на самолётах, оснащённых оборудованием, произведённом в цехах завода-героя.

26. ВИТЁК И НЕБО

Витька радовался новой работе, только оказалась она гораздо сложнее, чем предполагал. В цехе № 1, куда мальчишка попал учеником токаря, все детали обрабатывались по замкнутому циклу. Имелись тут отделы токарный, фрезерный, револьверный, сверлильно-шлифовальный и другие. К постоянному шуму станков и едкому дыму Витёк привык довольно быстро. Но вот с изготовлением деталей как-то не ладилось. Ничего, утешал себя паренёк, на то мне и даден опытный наставник, научит. Но неделя, отведённая на обучение, пролетела, а многое ещё не получалось.

– С завтрашнего дня начинаешь работать самостоятельно, – «обрадовал» Витьку мастер.

– Здорово! Только что-то обучение слишком уж короткое было, – неуверенно ответил паренёк.

– Время такое, в учениках сейчас долго не ходят. В процессе работы поднатаскаешься. В гвардейской бригаде токарей вакансия имеется, нужен им работник путёвый. Спра-

вишься?

– Я постараюсь! – у мальчишки дух перехватило, никак не ожидал он такого предложения. Очень хотелось ему стать гвардейцем трудового фронта. Но страшно: вдруг не потянет, подведёт?..

На следующий день его приняли в гвардейскую бригаду с испытательным сроком. Определили Витьке рабочее место. Станок оказался не таким, как тот, на котором обучали. И началось! Дисциплина в бригаде очень строгая, сменное задание ты должен выполнить обязательно. Но как ни старался Витька, уже к середине первого самостоятельного рабочего дня понял, что сильно отстаёт. Паренёк проглотил, почти не жуя, жиденький обедец. Пулей прилетев из столовки в цех, вновь принялся за работу. Но все его потуги были тщетны.

В конце дня, когда бригадир, выстроив рабочих, докладывал старшему мастеру у кого какие показатели, досталось Витьке, как говорится, по самое не хочу: и за невыполненное сменное задание, и за запоротые детали. Оставили провинившегося, как принято, в наказание на два часа после смены таскать из цеха стружку на свалку.

Но намного хуже другое. Посреди цеха висел большой стенд с показателями труда. На нём нарисованы: высоко парящий самолёт, танк и ползущая еле-еле черепаха. Его, Витькину фамилию прикрепили в самый низ стенда, под черепаху. Это позор! Усталый мальчишка таскал стружку, не

смея глаз поднять от пола, чтобы рабочие, заступившие в ночную смену, не видели стоящих в них слёз.

На следующий день ребята из бригады косо посматривали на новичка. Витька решил выполнить задание любой ценой. Он даже на обед не пошёл, чтобы больше успеть. Но ничего не вышло. И опять в конце дня пришлось голодному мальчишке краснеть. После подведения итогов бригадир зачитал письмо от ушедшего воевать Жени Акимкина.

«Товарищи гвардейцы трудового фронта! Шлю вам горячий красноармейский привет и желаю успехов в вашей производственной работе.

Вам известно, что я добровольно пошёл на фронт. Моя мечта сбылась! Я давно хотел быть в армии. Все товарищи моих лет ушли раньше меня, и, может, кто-нибудь уже погиб в борьбе с фашизмом, в борьбе за Родину. Я тоже должен бить врага, защищать нашу страну, нашу свободу.

Вместе с вами я работал на заводе плечом к плечу, и боролся за выполнение программы. Сейчас я тоже стараюсь. Я отличник, имею две благодарности и скоро отправлюсь на передовую. Буду бить фашистов, не жалея жизни, буду драться так же, как мы вместе боролись за программу. Как представитель от нашей гвардейской бригады заверяю вас, что на фронте не подкачаю, всей душой и сердцем буду вместе с вами, будто все вы рядом со мной!

Весь завод гордится нашей гвардейской бригадой. Смотрите же, не подкачайте. Вы в тылу, а я на фронте будем

бить врага одним оружием – нашим патриотизмом! С приветом всем, Е. Акимкин».

– Понял теперь, на чьём месте работаешь? – спросил бригадир у Витьки, готового провалиться сквозь землю.

– Не справишься и завтра с заданием, пеняй на себя, – вторили ему парни. – Вылетишь из бригады к едрене-фене! Все показатели нам портишь!

И вновь, готовый разрыдаться от обиды Витёк таскал стружку на свалку после смены. Как же можно с этим заданием справиться? Ведь он старается изо всех сил! Отработав наказание, мальчишка не пошёл отдыхать домой, а вернулся к станку. Долго наблюдал он, как работает его сменщик, отличный токарь Саня Съедин. Заметил Витёк ряд своих ошибок. Кое-что ему и сменщик подсказал. Было уже далеко за полночь. И усталый паренёк грохнулся спать прямо в цеху, к батарее.

Утром его разбудил сменщик:

– Ну, парень, всё готово, резец заточен, эмульсия залита. Не подкачай.

– Спасибо. Сегодня я справлюсь! – терять Витьке было нечего, но откуда-то пришли к нему и спокойствие, и уверенность.

И вновь – построение перед началом работы. Напряжённые взгляды ребят. Витька тоже напряжён, но глаз больше не опускает. Так решил: «Что от меня зависит – сделаю,

а дальше – будь что будет». Не успел начать работать, как сломался резец. Что за невезуха! Много времени ушло на устранение неисправности, и Витька снова отстал. Но всё же к обеду почти догнал товарищей. В столовой заметил, что ребята из бригады смотрят на него теперь по-другому, это его подбодрило. Перекусил и бегом в цех.

В конце смены оказалось, что сработал на этот раз Витька практически без брака, и деталей сумел выточить на одну штуку больше нормы! Бригадир крепко пожал руку. Ребята подходили, трепали Витьку, говорили: «Молодец, вот теперь – наш человек!». Мальчишке, как одолевшему сменное задание, торжественно вручили полагающееся в таких случаях поощрение – маленький ржаной пончик. Фамилию его на стенде, наконец, переместили от черепахи к танку. «Как же нужно работать, чтобы оказаться вверху, у самолёта?», – подумалось Витьке.

Этот день был, пожалуй, самым счастливым за всю войну. Ничего вкуснее того пончика весом 50 грамм паренёк в жизни не ел. Даже деревенские климковские блинчики не могли с ним сравниться! Пока мальчишка приходил в себя от радости, старший мастер зачитывал очередное благодарственное письмо.

«Здравствуйте, товарищи рабочие завода № 32. Мы, лётчики 691-го авиационного полка, хотим сказать вам большое спасибо и выразить нашу благодарность за высокое качество боевого оборудования, изготовленного вашими рука-

ми и установленного на наши самолёты.

Мы выполняем самые разные задачи. Бомбим войска противника и днём и ночью. Бомбим артиллерийские позиции фашистов. Как правило, их батареи замолкают после наших налётов. Возим грузы и боеприпасы, выполняем спецзадания.

Желаем вам успехов в работе. Больше давайте вооружения, от этого зависит успешная боевая работа частей ВВС на фронте!».

С тех пор стал Витёк полноправным членом гвардейской бригады. И хоть не всё ещё у него получалось, и случались порой всякие трудности, которые называл Витя в шутку «происками империализма», но старшие ребята, видя его стремление, всячески помогали, поддерживали паренька...

Левитан по радио всё чаще рассказывал о победах Красной армии, освободившей страну и громившей гитлеровцев в Польше, Венгрии, Чехословакии... А где-то далеко, на другом конце Европы союзники открыли долгожданный второй фронт. Навстречу советским войскам наступали американцы, англичане, канадцы, французы.

Филейка постепенно разрасталась; наконец-то ликвидировали последнюю землянку. Да и в многочисленных новых бараках условия жизни хоть чуть-чуть, а стали лучше. Прокатился Витёк с друзьями и на новом диковинном виде транспорта с чудным названием: «троль-лей-бус» – язык сломаешь! И чего только люди не придумают – машина, при-

креплённая к проводам!

А душа Витькина в ту пору всё больше тянулась к авиации. «Закончится война – пойду в ОСОАВИАХИМ; а там, может и лётчиком стану», – мечтал он. В редкие минуты отдыха наблюдал мальчишка с какой-то жадностью, как, совершив короткий разбег по земляной взлётке филейского аэродрома, взмывает ввысь очередной самолёт. Интересно, как-во это – парить над облаками? Хоть бы раз попробовать. Может, попросить у лётчиков, чтобы прокатили? Витька представлял, как несётся он над лесами и реками и все беды, всё горе войны остаётся где-то там внизу, на земле, далеко-далеко. Он летит к солнцу, и есть только свет и радость. Хорошо в небе. Хорошо мечтать.

О чём думают другие ребята, глядя на самолёты, Витька не знал. Наверное, каждый о своём. Как-то мальчишки разговорились. Витёк слушал их вполуха, глядя в небеса.

– Вот кончится война. Жить начнём хорошо, ведь жизнь-то радостная будет. Работать станем по 7 часов, а по воскресеньям – выходной, как до войны!

– Хлеба много будет, и карточки отменят. Конфеты есть станем.

– А ещё, москвичи рассказывали, есть такая штука – колбаса зовётся. По форме, как снаряд противотанковый, только из мяса варёного. Вкусная говорят, попробовать бы. Может и у нас появится?

– А ещё в парке аттракционы разные запустят. Лишь бы фашизм уничтожить, тогда такое светлое будущее начнётся, живи да радуйся!

Примолкнув, ребята проводили взглядами новенький самолёт, улетающий на запад.

– Да. А интересно, когда война кончится, что наш завод выпускать будет? Ведь истребители-бомбардировщики тогда никому не нужны станут.

– Ха! Уж найдётся, чего выпускать-то. Может, трактора какие, или сеялки, например. Или мотоциклы! Да и для гражданской авиации детали надобны. Станут ведь когда-нибудь самолёты из города в город пассажиров перевозить, как теперь поезда.

– Ну-у! Когда такое ещё будет!

– Будет-будет. И мы ещё летаем.

При этих словах Витёк оживился. Полетать ему очень хотелось. Он спросил:

– Ребят, думаете, как завод наш после войны назовут?

Вопрос этот неожиданный застал мальчишек врасплох.

– В самом деле! Не вечно же ему называться «№ 32», – гнул своё Витя. – Может, в честь какого-нибудь события, или, скажем, известного человека завод наш назовут?

Ребята рассмеялись. Кто-то пошутил:

– Ну конечно, Вить, вот станешь известным человеком, и назовут завод в честь тебя. Как тебе такая идея? Неплохо будет, если завод филейский назовут твоим именем? А, Витёк?

27. ПРЕДЧУВСТВИЕ ПОБЕДЫ

Тот зимний вечер на заводе № 32 ничем особо не отличался от других вечеров военного времени. Обычное построение перед началом ночной смены, и ровно в 20:00 гвардейская бригада токарей цеха № 1 приступила к выполнению задачи. Лишь ёлочка, стоящая где-то в дальнем углу, напоминала о скором приближении Нового года. Ёлочку эту принёс в цех местный паренёк Костя Куртеев, живущий в деревне Малая Гора, что за заводом. А девчата-шлифовальщицы украсили лесную красавицу сделанными из бумаги игрушками. Витька, увлечённый работой, забыл обо всём на свете. Как вдруг...

Послышался непонятный шум, крики. Оторвавшись на секунду от станка, увидел паренёк какого-то ряженого человека. Судя по ватной бороде, палке и мешку в руках, человек этот пытался изображать Деда Мороза. «Вот ерунду придумал, отвлекает от задания! И что это за тип? Ну, сейчас начальник цеха выйдет, даст ему на калачи!», – пронеслось в голове недовольного Витьки. Мальчишка опять сосредоточился на крутящейся детали.

«Дед Мороз» не унимался, махал «посохом» и требовал остановить работу. Впрочем, на него особо внимания не обращали. Наконец, издали послышался строгий бас старшего мастера Степаныча:

– А ну, немедленно прекратить безобразие и вон отсюда,

или я вызываю охрану!

Это уже становилось интересным. Витёк вместе с остальными токарями всё-таки отвлёкся от работы. Часы, висящие над выходом из цеха, показывали без десяти минут двенадцать. Степаныч с угрозой в голосе продолжал:

– Совсем уже обнаглели! Да и что ты за клоун? Живо снимай бороду!

«Дед Мороз» как-то растерялся, потом махнул рукой и стащил с головы кучу ваты, под которой, к огромному изумлению всех присутствующих, обнаружилось растерянное лицо начальника цеха. Возникла неловкая пауза. Но старший мастер быстро нашёлся:

– Товарищи, внимание! Для встречи Нового, 1945 года объявляется перерыв 20 минут, – и, обращаясь к начальнику цеха, добавил – Продолжайте, пожалуйста.

Начальник прокашлялся и, натянув обратно бороду, прочитал в установившейся тиши незамысловатый новогодний стишок. Все рассмеялись. Вынесли из угла на середину цеха ёлочку. По просьбе Деда Мороза девчата спели песенку, водя вокруг неё хоровод. Когда стрелки часов показали полночь, Дед Мороз произнёс короткую поздравительную речь, пообещав уничтожить в наступившем году Гитлера и всех фашистов, нарушивших счастливую жизнь советских людей. Затем он раздал подарки. Досталось кому что: мыло, расчёска, кружка. Грозного же Степаныча Дед Мороз заставил спеть частушку.

В десять минут первого вновь зашумели станки. Вскоре ничто не напоминало о визите сказочного персонажа в цех. У погружённого с головой в работу Витьки вдруг возникло чувство, что всё это ему лишь придумалось, настолько нелепым казалось произошедшее. Но, прикреплённый к станку игрушечный самолётик, подаренный Дедом Морозом, свидетельствовал об обратном.

С той самой новогодней ночи не покидало Витьку свежее, особое, радостное чувство. Скоро, скоро придёт долгожданный День Победы! Предчувствие это жило во всех. Всё чаще гремели в столице Родины салюты в честь новых побед Красной армии. Всё интенсивнее работал завод. И уже не так страшна была зима. И цена, отдаваемая за Победу, не казалась слишком огромной.

1 января 1945 года, вернувшись поутру домой с завода, прикрепил Витька к стене горницы купленный накануне за немалые деньги отрывной календарь. Мама с бабушкой, когда впервые увидели покупку, очень серчали. Говорили: мол, зря деньги выкинул на какие-то бумажки, лучше бы путное что купил. А так год пройдёт – от календаря ничего и не останется. Но Витьке нравилось. Каждое утро он первым делом отрывал очередной листочек и читал: чем знаменателен наступающий день.

А дни тянулись один за другим. Витькина фамилия теперь всё чаще оказывалась у самолёта, нарисованного в

самом верху станда с показателями труда. И пусть цех плохо отапливался, так, что даже иногда эмульсия замерзала в корыте станка. Пусть руки зябли, а работать приходилось в пальто и шапке. Но худой, малый ростом Витёк стоял на своём рабочем месте на перевёрнутом кверху дном ящике, чтобы можно было дотянуться до всех ручек токарного станка. Он делал свою работу. Час за часом, день за днём, деталь за деталью ускорял мальчишка разгром Германии, приближал светлый миг Победы!

Всё так же собирались на заводе посылки на фронт с подарками бойцам Красной армии, рабочие сдавали донорскую кровь для госпиталей, жертвовали деньги из мизерных зарплат в Фонд Обороны. И верили, и знали: жертвы эти – не напрасны!

Героически трудились во имя Победы рабочие всех предприятий города Кирова: заводов № 38, № 266 им. Лепсе, № 324, № 461, № 537, Механического, «Физприбора», «Кировского металлиста», Завода им. 1 Мая, Шинного, Фабрики металлоизделий и других. Давали так нужные фронту танки, самоходные артиллерийские установки, снаряды, авиабомбы, мины, гранаты и ещё множество разной необходимой продукции.

Филейский завод вносил свою долю в копилку Победы, выпуская в основном оборудование для военной авиации: турели, лафеты, кассеты, замки, лебёдки, держатели реактивных снарядов и другие виды стрелкового и бомбардиро-

вочного снаряжения, приборы и агрегаты управления, средства подъёма и транспортировки грузов. А также различные кронштейны, мосты, ухваты, выравниватели пулемётной ленты, аварийные сбрасыватели, пиротехнические средства.

Многие типы самолётов (Су-2, ДБ-3Ф, Як-7, ЛаГГ-3, МиГ-3, Ил-2 и другие) оснащались вооружением с завода № 32. При этом каждый боевой самолёт оборудовался в комплексе установками под стрелковое, пушечное и бомбовое вооружение. Многие авиационные заводы страны ждали все эти изделия для оснащения ими боевых самолётов, отправляющихся на фронт. И завод № 32 ни разу не подвёл!

Хоть и витал уже в воздухе дух Победы, а трудностей в жизни оставалось немерено. Как в городе, так и в деревне. Там вместо забранных на фронт лошадей в плуги впрягались женщины – и тащили, выбиваясь из сил, а сзади шли маленькие дети, этим плугом управляя. Урожай почти полностью шёл на фронт и в город рабочим, а самим колхозникам нередко приходилось печь хлеб из лебеды. Это был страшный хлеб! В зимнее время деревенские женщины и дети работали на лесозаготовках. Так же, как и в городе, молодёжь готовили к отправке на фронт, заставляя на курсах ВСЕВОБУЧа ползать по-пластунски в снегу и рыть окопы. Обо всём этом рассказывал Витьке товарищ по бригаде, его тёзка Витя Кондратов, мобилизованный на завод из Верхошижемского района.

В гвардейской бригаде работники были как на подбор, сознательные. Витька ещё ни разу в жизни и на работу-то не опаздывал. Да все на заводе понимали, что окончательный крах гитлеризма зависит от труда каждого, и не жалели сил. Хотя исключения всё же случались. Прогульщиков обычно судили прямо в цехах. На суд собиралось очень много народу. Витьке всегда казалось, что для нарушителя намного страшнее приговора суда – твёрдые взгляды рабочих. Ни один из осуждённых прогульщиков не отважился посмотреть в глаза своим товарищам.

Но нахалы всё-таки имелись. Однажды Витька уже долго стоял на холодном ветру в длинной очереди за «коммерческим» хлебом. Выпущенный хлебокомбинатом сверх нормы, изредка выбрасывался этот дефицитный продукт в свободную продажу. И хоть стоил он намного дороже, чем хлеб по карточкам, но спросом большим пользовался. Один наглый парнишка проскочил мимо Витьки и полез дальше. Добрался, несмотря на возмущённые возгласы женщин, до самых дверей магазина. Тут-то и схватил его за шиворот неприметный с виду мужичок на костылях:

– Куда прёшь, земляк? Здесь люди в очередь стоят.

– Лучше пусти, дядя, а то тебе хуже будет!

– Да?! А из такого котелка ты каши не пробовал? – с этими словами мужичок выставил перед носом нахала огромный, крепко сжатый кулак, по размеру и вправду с небольшой котелок, увидав который, наглец быстро ретировался.

Тяжела была жизнь, но всё-таки Витька считал, что ему сильно повезло. Ведь большинство рабочих филейского завода эвакуированы сюда из далёких городов или мобилизованы из деревень области. Они оторваны от родных, от дома. Витёк же всё-таки имел возможность каждый день возвращаться к маме, бабушке, младшим братишкам и сестрёнкам. В их половину избы, к тёплой печке.

Мама же их, Катерина Павловна, заслуживает отдельного рассказа. Ещё до революции, во времена империалистической войны, спасаясь от наступавших войск немецкого кайзера, бежала её семья с западной Украины. Неизвестно какими судьбами оказались они в Вятской губернии, в деревне Поповщина, что под Суной. Там и революцию встретили. А потом решили вернуться на Украину. Вначале еле-еле добрались до Вятки. Тут-то и пришла беда. Прямо на вокзале вся семья заболела тифом. Стали умирать один за другим.

Через несколько дней осталась маленькая тринадцатилетняя Катя одна-одинёшенька. С горя хотела броситься под поезд. Несколько раз подходила к перрону, когда очередной состав, тронувшись, начинал набирать скорость. Да так и не решилась. Странное поведение девочки заметила работница железной дороги. Когда Катя рассказала сердобольной женщине свою историю, та, покумекав как следует, предложила свезти её на базар: «Авось кто-нибудь из деревни вашей приедет торговать, узнают тебя, обратно в деревню заберут;

а там, среди знакомых-то, может, и найдутся добрые люди, приютят, не дадут помереть».

Так и вышло. Увидали её на базаре знакомые люди и привезли обратно в Поповщину. Приютило Катю большое семейство: дед Василий, крепкий ещё мужик, да бабка Евдокия. Сын их Климентий погиб летом 1916 года на германском фронте. Тут же жила его вдова Анна с кучкой оставленных Климентием ребятишек. Старший из них, Сашка, был на четыре года младше Кати. Из осиротевшей девчушки выросла красавица-девица, на все руки мастерица. Стали к ней женихи свататься – и местные, да и из других деревень приезжали. Да только всегда получали от деда Василия от ворот поворот без всяких объяснений. Больно уж выросшая в их доме Катерина, работающая и добрая, стала ему дорога. Захотел дед её в своём семействе оставить. Поэтому, как только старшему внуку Сашке 17 годков стукнуло, тут же он их и поженил.

Ну, а дальше родились один за другим пятеро детей: Витя, Таня, Маша, Толя, Алёша. Был переезд с мужем и свекровью в Вятку, переименованную уже в Киров. И война. Проклятая война! Погиб на фронте муж Александр Климентьевич, часто болели дети, хворала бабушка. Но отчаиваться Катерина Павловна права не имела. Требовалось жить и поднимать на ноги пятерых деточек.

Витьке казалось, что мама умеет всё! Знала она, как огород обработать, что и как посадить, вырастить, собрать,

сохранить. Как из простых продуктов приготовить вкусную еду. Умела она и сено косить, и дрова пилить-колоть, и гвоздь забить. Одежду чинила, даже валенки подшивала. Из своих платьев, юбок и кофточек мама умело выкраивала и шила штанишки и рубашки для деток. Все горести войны мама принимала на себя, стараясь изо всех сил оградить от них ребятишек. Работала на износ, недоедала. Её доброе сердце, тёплое слово, ласка согревали малышей. А ещё мама ездила в близлежащие деревни, обменивала там свою и оставшуюся от убитого бати одежду на еду. Причём во время ночлега в таких поездках вместо того, чтобы спать, чинила и ушивала хозяйскую одежду, за что обычно получала в награду кусок деревенского каравая – ярушника, который, бережно завернув, привозила домой своим воробушкам. И всё это успевала делать мама в свободное от работы на Шинном заводе время. Очень помогала ей по хозяйству и бабушка, да только в последнее время всё меньше сил у неё оставалось.

Не будь мамы – неизвестно, как бы они смогли дожить до весны 45-го.

28. ВИТЬКИНО ДЕТСТВО

Заканчивалось Витькино детство, ведь парнишке, как-никак, шёл уже шестнадцатый годок. Впрочем, слово «детство» уместно в этом случае взять в кавычки. Те долгие годы, что владычествовала злая ведьма-война, стали самым ужасным временем в истории человечества. Никогда ещё не по-

гибало от её костлявых рук так много людей. Не только солдат, но и женщин, детей, стариков. Десятки миллионов убитых, замученных в концлагерях, погибших от голода, холода и болезней. Ещё больше раненых, ставших калеками на всю жизнь. В руинах лежали целые страны.

Взрослеющему Витьке всё чаще приходили в голову философские мысли. «Вот взять, к примеру, учебник истории. Древний Рим. Сотни лет римляне воевали, расширяя свою империю. Сами гибли и других убивали. Сколько народу погибло! И где теперь их империя? Ради чего всё это? – размышлял иногда Витёк. – Где сейчас Карфаген? Где Золотая Орда? Где империя Наполеона? Зачем правители мира уничтожили столько ни в чём неповинных людей?» Ответа не было.

Когда же закончится проклятая война? Скоро! Но это «скоро» длится недели, месяцы. На Витькином отрывном календаре давно весна, а конца войне и не видно. Люди устали ждать, ждать... Долгое ожидание – хуже всего. Кажется, война будет длиться вечно...

Но грустные мысли, выгоняемые ласковым майским ветерком, не задерживались слишком долго в мальчишеской голове. Особенно чувствовала приближение нового мирного времени рабочая молодежь. Неженатые парни, что проживали большей частью в Северном посёлке, бараки которого тянулись от завода до бывшего филейского монастыря, всё чаще, отправляясь на прогулку, принаряживались.

– Куда собрался?

– На юга! – и сразу понятно, что парень направляется в Южный посёлок, который населяли девушки и женщины. Идёт, чтобы показаться там в наилучшем виде и обратить на себя внимание. Естественно, что жителей двух посёлков тянуло друг к другу, как притягиваются магнитные полюса: северный и южный. От этого притяжения образовывались семьи, рождались дети.

Всё чаще собиралась молодёжь на пяточке у овражка, где под гармошку пели частушки и танцевали, а после – расходились гулять парочками. Обычно эти прогулки заканчивались свадьбами. Конечно, свадьба – громко сказано; так, небольшая посиделка в бараке после трудовой смены с гармошкой и скромным угощением для друзей.

Наигрывая плясовую на одной такой вечёрке, разглядывал Витёк танцующих молодок. Самому-то ему не до плясок, нога сильно болела. Как раз в самом конце смены мастер попросил перенести на склад скопившиеся в углу цеха заготовки деталей для авиационных лебёдок. Поторопился, вот и упала одна такая тяжеленная заготовка прямо на ногу. Вначале думали: перелом, но обошлось; ушиб только сильный. Не до веселья Витьке, но попросили; пришлось идти. Какая свадьба без гармони? Вот и наигрывал Витька сквозь боль – и думал, что и ему когда-то в обозримом будущем нужно подыскивать невесту. Отец-то его всего на пару лет постарше был, когда на маме женился.

Витька улыбнулся, вспомнив, как увидел сегодня после утреннего построения молоденького пацанчика, лет двенадцати от роду, зашедшего к ним в цех. Маленький такой, но очень уж сурьезный! С важным видом, представившись курьером штаба ВУП, вручил под роспись Сашке Филянову, которому на днях исполнилось семнадцать, повестку на курсы ВСЕВОБУЧа. Глядел Витёк на этого ответственного штабиста, посмеивался и себя вспоминал.

Возвращаясь, прихрамывая, с той посиделки, забрёл Витёк по дороге в магазин. Стоял в очереди, стараясь не думать о болящей ноге, когда в помещение с пустой авоськой зашла совсем маленькая босая девчущка. Витька никогда её раньше не видал. Девочка испуганно озиралась по сторонам; видно, пришла сюда впервые. Всеобщее внимание привлекли её босые ноги. Люди тихонько охали:

- Надо же, какая бедная девочка, даже обуться не во что.
- Проходи-проходи, миленькая.

Но девчущка та, густо покраснев, да так ничего и не купив, быстренько выскочила на улицу. Странная какая-то!

Остаток вечера провёл Витька на пустой голубятне. Нога ныла, но ничего, забрался как-то. Он смотрел на алеющий закат, думал: «Вот кончится война, заведём опять голубей». И вдруг вспомнилось ему, как сидел здесь с ребятами на второй день войны, глядя на кроваво-красный запад. Прошло почти четыре года! Это ж сколько дней? Витька прики-

нул в уме и присвистнул: где-то под полторы тысячи дней выходило!

С высоты голубятни хорошо виделось, как до неузнаваемости изменилась Филейка за эти военные годы. Как вырос почти на пустом месте завод и множество сооружений вокруг него. Сколько всего произошло! Где сейчас Мирон и Кузя? Уже воюют на флоте? Живы ли? Давно от них весточки нет.

Где сейчас Колька-одессит, освободил ли свою Одесу-маму? Где Витькин «заклятый друг» Федька-Штырь, которому Витёк всё давным-давно простил, лишь бы живым возвращался. Что с дядей Зиновием, о невероятных подвигах которого на Ленинградском фронте ходили легенды? Может, воюет уже со своей 311-й стрелковой дивизией где-нибудь в Германии? Что случилось с их бывшими подселенцами, Семёном и Степаном, осуждёнными за кражу мешка зерна и отправленными искупать вину на фронт? А с Мишкой Зориным, с которым путешествовали в Климовку? Он ведь тоже, в конце концов, ушёл воевать. А с тем настырным пареньком – Гришей Булатовым из Слободского? Сбылась ли его мечта – служить в разведке и отомстить за убитого отца?

О чём точно знал Витька – Женя Акимкин, на место которого пришёл Витёк в гвардейскую бригаду токарей и письмо от которого зачитывали ребятам вслух, погиб на фронте в бою смертью храбрых.

Вспомнился Витьке, конечно, и батя – и сразу тяже-

ло стало дышать. Кто передал в органы папкино письмо, из-за которого его потом отправили в штрафную роту – так и осталось неясно, унесли эту тайну с собой на фронт подселенцы. Жалко погибшего батю, но Витька хоть запомнит его на всю жизнь. А вот младшим, особенно Алёшке, которому исполнилось всего три месяца от роду, когда папка ушёл на войну, – ещё хуже. Так и вырастет, не изведав скупой отцовской ласки, никогда не узнав, что такое – пойти с папкой на рыбалку или прокатиться на лошади. Единственная фотография – всё, что осталось от бати. Даже могила его – неизвестно, где.

Пришли на память мальчишке счастливые довоенные времена, когда все ещё были живы. И отец, и Михаил Поликарпыч... Как собиралась молодёжь окрестных деревень на большой площадке у заброшенного сарая в деревне Шубины. Приходили туда на вечёрки с гармошками. Пели, плясали. Лучшим плясуном был дядя Илья, такие коленца выделял на своих двух ещё ногах! Ну, и, конечно, дрались там стенка на стенку, выясняя, чья деревня покруче.

Вспомнилось, как приводила его бабушка на службу в незакрытую ещё Покровскую церковь села Филейка. Как водила она маленького Витю к родничку и на могилку старца Стефана. Показывала место на берегу Вятки, где раньше стояла большая часовня. К ней когда-то прибывали, переправившись через реку, многотысячные толпы паломников, возвращавшихся из села Великорецкого. Ежегодно носили

они туда крестным ходом чудотворную икону. Тут что-то ёкнуло внутри: уж не ту самую ли икону прятала бабушка в начале войны?

И снова воспоминания. Довоенное время! Сколько книжек, песен, фильмов, прославляющих непобедимость Красной армии! Какая уверенность в нашем превосходстве! Все твёрдо знали – если завтра война, врага быстро разобьют. Стоит нашей армии вступить на территорию противника, как тамошние рабочие сразу поднимут пролетарское восстание против ненавистных буржуев-капиталистов. Все знали, что война будет; рано или поздно. Но относились к этому как-то легкомысленно, что ли. Даже близко не представляли, какой горькой и страшной окажется война на самом деле.

Так и просидел Витя на голубятне дотемна, вспоминая былое...

Зайдя в дом, услышал Витёк привычный шепоток из бабушкиного угла. Молится опять! Мамы дома не было, в эту неделю она работала в ночную смену на Шинном заводе. Братишки и сестрёнки уже мирно сопели. Наконец, бабушка, закончив творить вечернее молитвенное правило, вышла из-за занавески.

– Эх, бабушка, и не жалко тебе столько времени впустую тратить?

– Господь с тобой, Витюша, почто же впустую-то?!

– А по то, что лучше полезное что-нибудь делать! – внук решил, наконец, просветить бабушку, – Бога-то нету никакого, выдумки всё поповские. Бог разве допустил бы, чтобы столько невинных людей на войне погибло, если был бы?

– Так рази по Божьей воле война-то началась? Нет! А по-перёк ей, – пыталась оправдаться бабушка. – Христос к любви и миру всех призвал, а люди Его послушались.

– Если так, тогда ответь. Бог ведь всё может – почему же он Гитлера не сделал добрым? Тогда бы и войны не было.

– Так откель я знаю? Видать, потому, что Господь каждому человеку волю дал свободную; и Гитлеру энтому тоже, чтобы поглядеть: кто и как из людей ту свободу попользует. А по делам и воздаст.

– Ну, а где же Он тогда, Бог твой? На облаке сидит что ли, да молнии оттуда запускает? – спросил Витька.

– Энто только в книжках безбожных Его так рисуют, – всплеснула руками бабушка. – Бог, Он везде. Он и сейчас рядом стоит и ждёт, когда ты Его в сердце своё пустишь. Силком-то Он ить никому не навязывается.

– Эх, бабушка, вот настанет будущее, никто в эту ерунду верить не будет!

– Страшное дело говоришь, не бывать такому никогда!

Бабушка быстро крестится и, отвернувшись, тихонько шепчет:

– Господи, прости раба твоего Виктора, вразуми остолопа и даруй ему хоть капельку веры в Тебя.

Витёк понимает, что спорить сегодня с бабушкой на эту тему смысла нет никакого. Да и давно бы уже пора лечь спать. Время позднее, а завтра рано вставать. Работа. Не проспать бы! Он раскладывает постель на полу возле печки. Дома не топят, ведь в начале мая уже можно без этого обойтись. Сладко потянувшись, Витёк заворачивается в тёплое лоскутное одеяло и проваливается в забытьё.

Ему снится странный сон. Будто, оказавшись в тёмной-тёмной комнате, хочет он найти выход. Долго бродит во мраке, ощупывая пространство. Натыкается больно на какие-то предметы, а выхода всё нет. Становится страшно. Наконец, слышит Витька тихий бабушкин шепоток: «Направо поверни, направо». Витёк слушается и натыкается на дверь. Толкает её и оказывается на улице, залитой солнечным светом. Свет такой яркий, что с непривычки режет глаза. Наконец, немного привыкнув, различает он добрые лица своих родных и знакомых. Первым здоровается с живым и невредимым Женей Акимкиным; странно, что Витька его узнал – ведь воочию до того ни разу не видел. Потом появляется улыбающийся Михаил Поликарпыч. И наконец – папка! Они обнимаются и заводят неторопливую беседу. Тёплый ветерок приятно ласкает лицо. Папка рассказывает Вите, как готовился к последнему бою, что переживал, о чём думал...

Но батины слова становится всё сложнее разобрать из-за какого-то нарастающего издали гула. Этот долгий протяж-

ный звук мешает Витьке спать. Так хочется подольше оставаться в сладком забытии. И тут до него доходит: это же заводской гудок!

В ужасе отбросив одеяло, вскакивает Витька с постели и начинает быстренько накидывать одежонку на худое тело. Перекидывается парой фраз с причитающей, вовремя не разбудившей бабушкой. На ходу машинально срывает листок с отрывного календаря в горнице. Выскакивает из избы и что есть мочи бежит к заводу.

А в полумраке горницы остаётся висеть численник, на котором чернеет ничем не примечательная для того календаря дата, самый обычный день, всего лишь один из многих: среда, 9 мая 1945 года.

29. ДЕНЬ ПОБЕДЫ (ЭПИЛОГ)

Пожилой мужчина долго стоит на краю тротуара. Подслеповато смотрит то вправо, то влево, не решаясь перейти дорогу. В старомодном тёмном костюме, который одевается раз в год, ему жарко. На морщинистом лбу выступили капельки пота. Ворот светлой рубашки расстёгнут. Мимо него, шурша по асфальту, несутся десятки автомобилей. С тех пор, как построили новый мост, эту некогда тихую улицу на окраине города стало невозможно перейти.

Дождавшись, когда в потоке машин образуется брешь и, протянув вперёд помощницу-трость, пожилой мужчина делает неуверенный шаг вперёд. На противоположной сторо-

не улицы высится громада нового торгового центра. И когда только их строить успевают?!

Он плохо слышит. Поэтому и резкий визг тормозов, и крик водителя малолитражки «Volkswagen Golf» доносятся как бы издалека. Сложно разобрать, что нужно автомобилисту. Кажется, тот ругается: мол, ходят тут всякие в неположенном месте. Пожилой мужчина виновато улыбается. Ну, как объяснить рассерженному водителю: «Я всю жизнь здесь ходил и никак не привыкну, что теперь для перехода через дорогу требуется сделать изрядный крюк к светофору». Он плетётся дальше, и несколько медалей на груди покачиваются в такт его нетвёрдых шагов.

– Виктор Александрович! С праздником Вас! С Днём Победы! – какой-то улыбающийся мужичок долго трясёт его руку, о чём-то говорит; толком не разобрать, слишком быстро тараторит.

– Игорь, ты, что ли?! – наконец, узнаёт он в тараторящем мужичке одного из многочисленных учеников. Как время летит, его ученик – сам давно пенсионер! – Надо же, сколько лет тебя не видел! А я вчера на заводе был, цветы к Вечному огню возлагали. Раз в году теперь на завод-то пускают...

Чтобы отдышаться, присаживается Виктор Александрович на лавочку у торгового центра. Жарко. Может, и не врут учёные про глобальное потепление? Ветеран труда смотрит на пролетающие мимо машины и вспоминает, как стоял он пятнадцатилетним мальчишкой 9 мая 1945 года по-

сле митинга у маленькой деревянной проходной, смотрел в серое утреннее небо и тихо радовался объявленной Победе. А потом, словно очнувшись, бросился домой, забыв про больную ногу. Как примчался он в свою деревеньку Суханы, на месте которой давно уже стоят вот эти девятиэтажки улицы Дзержинского. Он бежал по деревне, стуча во все окна. И кричал во всё горло: «Победа! Победа!! Победа!!!» Как вчера это было.

Вспомнилось ему, как, ворвавшись в избу, разбудил малышкой. Как причитала и плакала от радости бабушка, приговаривая: мол, чувствовала, что на светлой седмице война закончится. Как взял он красный карандаш и с важным видом обвел им дату 9 мая в календаре. А потом пришла с работы радостная мама, и они устроили пир! Наварили картошки и ели её всей семьёй досыта впервые за эти годы. После Витка долго умывался-прихорашивался, разутюжил самую лучшую одежду – и они с друзьями пошли на общегородской митинг. Что тогда творилось с людьми – не передать! Лишь однажды за всю жизнь было ещё нечто подобное – в 1961 году, когда Гагарин в космос слетал.

Но тогда, в 45-м! Какая радость, какое всенародное ликование! Незнакомые люди бросались обниматься, все поздравляли друг друга. На улицах играли гармошки. Люди плясали от радости, смеялись и... плакали. Снежок, невесть откуда взявшийся с утра, днём повалил хлопьями – и вскоре на улицах Кирова стало белым-бело, как зимой. Но на душе

у всех была только весна и Победа!

Поодаль, за перекрёстком, сияют на солнце, радуя душу, золотые купола недавно построенного филийского храма. Ветеран улыбается, вспоминая, как впервые обратился к Богу, не веря ещё толком, короткой молитовкой, состоящей из двух всего слов. А ведь случилось это, как ни странно, в то самое утро 9 мая 1945 года. То была лишь первая капелька, по настоящему-то поверить ему предстояло гораздо позже!

Высокий новый храм загораживает собой старую, деревянную церквушку. Впрочем, не такую-уж старую, лет двадцать назад построенную. В последнее время не даёт Виктору Александровичу покоя воспоминание, как в начале 90-х встретился он в этой церквушке с одним очень высоким пожилым человеком. Где-то он его видел, но где именно – припомнить не мог. Тот человек внимательно, как-то удивлённо посмотрел на него. И ушёл. Они не сказали друг другу ни слова. Разошлись и больше никогда не встречались.

Когда-то подле места, где стоит церковь, был овраг с родничком у которого они, мальчишки, частенько собирались. Давно его засыпали. Деревню Орловы, что располагалась напротив Пушкарей, проглотил расширявшийся все послевоенные годы завод № 32. В 50-е годы дали заводу имя XX партсъезда. В народе же нарекли просто: «Двадцатка». В пору демократизации – вновь переименование. На сей раз придумали название посовременней – «Авитек», после чего

некоторые рабочие стали звать родной завод по-свойски – «Витёк».

На месте бараков и пустырей выросли сотни многоэтажных домов, целый микрорайон на краю разросшегося города, который старожилы до сих пор иногда по привычке величают заводским посёлком. Давно поносили хибары, и лишь названия филейских переулков хранят память о деревнях, что когда-то здесь были: Вершининцы, Тиминцы, Курагины...

Все эти годы вплоть до перестройки завод рос и развивался. И чего только на нём не выпускали! От мотоциклов и сеялок до детских колясок и стиральных машин. Но главным направлением работы стали, конечно, зенитные ракеты. А изготовленные на предприятии кресла-катапульты спасли не одну сотню жизней.

Хорошела вместе с заводом и Филейка. В центре её, на площади со сквером возвышался монумент-символ завода: красавец-обелиск в виде огромного факела с алым пламенем в форме звезды, удлинённый луч которой указывал на восток. И дворец культуры трёхэтажный построили, и стадион с трибунами, а рядом – большой спорткомплекс. Выросли школы и детские сады, Северная больница и детская поликлиника. Профилакторий и база отдыха на реке Великой для заводчан, пионерский лагерь «Юность» и спортивный «Нептун» для филейской ребятни. А детский кинотеатр «Орлёнок», разместившийся в настоящем самолёте Ан-8, или ком-

плекс трамплинов на высоком берегу Вятки? Да, много понастроено руками заводчан на радость людям. Чьё теперь всё это? Где та Страна?

Да и сам завод всё делят, делят. Ну, да Бог им судья. Вот только что станется, если надумает на нас напасть столь же сильный и безжалостный враг, как в те грозные годы? Горько об этом думать. Найдутся, наверняка, и сейчас такие люди, как его отец Александр Климентьевич и батин друг Михаил Поликарпович, готовые жизнь положить за свободу Родины, да только мало их. Станут ли люди рваться на верную смерть, как просились тогда на фронт обычные ребята и девчата? Возможно, что и станут. Но за что жизнь отдавать? Уж, конечно, не за благополучие воров-олигархов... Только за Родину!

По оживлённому тротуару спешат по своим делам люди, а ветеран всё сидит на лавочке и, глядя куда-то вдаль, вспоминает. Да, много чего произошло за эти годы. Средняя сестра Маша умерла следующей зимой после войны от воспаления лёгких. Остальные же ребятёнки все более-менее в люди выбились. Средний брат Толя даже главным инженером на мебельной фабрике работал, он умер от инфаркта пару лет тому.

Дядя Зиновий живым и невредимым, весь в орденах и медалях, вернулся с войны. Его боевой путь начинался с обороны блокадного Ленинграда, а закончился автографом на стене Рейхстага. Но вписаться в мирную жизнь у него не

получилось, вскоре запил. Никак не мог он уже обойтись без «наркомовских» ста грамм, они-то его и сгубили; утонул по пьяной лавочке в Вятке.

Кольке-одесситу не суждено было больше подняться по Потёмкинской лестнице к бронзовому Дюку и пройти по Приморскому бульвару. Колька пал смертью храбрых в Крыму, освобождая Севастополь – город славы русских моряков. Так и не дошёл он до своей родной Одессы.

Мирон и Кузя, отучившись в школе юнг на Соловецких островах, успели оказаться на боевых кораблях Черноморского флота; правда, на разных. Но повоювать им так и не довелось, к тому времени фашистов с Чёрного моря выгнали. Через несколько лет они вернулись на Филейку и работали на заводе до самой пенсии.

Старший брат Кузи Григорий закончил войну младшим лейтенантом в Чехословакии. Потом его перевели служить в Прибалтийский военный округ, где летом 1947-го во время короткого боя с «лесными братьями» Григорий пал, насмерть изрешечённый автоматными пулями.

Начальник кузницы, где надорвался Витёк во время войны, Александр Фёдорович Ветров вернулся после Победы обратно в Москву, как и многие эвакуированные с заводом рабочие.

А бывший некогда хулиганом Федька по прозвищу Штырь пришёл с войны с двумя ранениями и орденом на груди. Взялся за ум, окончил вечернюю школу. А после стал

он работать участковым милиционером. Дожил до старости, правнуков дождался даже. Виктор Александрович проводил его в последний путь лет пять назад.

Пришедший калекой с войны сосед дядя Илья сдружился с безногим дядей Филиппом, который научил его сапожному ремеслу. Стали они на пару чеботарить. «На двоих у нас одна нога, зато её мы обуваем по высшему разряду!» – посмеивались над собой неунывающие башмачники.

Начальник отдела найма и увольнения Малышев Николай Дмитриевич, со скрипом принявший двенадцатилетнего Витьку на завод осенью 42-го, долго ещё работал заместителем директора по кадрам.

Его однофамилец начальник заводской телефонной станции Малышев Иван Николаевич до самой пенсии трудился на предприятии. При нём перешли с ручного коммутатора на АТС. Для обоих Малышевых он, Виктор Александрович, всю жизнь оставался мальчишкой, Витьком, которого они помнили по военному времени.

О судьбе подселенцев, Мишки Зорина, Семёна и Степана, как ушли они на фронт, так больше ничего известно и не было. Зато хорошо знал ветеран, как трагически сложилась судьба того паренька из Слободского, Гриши Булатова, ставшего непризнанным знаменосцем Победы*.

[*Примечание: Григорий Петрович Булатов (1925–1973) – рядовой-разведчик, совместно с боевыми товарищами первым в условиях боя водрузил штурмовой красный стяг

на рейхстаге 30 апреля 1945 года в 14 часов 25 минут. Долгие годы безуспешно пытался он доказать свой подвиг, за что среди знакомых получил пренебрежительное прозвище «Гришка-рейхстаг». В 1973-м году он так и ушёл из жизни непризнанным знаменосцем Победы. Похоронен в городе Слободском Кировской области.]

Тут понял вдруг Виктор Александрович, что все, о ком он только что вспоминал, – по крайней мере, те, о судьбе которых ему известно, – умерли. Давно схоронены на Филейском кладбище и мама с бабушкой. А бабушка перед смертью в 1954 году рассказала, что икону Николая Чудотворца, ту, что хранилась в начале войны у них дома, верующие люди, опасаясь новых гонений, спрятали в надёжном месте до лучших времён. В Серафимовском же храме повесили список, с которым и стали совершать Великорецкий крестный ход. Насчёт гонений бабушка оказалась права. Находящийся тогда у власти Хрущёв пообещал, что в скором времени покажет по телевизору на весь мир последнего русского попа. Снова безбожники принялись рушить храмы, а за ношение крестика накладывалось взыскание.

Да, все, о ком он вспоминал, умерли, но... Варя, первая филейская красавица, не умерла. Люди, отправившие на неё похоронку, ошиблись. Подобные ошибки не являлись в те военные годы чем-то из ряда вон выходящим. Её не убили, но ранили очень тяжело. Страшные ожоги обезобра-

зил Варю. Сгорело больше половины кожи головы. Из-за начавшейся гангрены Варе ампутировали левую кисть, но болезнь продолжилась, пришлось отрезать всю руку выше локтя. Изуродованная девушка, провалявшись больше года по госпиталям, не захотела возвращаться в Киров. Наверное, постеснялась предстать перед знакомыми такой некрасивой. На Филейке её больше никто не видел. Но слухи ходили, будто бы уехала она в какую-то глухую деревушку в Забайкалье.

Сам же Витька после войны увлёкся боксом, да так успешно, что начал выигрывать один юниорский турнир за другим. Стал чемпионом города, области, а с чемпионата РСФСР привёз за второе место не просто приз, а мечту – электрический патефон! Он продолжал трудиться на заводе, а когда стукнуло ему 18, пошёл работать испытателем в цехе № 14. В их лаборатории проверяли оборудование авиационных стрелковых установок. Начальник испытателей фронтовик-инвалид Леонид Николаевич Нагаров стал заядлым Витькиным болельщиком. Ездил с ним на соревнования, поддерживал, как мог. Он-то и убедил Витю учиться дальше. Так в 18 лет пошёл Виктор в пятый класс школы рабочей молодёжи. Тем паче, что ходить недалеко: ШРМ располагалась прямо на территории завода, рядом с лабораторией, на втором этаже кузнечного цеха.

Закончился учебный год, и Витька получил повестку из военкомата. Об авиации с его образованием не стоило и мечтать. Но на флот попасть оказалось вполне реально; правда,

брали туда как минимум с шестью классами. И тогда совершил Витёк, пожалуй, самое страшное преступление в жизни: переправил в аттестате цифру 5 на 6, а по недостающим предметам оценки сам дорисовал. Так попал он на Тихоокеанский флот. Пять лет службы на тральщике в Японском море считал Виктор Александрович самым светлым временем жизни.

Вернувшись после службы на родной завод, продолжил обучение в вечерней школе сразу с седьмого класса. Долго не мог понять, о чём говорят на уроках учителя. Математичка рисовала букву *a* и рядом маленькую двоичку, вслух же произносила: «А в квадрате». В каком ещё квадрате?! Непонятно. Хорошо, младшие братьовья поднатаскали, помогли понять Витьке всё пропущенное за шестой класс. Он окончил школу рабочей молодёжи отличником, а затем и заочное отделение Политеха.

Когда ещё учился в институте, познакомился с молоденькой девушкой, которая стала ему женой на всю жизнь. Думали, что любовь с первого взгляда; оказалось, не так: как минимум, со второго. Они потом долго смеялись, когда однажды жена начала вспоминать истории из своего детства. Как переехала её семья весной 45-го на Филейку из глухой деревушки Раменцы Верховинского района. Мама послала её, совсем маленькую, в продуктовый за хлебом, а она по деревенской привычке пошла босиком. И как было ей стыдно, когда незнакомые люди стали тыкать в неё пальцами, рас-

суждая: мол, до чего бедная девочка, даже обуви нет. А она убежала из магазина, так ничего и не купив. Тогда-то и посмотрели они друг на друга в первый раз.

И снова воспоминания о войне: вечно урчащий от голода желудок, эмульсия, застывшая от холода в корыте станка, братские могилы на Филейском кладбище... Все знают, как тяжело было на передовой, но и в тылу люди жертвовали собой ради счастья будущих поколений! Здесь дети, женщины, старики ковали Победу, сутками не выходя с завода. Кто был на Филейке во время войны и видел забитые опухшими от голода людьми промёрзшие бараки и землянки, кто видел трупы умерших прямо в цехах от дистрофии и холода рабочих – тот знает, что здесь было не легче, чем на фронте. Ничуть не легче.

Виктор Александрович, Витёк, щурясь, смотрит вдаль. Справа от златоглавого храма вытянулись, насколько хватает взгляда, корпуса трижды орденоносного завода, которому отдано полвека. «АВИТЕК» – название, словно текущее ввысь!

А над заводом – безоблачные синие-синие небеса, отразившиеся в ясных глазах ветерана...

И всё-таки мы победили. Ради этого стоило жить.

Киров, Филейка. 2012–2013 г